

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XIII.

Подъ редакціей кн. С. Н. Грубецкогo и Л. М. Лопатина.

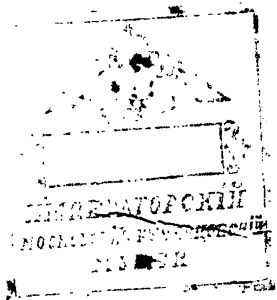

Книга III (63).

МАЙ — ІЮНЬ 1902 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., соб. домъ.

1902.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Изъ жизни высшихъ школъ Римской имперіи. (Окончаніе.) И. Цвѣтаева	1091
Неогеометрія и ея значеніе для теоріи познанія. (Статья 2-я) Г. Челпанова	1137
Вѣра. Психологическій этюдъ. (Продолженіе.) П. Соколова.	1158
Вѣра въ безсмертіе. Кн. С. Н. Трубецкого	1195

Волюнтаристическое ученіе о волѣ. (Окончаніе.) Н. Лос- скаго	755
Русскій Фаустъ. А. Луначарскаго	783
Плюшкинъ—психологическій разборъ его. Я. Каплана	796

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Контрасты и симметрія (G. Tard. L'Opposition universelle. Essai d'une théorie des contraires). Е. Аркина	814
L'année psychologique , publiée par A. Binet, avec collaboration de H. Beaunis et Th. Ribot. Secrétaire de la Rédaction Victor Henri. Septième année. Paris 1901). Н. Д. Виноградова	832
Уильямъ Джемсъ , профессоръ Гарвардскаго университета. Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Переводъ съ англ. приватъ-доцента моск. унив. В. И. Ивановскаго. Москва, 1902. XIII+164 (in 12). Н. Д. Виноградова	837

Стр.

II. Библиографическій листокъ.

III. Обзоръ журналовъ.

Revue philosophique 1901 г. А. Волковичъ и В. Столица . 847

Извѣстія и замѣтки.

Психологическое Общество. (Отчеты о засѣданіяхъ
СІС—СС) 860

Отчетъ казначея общества за 1901 г., списокъ членовъ
Психол. Общ., условія для соисканія второй преміи
Д. А. Столыпина 862

ОБЪЯВЛЕНІЯ 873

Изъ жизни высшихъ школъ Римской имперіи *).

II.

Отъ профессоровъ переходимъ къ *студентамъ* эллино-римскихъ высшихъ школъ.

Ни классическая древность, ни императорская эпоха, вплоть до второй половины IV в., не знали никакого ограниченія въ вопросѣ о возрастѣ студентовъ. Какъ къ древнимъ софистамъ и философамъ доступъ былъ свободенъ всѣмъ и каждому, такъ и въ аудиторіяхъ профессоровъ императорскаго періода сходились слушатели разныхъ лѣтъ. Преобладающимъ элементомъ былъ, конечно, юношескій возрастъ, отъ 16 до 20 лѣтъ, и нѣсколько выше. Но при этомъ бывали студенты и гораздо старше того: 24 лѣтъ прибылъ въ Аѳины для слушанія лекцій принцъ Юліанъ, 25-лѣтнимъ студентомъ въ Аѳинахъ былъ Василій Великій; на 30-году кончалъ тамъ свой курсъ Григорій Богословъ ¹⁾ и только 30 лѣтъ обратился къ наукѣ риторъ второй половины V в. Суперіанъ ²⁾; послѣ 32 лѣтъ появился въ Аѳинахъ съ цѣлью высшаго образованія Септимій Северъ, будущій римскій императоръ ³⁾; въ этихъ же годахъ прохо-

*) См. № 62 Вопросы философіи и психологін.

¹⁾ См. хронологическій подсчетъ у Sievers, Das Leben des Libanius, стр. 20, примѣч. 25—27.

²⁾ См. Lexis п. сл. *Superianus*; ср. о немъ Фотія Biblioth. стр. 341—342 Веккер. Примѣры обращенія къ философіи въ годы зрѣлаго мужества были и въ классической древности.

³⁾ Spartian. Sev. 3.

Вопросы философіи, кн. 63.

диль науку краснорѣчія въ аѣинскомъ университетѣ и Прозересій ¹⁾.

Съ другой стороны, выработался у честолюбивыхъ родителей обычай посылать въ школы риторовъ и дѣтей младшаго возраста, которымъ слѣдовало бы сидѣть еще въ средней школѣ подъ руководствомъ учителя языка и литературы или грамматика. Такіе чрезмѣрно молодые студенты являлись въ аудиторіи профессоровъ въ сопровожденіи дядекъ или педагоговъ.

Столь разнокалиберный и пестрый составъ подавалъ поводъ къ насмѣшкамъ старшихъ студентовъ надъ этими мальчиками; должны были вслѣдствіе этого происходить взаимныя обиды и столкновенія въ аудиторіяхъ. Во устраненіе беспорядковъ этого рода, одинъ изъ аѣинскихъ профессоровъ краснорѣчія II в. далъ такое распредѣленіе мѣстъ въ своей аудиторіи, что младшіе по возрасту студенты сидѣли ближе къ каедрѣ профессора, а среднія мѣста занимали ихъ педагоги, которые, вѣроятно, должны были, при случаѣ, силой защищать своихъ питомцевъ отъ обидъ старшихъ студентовъ, помѣщавшихся въ верхнихъ рядахъ скамей ²⁾.

Не было долгое время никакихъ установленій о срокѣ окончанія курса. Поэтому Григорій Богословъ пробылъ въ Аѣинахъ около 10 лѣтъ, занимаясь науками краснорѣчія, филологіи, математики, философіи и частію медицины ³⁾. Либаній, пробывши тамъ четыре года, желаетъ провести въ этомъ городѣ еще столько же времени, отдавая любимымъ занятіямъ ⁴⁾.

¹⁾ Ср. Clinton, Fasti Romani I p. 355.

²⁾ Филостратъ *Vita soph.* II, гл. 21, 3.

³⁾ Григорій Богословъ *Εἰς Βασίλειον ἑπίσκοπον Κασσαρείας Καππαδοκίας ἐπίταξις* (Т. I, Слово XX, стр. 333 по изд. Jac. Billius Lipsiae 1690; въ другихъ изданіяхъ оно помѣщается подъ № 43); Ullmann, Gregorius von Nazianz, *der Theologe*, стр. 31; 552.

⁴⁾ Либаній Т. I стр. 21 изд. Reiske; Sievers ук. соч., стр. 48. Иногда цѣлые десятки лѣтъ готовились къ преподаванію ученики философскихъ школъ классической эпохи. Аристотель былъ ученикомъ Платона 20 лѣтъ, Зенонъ-стоикъ въ слушаніи лекцій и въ литературныхъ трудахъ провелъ около 20 л., Клеанъ слушалъ Зенона 19 лѣтъ и т. д.

Лишь въ 370 г., какъ надо думать, вслѣдствіе неудобствъ, возникавшихъ отъ беспорядочной жизни засиживавшихся студентовъ, изданъ былъ императорскій эдиктъ, по которому питомцы высшихъ школъ Рима должны были оканчивать курсъ къ 20-му году (*usque ad vicesimum annum*), послѣ чего на ихъ обязанности лежало нести всѣ гражданскія повинности ¹⁾. Да студенты, изучавшіе юриспруденцію въ финикійскомъ городѣ Беритѣ, закономъ императоровъ Діоклетіана и Максиміана уполномочены были оставаться здѣсь до 25-го года ²⁾. Позднѣе Юстиніанъ установилъ 4 или 5-лѣтній срокъ для студентовъ-юристовъ также Рима и Константинополя ³⁾.

Вступленіе въ высшую школу не обусловлено было со стороны закона никакимъ обязательнымъ экзаменомъ и никакими аттестатами учителей средней школы. Но, по крайней мѣрѣ, у риторовъ IV в. по Р. Хр. былъ обычай бесѣдовать съ новичками объ ихъ познаніяхъ, чтобы опредѣлить степень ихъ зрѣлости для предстоящихъ занятій. По окончаніи предварительныхъ переговоровъ имя новопоступавшаго заносилось въ особый списокъ ⁴⁾. Отсылались ли при этомъ юноши мало приготовленные, на это нѣтъ у насъ никакихъ указаній. При коммерческомъ характерѣ высшаго образованія и при той роли, которую тогда играло тщеславіе преподавателей численностію слушателей и учениковъ, едва ли это и бывало. Упоминается лишь одинъ случай отказа профессора желавшему вступить въ число его учениковъ, и притомъ отказа, сдѣланнаго въ рѣзкой и негодующей формѣ. Но профессоръ этотъ былъ идеально честный неоплатоникъ Прокль, въ студенты же записаться къ нему явился богатый сиріанинъ изъ Антиохіи, у котораго ковар-

1) *Cod. Theod.* XIV, tit. 9, l. 1. Ср. ниже, стр. 1111 и слѣд., гдѣ этотъ законъ напечатанъ вполнѣ.

2) *Cod. Iust.* X, 49, 1.

3) *Dig. Prooem.* 1—6.

4) Либаній *Ἐπιστολαί* 187; 338; 1203; Wolf, ср. его же *T. I*, стр. 527 *Reiske*.

ный другъ совратилъ жену и который послѣ того сильно загулялъ самъ и въ этомъ-то чаду надумался посвятить себя изученію философіи. Прокль рѣзко отослалъ его отъ себя ¹⁾, конечно въ мысли, что его наука должна быть воспринимается чистымъ сердцемъ.

Каждый новопоступавшій студентъ избиралъ себѣ профессоровъ по собственному усмотрѣнію. Но позднѣе выработался обычай строго дѣлиться между профессорами и принимать на себя и личныя, часто враждебныя отношенія своихъ наставниковъ.

На этотъ выборъ молодыхъ людей изъ провинцій имѣли вліяніе академическая слава преподавателя, рассказы старшихъ студентовъ, пріѣхавшихъ на вакаціи, а также, конечно, и воля родителей. Послѣдняя однако бывала иногда безсильна противъ внутренняго влеченія самихъ юношей. Такъ современникъ Константина Великаго философъ пергамскій Эдесій въ юности былъ отправленъ отцомъ, человѣкомъ знатнаго рода, но бѣднымъ, изъ Каппадокіи въ Аѣины учиться какой бы то ни было, но только прибыльной наукѣ. Юноша поступилъ, однако, тамъ подъ руководство профессоровъ философіи и, пройдя здѣсь курсъ этой науки, воротился домой. Разочарованіе отца отъ такого результата пребыванія сына въ Греціи было такъ велико, что онъ въ гнѣвѣ выгналъ сына изъ дома.

Но озаренный свѣтомъ философской науки сынъ упалъ къ ногамъ отца, началъ молить его о прошеніи и этимъ благороднымъ отношеніемъ къ гнѣву родителя такъ тронулъ сердце послѣдняго, что отецъ послѣ того боготворилъ своего сына ²⁾.

Что касается выпускныхъ экзаменовъ, то существованіе ихъ упоминается и въ классическій періодъ, и въ императорскую эпоху. Въ школѣ эфебовъ въ Аѣинахъ на окончательное испытаніе являлся стратегъ, высшій государ-

¹⁾ Свидя п. сл. *Ἰάριος*; Фотій Biblioth. стр. 351 Becker.

²⁾ Евнапій *Βίοι φιλοσόφ. κ. σοφ.—Αἰδέσιος* стр. 461 Boiss.—Did.

ственный сановникъ. Онъ слѣдилъ за успѣхами какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ позднѣе и въ преподававшихся здѣсь наукахъ—филологіи, риторикѣ и философіи и искусствахъ, подходившихъ подъ греческое понятіе музыки. Профессоровъ отличавшихся эфебовъ онъ удостоивалъ приглашенія послѣ къ столу. Въ школахъ риторовъ экзаменомъ служили публичныя рѣчи, которыя должны были произносить старшіе студенты на темы, данныя заранѣе и экспромptomъ. Никакихъ письменныхъ удостовѣреній или аттестатовъ, видимо, не выдавалось.

Впрочемъ эта свобода выбора иногда могла встрѣчать, особенно въ Аѳинахъ IV в., и неожиданныя препятствія,—такъ что молодой человѣкъ, ѣхавшій сюда изъ своей родины съ опредѣленнымъ намѣреніемъ, попадалъ къ учителю, о которомъ онъ дотолѣ не слыхалъ или котораго слушать не имѣлъ никакого желанія. У студентовъ аѳинскихъ профессоровъ въ этомъ столѣтіи былъ сильно развитъ обычай всячески вербовать новыхъ слушателей своему наставнику. Для этого партіи молодыхъ людей въ осеннее время, передъ началомъ академическаго года, каждая съ своимъ предводителемъ и именемъ своего профессора, размѣщались въ разныхъ пунктахъ морского берега, а также по дорогамъ и горнымъ проходкамъ, ведущимъ къ Аѳинамъ, и здѣсь ждали момента появленія новичковъ. Приставалъ ли корабль, показывался ли караванъ ожидаемыхъ гостей на сухопутныхъ дорогахъ, студенты наперерывъ, одна корпорація передъ другой, старались овладѣть добычею, употребляя при этомъ всѣ средства—лесть, убѣжденіе, ласку и даже насиліе, въ случаѣ недѣйствительности этихъ приемовъ. Соперничество вербовавшихъ нерѣдко кончалось драками, при чемъ пускались въ ходъ хлысты, палки, камни и даже оружіе. На морскомъ берегу студенческіе отряды располагались не только возлѣ Пирея, но даже на Сунійскомъ мысу и въ другихъ прибрежныхъ мѣстахъ ¹⁾.

1) Либаній Т. I, стр. 13 Reiske.

„И что весьма странно и достойно сожалѣнія—говорить Григорій Богословъ по этому поводу въ надгробномъ словѣ Василию Великому—напередъ уже захвачены города, дороги, пристани, вершины горъ, равнины, пограничныя помѣстья, каждый уголокъ Аттики и всей Греціи, даже большая часть самихъ жителей“¹⁾.

Новичокъ, становившійся при этомъ какъ бы военной добычей, вынужденъ былъ отказываться отъ прежде составленнаго плана своихъ занятій и попадалъ къ тому профессору, студенческая партія котораго оказывалась физически сильнѣе. Извѣстнаго въ IV в. по Р. Х. профессора краснорѣчія Либанія, прибывшаго въ 336 г. въ Аѣины съ цѣлю сдѣлаться слушателемъ одного ритора, сначала захватила студенческая корпорація неизвѣстнаго ему преподавателя, но на слѣдующее утро у нея отняла этого новичка партія арабовъ, которая затащила его силою къ себѣ и, заключивши въ чанъ, держала до тѣхъ поръ въ этомъ тѣсномъ плѣну, пока онъ не поклялся стать ея членомъ и ученикомъ ея профессора Діофанта, также араба по національности²⁾. Новичковъ захватывали весьма часто при этомъ въ болѣзненномъ состояніи, послѣ долгаго плаванія въ бурное осеннее время. Бывшій аѣинскій студентъ Евнапій рассказываетъ, что онъ высадился на берегъ въ Пиреѣ еле живой, что товарищи и родственники, въ сопровожденіи которыхъ онъ дѣлалъ это путешествіе, довели его отъ гавани до Аѣинъ подъ руки. И если они не попали въ руки вербовщиковъ, то или потому, что ихъ было много, или потому, что прибыли они въ Пирей позднимъ вечеромъ и совершали свой переходъ ночью, и притомъ подъ предводительствомъ капитана ихъ корабля, своего человѣка въ городѣ и въ этихъ мѣстахъ³⁾. Гостиницъ и пансіоновъ въ Аѣинахъ въ IV в. не было, а потому пріѣзжіе молодые люди помѣщались на

1) Т. I, Слово XX, стр. 327 изд. Iac. Billius.

2) Либаній Т. I, стр. 13 Reiske; Свидѣт. п. сл. Λιβάνιος; Евнапій Βίαι φιλόσοφ. κ. σοφ.—Λιβάνιος, стр. 495 Boiss.-Did.

3) Евнапій указ. соч.—Προαιρέσιος, стр. 485.

первый разъ у кого-либо изъ поселившихся тамъ раньше—друга, родственника, земляка или у студента, пользовавшагося наибольшимъ авторитетомъ своего наставника ¹⁾).

Иногда первый приютъ будущіе студенты находили себѣ и въ домахъ своихъ профессоровъ. Когда Евнапія больного дотащили отъ Пирея до Аѣинъ, была уже полночь, но тѣмъ не менѣе руководившій новопріѣзжими капитанъ корабля привелъ ихъ всѣхъ къ дому своего знакомаго, знаменитаго Прозересія. Благодушный хозяинъ, несмотря на 87 лѣтъ, сейчасъ же всталъ, поднявъ на ноги весь домъ, вызвалъ себѣ на подмогу своихъ родственниковъ. Гамомъ, шутками и молодымъ смѣхомъ наполнилось въ такую позднюю пору жилище профессора ²⁾; не ложились при этомъ, конечно, до утра. Утромъ же молодые путешественники были вымыты въ баняхъ и заботливо размѣщены по знакомымъ и въ домахъ наиболѣе надежныхъ гражданъ. Услышавъ о слабомъ состояніи здоровья нашего рассказчика, тѣмъ временемъ лѣчившагося, Прозересій упрощиваетъ своихъ студентовъ не мучить его насмѣшками и обидами, традиціонно практиковавшимися въ отношеніи всѣхъ вновь поступавшихъ въ академическую среду ³⁾).

У аѣинскихъ студентовъ IV в. существовалъ обычай предъявлять къ новичкамъ въ первые дни особенное обхожденіе. Въ началѣ они терпѣли насмѣшки отъ всякаго, кто только желалъ показать имъ силу. Этимъ думали укротить высокомѣріе поступающаго и показать ему все его, обыкновенно провинціальное, ничтожество въ сравненіи съ ними, настоящими студентами, уже давно вступившими въ завѣтный кругъ посредствомъ форменнаго посвященія ⁴⁾).

¹⁾ Григорія Богослова Т. I, Слово XX, стр. 327 изд. Billius.

²⁾ Евнапія Βίαι φιλοσ. κ. σοφ.,—Προαιρέσιος стр. 485: Εὐθύς μὲν οὖν χαρμηνίῃ τε τῆν περὶ τῶν εὐχίαν καὶ διαβρομαί τινας ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, καὶ αἱ μὲν ἐγέλωσιν, οἱ δὲ ἐγλεύαζον.

³⁾ Евнапія указ. соч., стр. 485—86.

⁴⁾ Объ этой τελετή см. у Фотія Bibliotheca, стр. 80, b Becker, извлечение изъ Олимпіодора.

Это былъ особый обрядъ, подчиненіе которому считалось обязательнымъ въ Аѣннахъ разсматриваемаго нами періода для всякаго. Исключенія здѣсь были крайне рѣдки и вызывались особымъ ходатайствомъ старшихъ студентовъ за такихъ новопріѣзжихъ, которые уже ранѣе того прославились особымъ умомъ и научными познаніями. И если Василій Великій былъ избавленъ, по пріѣздѣ въ Аѣины, отъ обычнаго испытанія и установленныхъ церемоній, то этимъ онъ обязанъ и предшествовавшей ему ученой и ораторской славѣ, и особому заступничеству его друга Григорія Богослова, уже давно жившаго въ Аѣинахъ и пользовавшагося здѣсь необычайнымъ авторитетомъ ¹⁾. Замѣчательно, что самъ прославленный и старый Проэресій, въ своемъ попененіи о больномъ новичкѣ, упрашивалъ студентовъ только освободить его отъ обидъ и насмѣшекъ, оставляя имъ совершеніе обычной бани посвященія надъ этимъ несчастнымъ ²⁾. Обрядъ заключался въ торжественной процессіи черезъ городскую площадь въ публичную баню. Корпорация студентовъ становилась попарно въ ряды, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, и въ этомъ видѣ сопровождала новичка до самыхъ бань. Съ приближеніемъ къ нимъ, партія, шедшая впереди, останавливалась, поднимала съ какою-то пляскою неистовый крикъ и старалась отодвинуть новичка назадъ, въ знакъ того, что баня его не принимаетъ; партія студентовъ, слѣдовавшая сзади, напирала впередъ и въ этой борьбѣ обыкновенно одерживала побѣду. Выламывали при этомъ двери бани, также будто бы съ намѣреніемъ навести страхъ на посвящаемаго, вводили его туда и затѣмъ предоставляли ему свободу. Оставшись одинъ, онъ мылся

¹⁾ Ср. Григорія Богослова Т. I, Слово XX, стр. 326, 328 изд. Billius.

²⁾ Евнапій въ указ. соч. (стр. 486) передаетъ и рѣчь Проэресія къ своимъ студентамъ: *Εἰ τι δὴ βούλεσθε χαρίζασθαι μοι, τῷ δημοσίῳ λευτέρῳ τούτων καθήκας, γὰρ τῆς υλεασίας φησὶν αὐνοὶ καὶ παιδίας, ὡς περ ἑρμόν τινα παῖδα φαίροντες.* Но насколько точна эта редакція, судить трудно, даже и предположивъ, что онъ присутствовалъ самъ при этомъ дѣлѣ, касавшемся его лично, такъ какъ между этимъ событіемъ и опубликованіемъ его сочиненія легло много лѣтъ.

и выходилъ оттуда какъ равный со всѣми; его встрѣчали уже какъ товарища, включеннаго въ ихъ братство ¹⁾). Этотъ моментъ объявленія новичка полноправнымъ академическимъ гражданиномъ соединялся, по одному, дошедшему до насъ, свидѣтельству, съ полученіемъ особаго студенческаго плаща ²⁾). Возможно, что слѣдовало затѣмъ торжественное шествіе въ домъ профессора для представленія, и несомнѣнно, что послѣ вся церемонія заканчивалась веселымъ пиромъ. Практиковалась ли эта традиционная баня студенческаго посвященія въ высшихъ школахъ другихъ городовъ, мы не знаемъ; но обычай старшихъ студентовъ издѣваться надъ новичками существовалъ въ Константинополь и въ Беритѣ еще въ VI в. и вызвалъ особое запрещеніе императора Юстиніана ³⁾).

Учебный годъ въ высшихъ школахъ Греціи и Рима не былъ продолжителенъ. Элементарное ученіе обыкновенно оканчивалось къ іюлю мѣсяцу. Съ іюлемъ наступали знойныя жары, когда большинство населенія раздѣжалось въ горы, къ морю, въ помѣстья и деревни. Въ большихъ городахъ начинался мертвый сезонъ. И если въ іюль въ Римѣ обыкновенно не дѣйствовали даже суды, служившіе существеннымъ и трудно устранимымъ потребностямъ жизни ⁴⁾), то тѣмъ менѣе можно было ожидать въ эту пору охотниковъ до слушанія высшихъ научныхъ курсовъ.

Академическій годъ, такимъ образомъ, долженъ былъ оканчиваться съ іюнемъ мѣсяцемъ. Что же касается начала его, то едва ли онъ открывался ранѣе января или, по крайней мѣрѣ, едва ли раньше этого срока устраивались систематическія занятія въ высшихъ школахъ Рима. Прав-

¹⁾ Григорій Богословъ Т. I, Слово XX, стр. 327—28 изд. Billius; Либаній *Еπιστολ*, 1071., 1086 Wolf; ср. его же Т. I, стр. 13—14 Reiske.

²⁾ См. объ этомъ *Τριζων* извлеченіе изъ Олимпіодора у Фотія *Bibliotheca*, стр. 60 b Becker; изображеніе его по статуѣ философа кинической школы музея Боргезе см. *Rich. Dictionary of rom. and greek antiquities* s. v.

³⁾ *Dig. Prooemium* 9.

⁴⁾ *Plin. Epist. VIII, 21.*

да, что элементарное учение начиналось уже въ половинѣ октября; но нѣтъ основанія думать, чтобы у древнихъ количество учебнаго времени въ году было одинаково въ школахъ всѣхъ родовъ и степеней, какъ не одинаково оно и у новыхъ народовъ, у которыхъ годичный курсъ высшихъ учебныхъ заведеній повсюду на практикѣ значительно короче учебнаго года низшихъ школъ.

Но что признается необходимымъ нынѣ, то было уже и въ классической древности. Преподаватель юриспруденціи I в. имперіи Антистій Лабейонъ дѣлилъ годъ такимъ образомъ, что шесть мѣсяцевъ проводилъ въ Римѣ въ средѣ своихъ учениковъ, а на остальное время удалялся изъ города, посвящая себя литературнымъ трудамъ ¹⁾.

Впрочемъ, независимо отъ этихъ предполагаемыхъ причинъ, академическій годъ римлянъ едва ли серьезнымъ образомъ начинался вмѣстѣ съ учебнымъ годомъ низшихъ школъ, потому что время съ конца октября до новаго года не могло быть удобнымъ для правильнаго чтенія и посѣщенія лекцій. Это была пора почти непрерывныхъ праздниковъ, въ которыхъ молодежь, конечно, принимала самое живое участіе, и когда, по крайней мѣрѣ, огромное большинство ея всего менѣе согласилось бы сидѣть вокругъ профессорской кафедры и предаваться ученымъ занятіямъ. Не говоря о многодневномъ праздникѣ Побѣды (*ludi Victoriae*), справлявшемся въ концѣ республики съ 26-го октября по 1-е ноября, наступали 4-го ноября Плебейскія игры (*ludi Plebei*), которыя продолжались до 17-го числа того же мѣсяца; во второй половинѣ декабря начинались Сатурналии, занимавшія обыкновенно семь дней (17—23) ²⁾. Шумъ и веселье, неразлучно связанныя съ этими праздниками, и приготовленія къ нимъ увлекали собою молодежь, которой теперь было не до серьезныхъ занятій, требовавшихъ сосредоточенія всѣхъ умственныхъ силъ. Школы и аудиторіи были

1) Dig. I, 2, 47.

2) Marquardt, Röm Staatsverwaltung III, стр. 335, 478 и слѣд., 560 и слѣд

бы пусты у тѣхъ ретивыхъ учителей и профессоровъ, которые начали бы свои курсы раньше другихъ. Конечно, не вся учащаяся молодежь предавалась шумному веселью; были и студенты, не прерывавшіе совсѣмъ научныхъ занятій даже и въ праздники ¹⁾. Но это были исключительные характеры, которые не могутъ идти въ расчетъ при обсужденіи нашего вопроса уже потому, что праздничныя занятія ихъ были частнаго свойства. Читенія лекцій тогда не было и аудиторіи были закрыты.

Итакъ, если *правильныя научныя занятія* въ высшихъ школахъ Рима устанавливались обыкновенно съ января и ученіе продолжалось тамъ до конца іюня, то римскій академическій годъ состоялъ изъ шести мѣсяцевъ, включая сюда и праздники, приходившіеся на это время. Обычай столицы, по всей вѣроятности, служилъ образцомъ для высшихъ школъ другихъ городовъ, хотя, при полной свободѣ школьнаго дѣла до самаго поздняго времени имперіи, могли быть нѣкоторыя исключенія и здѣсь. Въ Афинахъ и на греческомъ востокѣ, какъ сказано выше, ученіе высшихъ школъ начиналось 1 января.

Не подлежитъ сомнѣнію, что лекцій по праздникамъ, какъ и въ дни пріѣзда въ провинціальныя города правителя области или, въ школахъ риторовъ, въ дни публичнаго прознесенія рѣчей студентами и т. д., не было. Лекція и занятія отмѣнялись также въ случаѣ болѣзни профессора или по какой-либо другой причинѣ, препятствовавшей ему явиться въ среду его слушателей. Для этого вывѣшивались особыя объявленія. У Лукіана ²⁾ рассказывается, какъ одинъ студентъ философіи удерживаетъ своего товарища на пути къ учителю, приблизительно такими словами: «На нынѣшній день объявлена вакація. Ты его сегодня вовсе не увидишь, судя по объявленію, какое я давеча прочелъ надъ его дверью. Тамъ на досечкѣ большими буквами написано:

1) Gell. Noct. Att. XVIII, 2.

2) Ср. его Ἐπίτιμος II.

„сегодня не будетъ философскихъ бесѣдъ». Причину этой вакаціи студентъ приписывалъ тяжелому похмелью профессора послѣ вчерашняго обильнаго пира.

Что студенты высшихъ школъ дѣлились на союзы или корпораціи, видно уже изъ сказаннаго выше ¹⁾. Группировавшіеся обыкновенно около профессоровъ и устраивавшіеся, можетъ быть, при этомъ также и на принципъ землячества, студенческіе союзы создавались для цѣлей научныхъ и для пріятнаго препровожденія времени. Во главѣ ихъ стоялъ старшій, староста (*πρωτάτης*, *senior*), изъ болѣе характерныхъ и вліятельныхъ товарищей, очевидно, по выбору корпораціи.

Земляческій или національный характеръ этихъ сообществъ является въ источникахъ не разъ. Около *лакедемонянина* родомъ, профессора краснорѣчія Апсина въ IV в. въ Аѣинахъ образовалась корпорація *лакедемонскихъ* студѣнтовъ, повидимому подъ названіемъ *Свободной Спарты* ²⁾, хотя и съ аѣиняниномъ *Θемистокломъ* во главѣ.

Уроженецъ *Арменіи* профессоръ Прозересій былъ центромъ и идиоломъ *армянъ* и молодежи, сѣзжавшейся въ Аѣины изъ странъ Понта, Каппадокіи, Геллеспонта, Вифоніи и большей части Западной Азіи; студенты изъ *Аравіи* стоятъ подлѣ профессора *араба* Діофанта; около уроженца *Сиріи* Епиеанія группируются студенты *сиріане*, финикійцы и жители южной полосы Малой Азіи ³⁾.

Каждый изъ такихъ союзовъ представлялъ дружно сплоченную силу, которая, смотря по ея численности, была могучимъ орудіемъ въ рукахъ профессора. Древніе авторы оставили намъ не мало чертъ быта корпоративнаго

¹⁾ Въ Аѣинахъ и на греческомъ востокѣ эти общества студентовъ носили различныя названія: *χόροι*, *φρατρίαι*, *θίασοι*, *σύνοδοι*, по-латыни они вазывались—*factiones*, *sodalicia*.

²⁾ Евнапій *Βίοι φιλοσόφ. κ. σοφ.*—*Ἰουλιάνου*, стр. 487: *Πρωσιτίχαι δὲ τῆς ἀτάκτου Σπάρτης Θемιστοκλῆς τις Ἀστραῖος, ὅς ἦν καὶ τῶν κακῶν αἰτίας προπεπέστερος δὲ ὢν καὶ θρασύτερος, ἐς τὴν ἐκονομίαν ὕβριζεν.*

³⁾ Евнапій, указ. соч.—*Προαιρέσιος*, 487.

строю эллино-римскихъ студентовъ. Но вышло такъ, что преобладають здѣсь болѣе мрачныя, чѣмъ свѣтлыя краски. Много было въ этой жизни грубаго, жестокаго, много такого, что не имѣеть ничего общаго съ благороднымъ характеромъ наукъ, ради усвоенія которыхъ молодежь собиралась въ образовательные центры.

Вотъ тому нѣсколько доказательствъ. Во II в. по Р. Хр. слушатели Герода Аттика въ Аѳинахъ избирають мишенью своихъ насмѣшекъ и предметомъ систематическаго преслѣдованія привать-доцента риторики Филагра, недруга и явнаго антагониста ихъ учителя. Они въ постоянной съ нимъ войнѣ. Они ловятъ его на словѣ, стараясь привести его въ смущеніе за неудачное слово и выраженіе; услышавши отъ него разъ необдуманную фразу, вылетѣвшую у того въ гнѣвномъ настроеніи, студентъ Герода Аттика тутъ же спрашиваетъ, а у какого образцоваго автора встрѣчается такой странный примѣръ? Узнавши, что этотъ Филагръ не обладаетъ способностью говорить рѣчи экспромптомъ на темы, сейчасъ ему предложенныя, хотя и хорошо говорить на темы обработанныя заранѣе, они все-таки вызвали его на импровизацію. Для этого они, состоя, вѣроятно, въ данномъ случаѣ орудіемъ Герода Аттика, просили его сказать о предметѣ, который, какъ они знали, имъ былъ разработанъ въ ораторской рѣчи, произнесенной и изданной въ Малой Азіи. Филагръ, не подозрѣвая ловушки и не предполагая, чтобы его азіатская рѣчь, переписанная, можетъ быть, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, была извѣстна этой аѳинской молодежи, принялъ предложеніе и сталъ по памяти произносить старое. Но едва онъ началъ, какъ его слушатели вынули рукопись и принялись читать ее вслѣдъ за ораторомъ. Разумѣется, сейчасъ же явилось очень веселое настроеніе, послѣдовали смѣхъ и большой шумъ, заставившіе раздраженнаго Филагра послѣ перебранки съ аудиторіей замолкнуть и прекратить неудачное представленіе ¹⁾.

1) Филостратъ *Vici соф.* II, гл. 8.

Но если въ этомъ примѣрѣ крайне несимпатичную роль играетъ самъ преподаватель, человѣкъ надменный, вспыльчивый, несдержанный, завистливый и, какъ показываетъ послѣдній случай, недобросовѣстный, и если самъ онъ вызывалъ къ себѣ такое отношеніе молодежи, то не имѣетъ оправданія вышеизложенная нами ¹⁾ травля профессора Гераклида корпораціей студентовъ, его соперниковъ по преподаванію. Здѣсь воинственная молодежь являлась только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ учителей, сводившихъ съ Гераклидомъ личные счеты.

Слушатели аѣинскаго софиста Адріана такъ жестоко, чрезъ свою прислугу, засѣкли одного ругателя ихъ любимаго профессора, что тотъ черезъ мѣсяць умеръ ²⁾.

И что мы видимъ во II в. по Р. Хр. въ Аѣинахъ, то въ еще болѣе яркихъ краскахъ рисуется намъ въ жизни студенческихъ корпорацій IV вѣка не только въ этомъ городѣ, но и въ Константинополѣ, въ Антиохіи, въ Карфагенѣ; большою безпорядочностью и безпокойнымъ характеромъ отличалась, надобно думать, жизнь и римскихъ студентовъ.

Въ первой половинѣ IV ст. учили вмѣстѣ въ Аѣинахъ наукъ краснорѣчія софистъ Юліанъ, уроженецъ Каппадокіи, и лакедемонянинъ Апсинъ, лица различныхъ направленій. Непрїязненные отношенія этихъ преподавателей въ усиленной степени перешли и къ ихъ слушателямъ.

Разъ изъ-за какой-то ссоры лакедемонская корпорація, группировавшаяся около Апсина, не только избила слушателей Юліана, уроженцевъ припонтійскихъ странъ, Каппадокіи, Арменіи и Малой Азіи, но и принесла въ судъ форменную жалобу на студентовъ Юліана за покушеніе на убійство. Проконсуль Ахаіи самъ принялъ это дѣло въ свое вѣдѣніе и приказалъ, арестовавши всѣхъ обвиняемыхъ, заключить въ кандалы и профессора, и его учениковъ. На судъ они явились связанные, избитые, съ включенными

¹⁾ См. выше, стр. 1027 и слѣд.

²⁾ Филостратъ указ. соч. II, гл. 10, 5—6.

волосами, такъ что этотъ жалкій видъ возбудилъ состраданіе самого римскаго правителя. Ободренные успѣхомъ, лакедемонцы привели съ собою и своего учителя для веденія ихъ дѣла. Но проконсуль не далъ Аписину слова, заставивши произнести обвинительную рѣчь зачинщика драки, главу корпораціи, студента Θεμιστοκλα. Этотъ, не ожидая такого оборота дѣла, не приготовился и смущенный не зналъ, съ чего и какъ начать обвиненіе.

Наступило томительное и конфузливое для истцовъ молчаніе. Тогда проконсуль далъ слово подсудимымъ. Юліанъ выбралъ адвокатомъ своей стороны студента Προερέσια, который повелъ такую блистательную защиту, придавъ ей форму обвиненія противъ распоряженій самого проконсула и порядковъ города Аѣинъ, что римскій правитель, пораженный основательностью его доводовъ, созналъ несправедливость преждевременнаго ареста и дурного обращенія съ людьми, вина которыхъ еще не была разслѣдована и доказана судомъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ, что вина была на сторонѣ Θεμιστοκλα и его лакедемонскихъ товарищей. Защита была настолько сильна и необычайна, что восторженно поднялся съ своего мѣста и рукоплескалъ проконсуль, забывъ прежнее запрещеніе; рукоплескалъ и самъ враждебный Юліану Аписинъ, увлеченный потокомъ и блескомъ рѣчи молодого оратора. Подсудимые были отпущены, а жалобщики понесли, повидимому, очень тяжкое наказаніе ¹⁾.

Студенческая жизнь Аѣинъ въ IV в. отличалась спокойнымъ характеромъ; взаимныя ссоры и драки университетскихъ корпорацій и всевозможные эксцессы учащейся молодежи сдѣлались тамъ обычнымъ явленіемъ. Но эти пере-

1) Евнапій Βίοι φιλοσ. κ. σοφ.—'Ιουλιάνος, стр. 483—85: 'Ο δὲ ἀνθύπατος—ἀπολαβὼν τὸν Θεμιστοκλέα καὶ τοὺς Λακεδαιμονίαν μαστιγῶν ὑπέμνησε, προσθεὶς αὐτοῖς καὶ τῶν Ἀθηναίων. Студенческие союзы подняли на ноги и аѣинское население своимъ крайнимъ возбужденіемъ позднѣе, когда, какъ указано выше, по смерти этого Юліана выступилъ съ своей кандидатурой на его кафедру этотъ самый Προερέσις. См. выше, стр. 964 и слѣд.

бранки и рукопашные бои превратились въ рядъ настоящихъ битвъ подъ платанами Ликея въ 339 или 340 г. Это кровопролитіе, въ которомъ къ студентамъ примкнули и граждане и низшіе элементы и городского, и пирейскаго населенія, извѣстно подъ именемъ „Боя риторовъ“. Очевидецъ, смотрѣвшій на него со стороны, называетъ его „великимъ сраженіемъ“. Неурядицы и беспорядки достигли при этомъ такой степени, что римскій проконсулъ, нарочно пріѣхавшій сюда изъ Коринѳа, по изслѣдованіи дѣла, возымѣлъ намѣреніе отставить трехъ профессоровъ аѳинскаго университета, какъ зачинщиковъ этого прискорбнаго движенія, и на мѣсто ихъ пригласить новыхъ лицъ ¹⁾.

Современника Прозересія и единственно сильнаго его конкурента въ дѣлѣ преподаванія ²⁾, софиста Гимерія, студенты враждебной партіи не только выгнали изъ публичной аудиторіи со всѣми его слушателями, но и *нанесли* ему въ этой свалкѣ *рану*. Профессоръ сидѣлъ послѣ этого дома, лѣчилъся, и, при возобновленіи своего курса, уже въ собственной, для этой цѣли имъ выстроенной залѣ, произнесъ рѣчь сначала о томъ, что причиной полученной раны была *зависть* къ нему, а что завидуютъ и теперь и завидовали въ древности только *сильнымъ*; послѣднюю мысль искусный софистъ, себѣ въ утѣшеніе, подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ мифологіи и Гомера... ³⁾.

Нарушеніе спокойствія въ публичныхъ аудиторіяхъ вторженіями студентовъ и отсутствіе безопасности при постоянныхъ волненіяхъ молодежи повели въ IV в. къ тому, что аѳинскіе профессора перестали пользоваться для своихъ лекцій общественными учрежденіями, какъ гимназіями и крытыми портиками, предпочитая выстраивать *собственныя* аудиторіи при своихъ домахъ ⁴⁾.

¹⁾ Либаній, Т. I, стр. 17; 20 Reiske.

²⁾ Свида п. сл. Ἰμερίος.

³⁾ См. Гимерія Or. XXII, 1—5, стр. 750 и слѣд. по изд. Wernsdorf.

⁴⁾ У ритора Юліана была аудиторія выложена полированнымъ мраморомъ и выстроена на подобіе театра, лишь меньшихъ размѣровъ, откуда и самое

Многія и сильныя отрицательныя черты студенческаго быта въ Аѳинахъ усугубляются за это время ночными шастаніями молодыхъ людей по городу и случаями насильственныхъ нападений на дома бѣдныхъ гражданъ ¹⁾. Частые пиры, сильныя попойки и беспорядочная жизнь разоряли молодыхъ людей и заставляли ихъ близко знакомиться съ закладчиками и ростовщиками ²⁾.

Но аѳинскіе студенты не представляли здѣсь какого-либо особаго исключенія; они не были хуже своихъ товарищей, наполнявшихъ высшія школы другихъ городовъ римской имперіи.

Въ Антиохіи студенты наносятъ обиды ремесленникамъ—золотыхъ дѣлъ мастерамъ, сапожникамъ, плотникамъ,—мелкимъ торговцамъ и т. д., вступаютъ съ ними въ пререканія и драки ³⁾. Также исполосованы рубцами у нихъ лица, головы, руки и даже все тѣло, также они распущены въ своемъ поведеніи и также проигрывали и прогуливали деньги, данныя имъ родителями на уплату гонорара за ученіе ⁴⁾. Уклоненіе отъ этого долга здѣсь вошло какъ бы въ обыкновеніе, и въ IV в. платили уже только немногіе ⁵⁾.

Равные по шалостямъ и порокамъ съ своими сверстниками высшихъ школъ другихъ городовъ антиохійскіе студенты отличались, сверхъ сего, и особою жестокостью къ *педагогамъ*, даннымъ ихъ родителями для помощи въ ученіи и практической жизни. Строгость и серьезное отношеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ своей тяжелой задачѣ создавали естественное недовольство ихъ питомцевъ, становившихся съ ними въ открытый конфликтъ. Въ IV в. среди антиохій-

---

название аудиторій театрами (Θέατρον) См. Евнапій Βίαι φιλοσ. х. σσφ. стр. 483 Boiss.—Did.

¹⁾ Либаній, Т. I, стр. 18 Reiske.

²⁾ Тамъ же, стр. 16.

³⁾ Либаній, Т. III, стр. 254 Reiske.

⁴⁾ Его же, Т. I, стр. 198.

⁵⁾ Его же, Т. II, стр. 217.

скаго студенчества выработалась особая форма наказанія такихъ строгихъ преступниковъ *качаніемъ на коврѣ*. Для этой цѣли несчастнаго педагога питомцы и ихъ товарищи укладывали на разостланный коверъ и качали, подбрасывая его какъ можно выше, и потомъ съ наибольшей высоты пускали его на землю. Наказуемый такимъ образомъ весьма часто вредилъ себѣ члены и получалъ ушибы, не говоря о страхѣ и недостойномъ позорѣ. Эта жестокая забава молодежи вызывала протестъ и увѣщанія со стороны профессоровъ, разъяснявшихъ заслуги и тяжелую долю педагоговъ, и всю жестокость этого поведенія юношей, собирающихся въ школы для получения высшаго образованія ¹⁾.

При страсти къ зрѣлищамъ и при любви къ веселой жизни, антиохійскіе студенты оказывали большое равнодушіе къ наукамъ и къ преподаванію. А когда профессоръ краснорѣчія выступалъ съ публичной рѣчью, слушать которую студенты обязаны были и въ интересахъ собственнаго образованія, и въ знакъ почтенія къ наставнику, то они или не являлись совсѣмъ, или своимъ поведеніемъ возбуждали только жалобы и профессора и публики. Прежде всего, они собираются въ аудиторію съ такою медлительностью, что какъ будто тянули ихъ туда на канатѣ. Ихъ позднее появленіе возбуждало неудовольствіе публики, собравшейся раньше. Во время чтенія они условными знаками ведутъ между собою бесѣду о возницахъ, мимахъ, лошадахъ, танцорахъ и танцовщицахъ и о какихъ-либо бывшихъ или предстоящихъ публичныхъ состязаніяхъ. Изъ нихъ одни стоятъ при этомъ неподвижно, словно истуканы, опустивъ руки или ковыряя ими въ носу, другіе спокойно сидятъ на своихъ мѣстахъ, несмотря на то, что многое въ

---

¹⁾ Либаній опубликовалъ особую рѣчь „о коврѣ“ *Περὶ τοῦ κάπτου*, произнесенную имъ передъ своей аудиторіей. Здѣсь онъ подробно изобразилъ недостойное отношеніе его слушателей къ ремесленникамъ и мелкому торговому люду Антиохіи, заслуги и тяжкую долю педагоговъ и этотъ обрядъ жестокаго издѣвательства надъ ними. См. Т. III, стр. 252 и слѣд., особенно же нѣкоторыя мѣста стр. 254, 257, 259.

рѣчи оратора побуждаетъ ихъ подняться отъ волненія, и принуждаютъ садиться тѣхъ, кто уже всталъ для аплодисментовъ. Одни считаютъ вновь приходящихъ, другіе заглядываютъ въ тетрадь оратора, любопытствуя, да скоро ли придетъ конецъ. Случались при этомъ и такія школьничества со стороны молодыхъ людей: то они искусственно поднимали шумъ рукоплесканій тамъ, гдѣ это совсѣмъ не имѣло мѣста, то мѣшали настоящимъ аплодисментамъ и заглушали крики одобренія остальной аудиторіи въ патетическихъ мѣстахъ рѣчи, то отвлекали изъ залы возможно большее число слушателей какими-нибудь сенсационными вѣстями или приглашеніемъ идти купаться ¹⁾).

Не лучше были и студенты *Кароагена*, среди которыхъ въ IV в. выдавалось особою дикостью нравовъ общество „Разрушителей“ (*Eversores*). Члены этой корпораціи были истиннымъ мученіемъ для профессоровъ и болѣе мирныхъ, трудолюбивыхъ товарищей. Врываясь толпой въ аудиторіи преподавателей, почему-либо имъ не нравившихся, они нарушали чтеніе и прочія занятія и, повторяя это по нѣскольку разъ, тѣмъ принуждали ихъ закрывать курсы и школы. Послѣ этого, въ особенности частнымъ преподавателямъ, приходилось или переселяться въ другой городъ, а иногда и въ другую страну, или влачить, при отсутствіи собственнаго состоянія, жалкую судьбу, ожидая лучшихъ дней. Такъ, эта компанія „Разрушителей“ вынудила блаж. Автустина покинуть Кароагенъ, отправиться искать счастья въ Италію и открыть курсы риторики сначала въ Римѣ.

Римскіе студенты были деликатнѣе своихъ африканскихъ сверстниковъ, но зато они владѣли привычкой не платить своимъ преподавателямъ денегъ за ученіе. И здѣсь, когда наступалъ срокъ внесенія профессорскаго гонорара, ученики покидали своего учителя и записывались въ слушатели другого, съ тѣмъ чтобы, въ свой чередъ, перемѣнить его на третьяго профессора или привать-доцента и т. д. ²⁾).

¹⁾ S. Augustini Confessiones V, 8, 14.

²⁾ Ллбаній, Т. I, стр. 199 и слѣд. Reiske.

Многочисленность молодых людей, съѣзжавшихся въ высшія школы Рима со всѣхъ концовъ имперіи, беспорядочная жизнь ихъ и, надобно думать, занятіе современной политикой послужили причиной весьма строгаго эдикта относительно студентовъ. Этотъ указъ, написанный отъ имени императоровъ Валентиніана I, Валента и Граціана къ префекту Рима въ 370 г., является для насъ первымъ закономъ, подробно регулирующимъ жизнь римскаго студенчества; нужно думать, что это — *первое* законоположеніе верховной государственной власти въ исторіи университетовъ вообще. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ другого, болѣе древняго, законоположенія, столь ясно и подробно опредѣляющаго обязанности студентовъ и отношеніе властей къ ихъ поведенію. По своему содержанію указанный эдиктъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Прежде всего требуется, чтобы молодые люди, прибывшіе въ Римъ съ намѣреніемъ учиться, подавали *начальнику ценза* (ad magistrum census), очевидно, представлявшему собою высшій органъ полиціи, письменный документъ отъ своего провинціального начальства съ разрѣшеніемъ на выѣздъ и съ указаніемъ родныхъ и семейнаго ихъ положенія.

2) Новоприбывшіе съ самаго же начала обязаны заявить, какимъ преимущественно наукамъ они намѣреваются себя посвятить въ теченіе пребыванія своего въ столицѣ.

3) Они сообщаютъ свой квартирный адресъ податному присутствію (censualium officium), съ тѣмъ чтобы оно могло имѣть надзоръ за ними.

4) Чины ценза (censuales) обязаны внушать студентамъ, чтобы они въ собраніяхъ вели себя достоподобнымъ образомъ, чтобы избѣгали дурной славы и не вступали въ *противозаконныя общества* (consociationes, quas proximas putamus esse criminibus), не слишкомъ часто посѣщали театральныя зрѣлища и не принимали участія въ пирахъ дурнаго тона.

5) Студентовъ, унижающихъ въ Римѣ своимъ дурнымъ

поведеніемъ достоинство науки, указъ предписываетъ подвергать тѣлесному наказанію, сажать на корабль и водворять на родину.

6) Трудолюбивые же молодые люди получаютъ право жить въ столицѣ до двадцатаго года,—послѣ этого они обязуются уѣзжать на родину для несенія тамъ общественной и государственной службы. Неисполняющіе этого закона понуждаются къ возвращенію домой предписаніемъ префекта и даже съ безчестьемъ ¹⁾).

7) На такой конецъ полицейскимъ вѣдомствомъ (собств. податнымъ присутствіемъ) ведется списокъ, по которому ежемѣсячно можно видѣть, кто изъ студентовъ и откуда прибылъ, и когда наступаетъ срокъ отправленія его на родину.

8) Предписывается каждый годъ доставлять въ императорскій архивъ краткіе списки, по коимъ императоръ могъ бы освѣдомляться о достоинствахъ и занятіяхъ каждаго студента, для того чтобы воспользоваться ими послѣ, когда настанетъ для того надобность ²⁾).

---

¹⁾ Исключеніе относительно срока сдѣлано лишь для студентовъ, вступившихъ въ какія-либо городскія корпораціи и такимъ образомъ связавшихъ себя съ интересами послѣднихъ. См. примѣч. 2.

²⁾ Cod. Theod. XIV, 9, 1. Imppp. Valentinianus, Valens et Gratianus AAA. ad Olybrium Pf. U. Quicumque ad urbem discendi cupiditate veniunt, primitus ad magistrum census provincialium iudicum, a quibus copia est danda veniendi, eius modi literas perferant, ut oppida hominum et natales et merita expressa teneantur; deinde ut in primo statim profiteantur introitu, quibus potissimum studiis operam navare proponant; tertio ut hospitia eorum sollicitе censuallium norit officium, quo ei rei impertiant curam, quam se asseruerint expetisse. Idem immineant censuales, ut singuli eorum tales se in conventibus praebeant, quales esse debent, qui turpem inhonestamque famam et consociationes, quas proximas putamus esse criminibus, aestiment fugiendas, neve spectacula frequentius adeant, aut appetant vulgo intempestiva convivia. Quin etiam tribuimus potestatem, ut, si quis de his non ita in urbe se gesserit, quemadmodum liberalium rerum dignitas poscat, publice verberibus affectus statimque navigio superpositus abiciatur urbe domumque redeat. His sane, qui sedulo operam professionibus navant, usque ad vicesimum aetatis suae annum Romae liceat commorari; post id vero tempus qui neglexerit sponte remeare, sollicitudine praefecturae, etiam impurius ad patriam revertatur. Verum ne haec perfunctorie fortasse curentur, praecelsa sinceritas tua officium censuale commoneat, ut per singulos menses, qui vel

Этотъ строгій законъ, налагающій столь значительныя ограниченія на студенческой бытъ въ Римѣ, былъ вызванъ нуждою и требованіемъ справедливости: безпокойная жизнь массы молодыхъ людей очевидно нарушала обычное теченіе дѣлъ столицы, участіе студентовъ въ противозаконныхъ ассоціаціяхъ шло вопреки взглядамъ правительства, а излишне долгое пребываніе пріѣзжихъ молодыхъ людей въ Римѣ, подъ предлогомъ занятій высшими науками, лишало безъ всякой надобности и государство, и ихъ родныя общины своихъ слугъ.

Поэтому-то императорскій эдикъ 370 года и полагаетъ 20-й годъ жизни предѣльнымъ срокомъ пребыванія студентовъ въ высшихъ школахъ Рима.

Можетъ съ перваго взгляда показаться мелочнымъ законоположеніе относительно посѣщеній студентами театральныхъ зрѣлищъ. Но и оно находитъ себѣ оправданіе въ особенной страсти молодыхъ людей къ развлеченіямъ этого рода. Блаженный Августинъ, зная развращающее дѣйствіе цирка и амфитеатра съ его кровопролитными состязаніями гладиаторовъ, всячески старался, въ бытность свою преподавателемъ риторики въ Кареагенѣ, отвлекать одного юношу земляка, сильно пристрастившагося къ этимъ зрѣлищамъ съ самаго начала. Молодой человекъ покинулъ циркъ и сталъ заниматься наукою, но, съ переселеніемъ въ Римъ, эти старанія Августина не привели ни къ чему. Правда, сначала юноша удерживался отъ посѣщенія амфитеатра, и когда товарищи разъ насильно затащили его туда, онъ сидѣлъ тамъ съ закрытыми глазами, чтобы не видѣть представленія. Но вотъ раздался оглушительный трескъ рукоплесканій: тотъ невольно взглянулъ, и съ той самой ми-

---

unde veniant, quive sint pro ratione temporis ad Africam vel ad ceteras provincias remittendi, brevibus comprehendat, his duntaxat exceptis, qui corporatorum sunt oneribus adiuncti. Similes autem breves etiam ad scrinia mansuetudinis nostrae annis singulis dirigantur, quo, meritis singulorum institutionibusque compertis, utrum quandoque nobis sint necessarii, iudicemus. Dat. IV Id. Mart. Treviris, Valentiniano et Valente III. AA Coss. (370).

нуты сдѣлался отчаяннымъ театраломъ и совратителемъ другихъ ¹⁾.

До сихъ поръ выступали предъ нами на видъ отрицательныя стороны *массовой* жизни студентовъ римской имперіи. Но сохранились свидѣтельства древности и относительно *отдѣльных* личностей и типовъ изъ студенческаго міра. Вотъ, наприм., очень богатый юноша, уроженецъ Іоніи, обращающій на себя общее вниманіе въ высшей школь Смирны пышнымъ и безпорядочнымъ образомъ жизни и страдающій какъ бы маніей величія. Ему, испорченному льстецами, представляется, что онъ изъ красавцевъ красавецъ, что онъ и выше всѣхъ ростомъ, и стройнѣе, и ловчѣе всѣхъ въ искусствахъ палестры, и что сами музы не спѣли бы лучше его. Онъ былъ убѣжденъ и въ своемъ удивительномъ ораторскомъ талантѣ. Дѣйствительно, онъ произносилъ и рѣчи, слушатели хлопали ему, но на дѣлѣ оказывалось, что это были—его товарищи—*должники*, занимавшіе у него деньги, которые являлись къ нему подъ условіемъ прощенья имъ процентовъ со взятой ими суммы. Въ число его должниковъ попалъ и самый даровитый, но и гордый нравомъ студентъ Антоній Полемонъ, будущая слава Смирны, который долго медлилъ появленіемъ на декламацияхъ своего кредитора. Только сдавшись на убѣжденія домашнихъ и тѣснымъ угрозами суда со стороны этого тщеславнаго кредитора, онъ разъ отправился послушать его. Витія говорилъ до поздняго вечера и все-таки еще не кончалъ своей безсвязной и плохо разработанной рѣчи, и взбѣшенный Полемонъ покинулъ залу, громко крикнувъ по адресу оратора о своемъ желаніи скорѣе подвергнуться его судебному иску ²⁾.

Или вотъ надменный своей ученостью и дарованіями студентъ Пергамской высшей школы Прискъ, который своего учителя, простого, кроткаго, ласковаго, всѣмъ доступнаго

1) S. Augustini Confess. VI, 7.

2) Филостратъ *Vitaе аср.* I, гл. 25, 20—21.

и въ низшихъ классахъ населенія популярнаго философа-неоплатоника Эдесія, за характеръ обращенія, называль предателемъ *величія философіи*, способнымъ только на побасенки, хотя и дѣйствовавшія на душу возвышающимъ образомъ, а на дѣлѣ не имѣвшія никакого примѣненія. И столь строгое сужденіе надменный молодой челоуѣкъ произнесъ громко при товарищахъ и въ присутствіи самого Эдесія. Впослѣдствіи изъ него самого вышелъ типъ надменно-величаваго, скрытнаго и бьющаго на вызывающій эффектъ профессора ¹⁾.

Не обходилось въ студенческомъ мірѣ и безъ натуръ нравственно-падшихъ, какъ бы паразитовъ среди остальныхъ. Въ Аѳинахъ II ст. упоминается одинъ такой субъектъ изъ школы риторовъ, который жилъ подачками (виномъ, съѣстными припасами, платьемъ и пр.) отъ всѣхъ, кто хотѣлъ отъ него отдѣлаться, хорошо зная, что иначе онъ станетъ поносить и преслѣдовать своими ругательствами ²⁾. Купленный такимъ способомъ, онъ служилъ потомъ, конечно, и клакеромъ, и бойпомъ ³⁾.

Но этотъ міръ эллино-римскихъ студентовъ былъ бы безнадежно мраченъ, если бы вся молодежь высшихъ школъ подходила подъ выше намѣченныя категоріи. Дѣйствительность представляла и студенческія товарищества, и отдѣльные типы также серьезнаго, симпатичнаго характера.

На ряду съ молодыми людьми, рѣдко или безъ пользы для себя посѣщавшими лекціи, не занимавшимися наукой и проводившими время въ праздныхъ разговорахъ и въ развлеченіяхъ всякаго рода, была всегда категорія студентовъ, много работавшихъ и запасавшихся научными познаніями. Они стоятъ въ близкихъ отношеніяхъ къ профессорамъ, они составляютъ ихъ гордость и предметъ горячихъ надеждъ; лучшіе изъ нихъ становятся ихъ помощниками и преемниками, или отправляются послѣ въ другіе научные центры распространять свѣтъ высшаго образованія.

¹⁾ Евнапій *Vita philos. х. соф.*—стр. 481 и слѣд.

²⁾ Филостратъ *Vita соф.* II, гл. 10, 5—6.

³⁾ Кончилъ онъ плохо, сильно засѣченный учениками ритора Адриана.

На ряду съ состоятельными и богатыми молодыми людьми, которые въ академическихъ центрахъ вели расточительный образъ жизни, были и студенты очень бѣдные, но поражающіе своею научною энергіей, которой не сокрушала никакая вопіющая нужда. И молодые люди этой категоріи появляются у грековъ давно. Еще въ III ст. до Р. Хр. изъ Малой Азіи прибылъ въ Аѣины для изученія философіи прежній профессиональный кулачный боець¹⁾, только съ четырьмя драхмами въ карманѣ, который слушалъ тамъ ученіе основателя стоической школы Зенона, а по ночамъ добывалъ средства къ жизни черпаніемъ воды для садовниковъ и работою на хлѣбопекарнѣ. Не имѣя возможности пріобрѣсти письменнаго матеріала, онъ записывалъ уроки Зенона на черепкахъ и воловьихъ лопаткахъ, добывавшихся имъ конечно даромъ, тѣмъ болѣе, что Аѣины изобиловали черепками, при существованіи тамъ сильнаго гончарнаго производства. Разъ онъ, исполняя должность, вѣроятно, педагога, привелъ эфебовъ въ театръ, и тамъ предательскій вѣтеръ, поднявши верхнее его платье, доказалъ удивленнымъ аѣинянамъ отсутствіе на немъ хитона. Раздался трескъ рукоплесканій, но эта бѣдность аѣинянами была понята и оцѣнена по достоинству. Будто бы цѣлые 19 лѣтъ этотъ исповѣдникъ стои находился въ числѣ слушателей Зенона, сначала съ трудомъ его понимавшій, возбуждая этимъ насмѣшки товарищей по аудиторіи, и даже получившій себѣ нелестную кличку „осла“. Но въ концѣ концовъ онъ сдѣлался преемникомъ своего наставника по управленію школой и оставилъ послѣ себя очень длинный рядъ сочиненій. Это былъ Клеанъ, уроженецъ города Асса въ области Трояды²⁾.

Изъ исторической эпохи, насъ занимающей, встаютъ предъ нами вышеупомянутые³⁾ два аѣинскіе бѣдняка-студента въ IV ст., армянинъ Прозересій и другъ его Гефестіонъ.

Другому бѣдному юношѣ отецъ, отправляя его въ выс-

1) Диог. Лаерт. VII, 5, 1: *αὐτὸς πρῶτος τῶ πύκτης.*

2) Диог. Лаерт. VII, 5.

3) Ср. стр. 964.

шую школу Антиохіи, за неимѣніемъ денегъ далъ ословъ съ порученіемъ продать ихъ тамъ и деньги употребить на свое содержаніе ¹⁾).

Утѣшительное явленіе въ жизни тогдашняго студенчества представляетъ и то, что люди сначала безпорядочные, склонные къ кутежамъ и бездѣлю, или драчуны и буяны,— послѣ стихали и обращались къ серьезнымъ занятіямъ наукою. И это бывало не только въ вѣкъ Римской имперіи, но и въ древней Греціи, въ школахъ философовъ. Академикъ Полемонъ былъ сначала весьма распущеннымъ юношей, но потомъ, увлеченный ученіемъ Ксенократа, достигъ такихъ успѣховъ въ философіи и прибрѣлъ такое значеніе въ школѣ, что сталъ во главѣ ея и управлялъ ею 44 года (314—270 г. до Р. Хр.). И ученики такъ высоко чтили его, что подлѣ его сада и школы выстроили себѣ палатки и тутъ жили, пользуясь его уроками ²⁾).

Аѳинскій риторъ II в. по Р. Хр. Исэй, въ юности ведшій крайне распущенную жизнь, потомъ все оставилъ, и отдался весь наукѣ и преподаванію, и повелъ жизнь совершеннаго аскета, такъ что когда спросили его, какая рыба всего лучше на вкусъ, профессоръ отвѣтилъ: „я пересталъ заниматься этимъ, ибо я понялъ, что снимаю плоды въ садахъ Тантала“. Въ другой разъ, на вопросъ о красотѣ одной женщины, онъ далъ отвѣтъ: „я пересталъ болѣть глазами“ ³⁾).

Вышеупомянутый аѳинскій студентъ Ѳемистокль, бывший глава корпорации лакедемонскихъ студентовъ и распорядитель драки ея съ учениками ритора Юліана, позднѣе былъ преподавателемъ краснорѣчія въ Константинополѣ ⁴⁾).

Да и столько разъ упоминавшійся нами Проэресій, впо-

¹⁾ Либаній (Епистол. 1452) отписываетъ этому отцу, что онъ отсылаетъ ему этихъ ословъ обратно.

²⁾ Диог. Лаерт. IV, 3, 16 и 19. О времени его схолярхата см. Zumpt, Über d. Bestand d. griech. philos., стр. Schul. 41.

³⁾ Филостратъ *Vita σοφ.* I, гл. 20, 2.

⁴⁾ Либаній, *Епистол.* 408, 1032, ср. 1175, каковое письмо Вольфъ относитъ также къ Ѳемистоклу.

слѣдствіи слава аѳинскихъ софистовъ, принималъ участіе въ этой уличной дракѣ не хуже, если не лучше другихъ своихъ товарищей, особенно при его колоссальномъ ростѣ и силѣ, которые обращали на себя всеобщее вниманіе ¹⁾.

На ряду съ корпораціями безпокойнаго нрава, любившими жизнь веселую и праздную, составлялись студенческіе союзы для цѣлей серьезныхъ, для совмѣстной работы надъ самообразованіемъ. Лицамъ этой категоріи были чужды тѣ нравственные эксцессы, которые отличали поведеніе другихъ. Они собираются для общихъ работъ и для общихъ бесѣдъ по вопросамъ научнымъ. Къ такому союзу принадлежали въ IV в. въ Аѳинахъ Григорій Богословъ и Василій Великій, имѣвшіе здѣсь товарищей, какъ вспоминалъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ первый изъ нихъ, не *распущенныхъ*, но наиболѣе воздержныхъ, не драчуновъ, но самыхъ мирныхъ ²⁾. Были также и студенты, жившіе совершенно *въ сторонѣ* отъ корпоративнаго строя; любя работать въ-одиночку и дорожа независимостью, они всего выше ставятъ личную жизнь и не принимаютъ участія въ окружающихъ теченіяхъ. И только когда послѣднія уже слишкомъ громко давали знать о себѣ, эти ученые юноши ограничиваются ролью лишь стороннихъ зрителей ³⁾.

Такіе студенты пріобрѣтали особенно богатый запасъ научныхъ свѣдѣній, и это въ такой степени выдвигало ихъ изъ среды другихъ, что ими были получаемы предложенія каѳедры еще въ бытность ихъ въ положеніи слушателей ⁴⁾. Желѣзная воля и выносливость въ умственномъ трудѣ создавали имъ ученый почетъ также и между товарищами ⁵⁾.

Между эллино-римскими студентами бывали такіе любив-

¹⁾ Евнапій *Vita philos. х. саф.*, стр. 483—484; 487.

²⁾ Григорій Богословъ Т. I, Сл. XX, стр. 331, ср. 332, изд. Bill.

³⁾ Такъ, Либаній при «Боѣ риторовъ» 339 или 340 г., подъ платанами, Ликейя, отличавшемся особымъ кровопротіемъ, былъ только зрителемъ. Т. I, стр. 17 Reiske.

⁴⁾ Его же Т. I, стр. 20.

⁵⁾ Либаній Т. II, стр. 432 и слѣд. Ср. Григорія Богослова. Т. I, Сл. XX, стр. 332 Billius.

тели самостоятельной, кабинетной научной работы, что тяготились даже посѣщеніемъ лекцій.

Либаній, впоследствии славный профессоръ краснорѣчія, лекціи и практическія занятія своего профессора Діофанта посѣщаль очень рѣдко ¹⁾. Выговоривши у завладѣвшей имъ корпораціи право слушать и другихъ профессоровъ, онъ, послушавши ихъ, потомъ усиленно занимался наукою по древнимъ классическимъ образцамъ дома. Послѣ четырехлѣтняго студенчества въ Аѳинахъ, проведеннаго притомъ въ сторонѣ отъ шумной академической жизни, онъ приобрѣлъ такія познанія и такую славу, что проконсулъ Ахаіи, въ виду раздоровъ профессоровъ и студенческихъ дракъ и волненій, нашель его достойнымъ для замѣщенія профессорской катедры ²⁾.

Но болѣе видную группу въ средѣ серьезныхъ студентовъ представляютъ молодые люди, работающіе подъ руководствомъ ихъ наставниковъ. Здѣсь на почвѣ общихъ научныхъ интересовъ завязываются между слушателями и профессоромъ наилучшія отношенія, которыя эти студенты потомъ проносятъ иногда чрезъ всю жизнь. Примѣромъ этого рода богата какъ исторія всѣхъ высшихъ наукъ Греціи до Р. Хр., такъ и эпоха насъ занимающая ³⁾.

Жизнь этой категоріи молодыхъ людей проходила серъ-

¹⁾ Евнапій, указ. соч., стр. 495.

²⁾ Либаній Т. I, стр. 20.

³⁾ Римскій сатирикъ Персій (34—62 г. по Р. Хр.) съ семнадцатилѣтняго возраста всталъ въ самыя близкія отношенія къ философу Аннею Корнуту, которыя продолжались затѣмъ всю его жизнь. Этотъ учитель былъ его близкимъ совѣтникомъ и въ поэтическихъ трудахъ его. Персій посвятилъ ему одну изъ своихъ сатиръ, въ которой высказываетъ чувство самой искренней признательности къ своему бывшему наставнику за его отеческія заботы о его душѣ въ періодъ нравственнаго ея формированія и живо вспоминаетъ о времени, проведенномъ у дорогого учителя въ общихъ трудахъ и философскомъ отдохновеніи, сердечно вспоминаетъ и о скромныхъ ихъ трапезахъ, длившихся до наступленія ночи и прерывавшихъ ихъ научныя занятія. Pers. Sat. V, ст. 21 и слѣд.—Къ разряду студентовъ, много работавшихъ въ университетскіе годы и питавшихъ въ этой порѣ жизни къ своимъ профессорамъ наилучшія чувства, принадлежалъ и римскій писатель Авлъ Геллій (ок. 125—175 г. по Р. Хр.).

езно, въ усиленныхъ занятіяхъ наукою. Они читаютъ послѣ общаго стола, ведутъ ученые бесѣды въ прогулкахъ и путешествіяхъ.

Разъ, въ прекрасную лѣтнюю ночь, Авлу Геллію вмѣстѣ съ его римскими и греческими товарищами пришлось ѣхать съ о-ва Эгины по направленію къ Пирею. Море было тихо, а небо чисто и блистало звѣздами, и при этой исключительной обстановкѣ аѣинскіе студенты, размѣстившись на кормѣ корабля, занимаются вопросами о наименованіи небесныхъ свѣтилъ и филологическимъ изслѣдованіемъ ихъ греческихъ и латинскихъ названій ¹⁾. Празднуютъ ли обычно шумные дни Сатурналій, юноши этой корпораціи не измѣняютъ своего чрезвычайнаго серьезнаго характера и тутъ. „Когда мы были въ Аѣинахъ,—писалъ онъ послѣ,—мы проводили Сатурналіи и очень пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень полезнымъ образомъ, не ослабляя нашихъ духовныхъ силъ, но услаждая и поддерживая ихъ бесѣдами остроумными и приличными. Мы собирались къ одному столу и тотъ, кто, въ свой чередъ, несъ заботы о приготовленіи обѣда, былъ обязанъ достать книгу древняго, греческаго или латинскаго, автора и принести лавровый вѣнокъ для награды побѣдителя. Затѣмъ готовилъ онъ столько же вопросовъ, сколько было обѣдающихъ. По жребію опредѣлялось, кому начинать чтеніе первому. За чтеніемъ слѣдовало обсужденіе связаннаго съ этимъ вопроса. И если рѣшеніе было удовлетворительно, то ему присуждался вѣнокъ; если нѣтъ, то говорилъ по очереди сосѣдъ, и когда вопросъ оставался безъ подобающаго отвѣта, вѣнокъ возлагали на статую бога—покровителя пира“ ²⁾. Сюжетомъ такихъ бесѣдъ служило объясненіе какого-нибудь темнаго мѣста стариннаго поэта, или обсужденіе древняго историческаго разсказа, философскаго мнѣнія, софизмъ, требовавшій разрѣшенія, или какая-нибудь странная и мало употребительная форма

1) A. Gell. Noct. Att. II, 21.

2) Noct. Att. XVIII, 2.

имени или глагола ¹⁾. Наградой за счастливое рѣшеніе или наказаніемъ за недостатокъ остроумія служила монета сестерцій. Собранныя такимъ образомъ сумма шла послѣ на общій ужинъ ²⁾.

Нельзя однако не сознаться, что это общество учениковъ Фаворина уже очень учено и серьезно не по лѣтамъ. Или это были какіе-то исключительные жрецы науки, которые отреклись отъ всякихъ другихъ интересовъ, заботъ и удовольствій жизни и которые знаютъ одну только умственную работу; или можетъ быть, Авлъ Геллій, записывавшій это по позднѣйшимъ воспоминаніямъ, сильно идеализировалъ свою студенческую жизнь и своихъ ближайшихъ товарищей и при этомъ, можетъ быть, невольно умалилъ ихъ реальный образъ. Несравненно болѣе живой является сцена изъ быта ближайшихъ учениковъ Герода Аттика. Около него составилось общество изъ 10 лучшихъ его слушателей, которое носило названіе „Клепсидріона“, по имени клепсидры (κλεψύδρα)—водяныхъ часовъ, которыми измѣрялось время какъ занятій Герода со студентами, такъ и общей трапезы этой корпораціи. Цѣль этого союза была научная—большее усовершенствованіе въ искусствѣ красно-

¹⁾ A. Gell. Noct. Att. XVIII, 2. У философа Фаворина студенты занимаются, между прочимъ, вопросомъ о названіяхъ вѣтровъ (A. Gell. указ. соч., II, 22). На какого рода софизмахъ изощрялись діалектическія силы этихъ молодыхъ людей, видно изъ слѣдующихъ и имъ подобныхъ примѣровъ: на одномъ изъ такихъ собраній имъ надобно было разъяснить софизмъ— „снѣгъ не то что градъ, но снѣгъ—бѣль, слѣдовательно градъ не бѣль“, или „человѣкъ—не лошадь; но человѣкъ есть животное, слѣдовательно лошадь не животное“ (Указ. соч. XVIII, 13). Подъ конецъ трапезы, за сладкими и фруктами (mensae secundae), ставились вопросы въ родѣ такихъ: „когда умирающій умираетъ: въ моментъ ли смерти, или когда еще онъ живетъ?“ „когда встающій встаетъ, въ то ли время когда онъ стоитъ, или когда онъ еще сидитъ?“ „когда изучающій искусство дѣлается художникомъ: въ то ли время когда онъ имъ не былъ, или когда онъ имъ сталъ?“ При этомъ профессоръ руководилъ размышленіями учениковъ, развивалъ въ нихъ тонкость діалекческаго анализа и примѣрами философовъ доказывалъ важность также и подобныхъ умственныхъ упражненій, въ отвѣтъ на сомнѣнія нѣкоторыхъ собесѣдниковъ.

²⁾ Тамъ же, XVIII, 13.

рѣчія, въ составленіи и произношеніи ораторскихъ рѣчей. Ихъ славный учитель совѣтовалъ не терять времени даже за послѣобѣденнымъ стаканомъ вина, а изощрять гибкость мысли и достоинство рѣчи и здѣсь. Это и дѣлали молодые люди, хотя, конечно, и не съ образцовой строгостью. Разъ послѣ обѣда они вели рѣчь о своихъ профессорахъ, о ихъ характерѣ, пріемахъ ихъ преподаванія и объ особенностяхъ ихъ рѣчи. Въ разгаръ бесѣды вышелъ на средину недавно вступившій въ это общество студентъ Адрианъ, уроженецъ города Тира, необычайно даровитый 18-лѣтній молодой человѣкъ, и предложилъ — представить каждаго профессора съ его манерой говорить, голосомъ и способомъ держать себя. Товарищи согласились, и онъ, къ общему удивленію, продолжалъ все это съ необыкновеннымъ совершенствомъ, лишь опустивши при этомъ главнаго своего профессора, Герода Аттика. Когда же его спросили, почему онъ такъ сдѣлалъ, то онъ на это отвѣтилъ: „всѣ остальные таковы, что ихъ можетъ изобразить — и человѣкъ выпившій. Герода же Аттика, этого царя краснорѣчія, я буду радъ представить, будучи совершенно трезвымъ“ ¹⁾. Здѣсь все такъ просто и естественно — и этотъ разговоръ студентовъ о своихъ профессорахъ, и эти предложенія товарища, обладавшаго сценическими способностями, представить ихъ въ лицахъ, и это недовѣріе немного охмѣлѣвшаго юноши къ своимъ силамъ, при изображеніи главнаго наставника.

А какъ велика была привязанность студентовъ къ Героду Аттику, можно судить по тому, что, когда онъ разъ находился въ своемъ мараѳонскомъ помѣстьи, аѳинская молодежь переселилась къ нему. Аѳины какъ бы опустѣли. Въ эту пору пріѣхалъ сюда видный софистъ изъ Антіохіи, Александръ, и пожелалъ произнести публичную рѣчь, и, за неимѣніемъ слушателей, онъ вынужденъ былъ писать Героду Аттику письмо, чтобы тотъ прислалъ ему отсутствующую молодежь ²⁾.

¹⁾ Филостратъ, *Vita соф.* II, гл. 10, 2.

²⁾ Его же указ. соч. II, гл. 5, 3.

Трогательнымъ примѣромъ любви студентовъ къ своему профессору является поступокъ слушателей, не разъ упоминавшагося профессора Гераклида. Когда его привлекли къ суду за срубку священныхъ кедровъ и оштрафовали на сумму, равнявшуюся значительной части его состоянія, то ученики открыто сопровождали его изъ суда, утѣшали и поддерживали, говоря, что никто у него не отниметъ ни риторического его таланта, ни славы, имъ пріобрѣтенной ¹⁾).

Эти примѣры группированія аѳинскихъ студентовъ около профессоровъ принадлежать II-му и началу III ст. по Р. Х. Но то же самое видимъ и позднѣе въ Малой Азійи, Сиріи, Александріи, въ Аѳинахъ. То же, конечно, было и въ другихъ центрахъ высшаго образованія по всему пространству Римской имперіи.

Лучшіе студенты и въ это время живутъ близко къ своимъ профессорамъ, они ищутъ ихъ бесѣдъ, ихъ уроковъ, ихъ общества и испытываютъ глубокое горе, когда любимый наставникъ почему-либо ихъ оставляетъ. Когда неоплатоникъ философъ Ямблихъ († ок. 330 г.), учившій въ Сиріи и, можетъ-быть, въ своемъ отечественномъ городѣ Халкидѣ, удалялся изъ среды своихъ многочисленныхъ слушателей къ себѣ, то его студенты отправляли къ нему депутатовъ изъ лучшихъ товарищей съ просьбою возвратиться къ нимъ. Ихъ почтеніе къ нему было такъ велико, что о его религіозности, дарѣ сверхъ-естественной силы и чудесахъ они слагали цѣлыя легенды ²⁾).

Или когда ученикъ его Эдесій (это было въ Каппадокіи) собрался удалиться въ сельскую жизнь и подыскивалъ себѣ маленькое помѣстье, его слушатели обступили, долго умоляли ³⁾ профессора ⁴⁾ не уносить своей великой мудрости въ горы, въ скалы и лѣса. Философъ былъ тронутъ этой нѣжной привязанностію молодежи, возвратился къ профес-

¹⁾ Его же II, гл. 26, 4.

²⁾ Евнапій Βίος φιλοσ., х. σοφ.—Ἰαμβλικός, стр. 458, Свидя Lexic. s. v. Ср. Zeller, Gesch. d. griech. Philos. III³ (2), стр. 678 и слѣд.

³⁾ Ὡς περ κίνουεσ ὑπόμμενοι—Евнапій, указ. соч.—Αἰδέσιος, стр. 465.

⁴⁾ Тамъ же. Zeller, указ. соч., стр. 728.

сорской дѣятельности и послѣ изъ Каппадокіи поселился въ Пергамѣ, куда собирались къ нему слушатели въ большомъ числѣ изъ всѣхъ сосѣднихъ областей и гдѣ онъ создалъ себѣ большую славу († ок. 360 г.).

Отношенія лучшихъ и болѣе даровитыхъ студентовъ къ ихъ наставникамъ получали, наконецъ, характеръ совершенно *интимный и дружескій*. Созрѣвая научно, молодые люди дѣлались ихъ помощниками въ друдахъ и въ дѣлѣ преподаванія. И въ исторіи высшихъ школъ Римской имперіи повторяются явленія, выработанныя жизнью философскихъ школъ классической поры, когда лучший ученикъ схоларха превращался въ его друга и помощника и послѣ назначался его преемникомъ по веденію всего дѣла школы.

Извѣстный риторъ IV в. Юліанъ, привязавшись къ когда-то бѣдному своему студенту Прозерсію, оставляетъ ему въ наслѣдство свой домъ и мраморомъ выложенную аудиторію ¹⁾. Необычайно даровитый и необыкновенно любознательный студентъ, занимавшійся юриспруденціей, ораторскимъ искусствомъ, филологіей, математикой и, наконецъ, всецѣло посвятившій себя философіи, знаменитый впослѣдствіи неоплатоникъ V в. Прокль завоевываетъ себѣ горячее расположеніе рѣшительно всѣхъ своихъ многочисленныхъ учителей.

Профессоръ математики въ александрійской высшей школѣ Леонъ вводитъ его въ свою семью, заставляетъ его пользоваться у него столомъ и беретъ его въ свои спутники по путешествію въ Константинополь ²⁾. Философъ-аристотеликъ того же города Олимпіодоръ приближаетъ его къ себѣ, пользуется его научными услугами и, влюбившись въ молодого друга, онъ самъ предлагаетъ ему руку своей дочери. Высоко дружественны были отношенія къ нему и третьяго учителя, Герона ³⁾.

Лекціи Олимпіодора считались у его слушателей очень

¹⁾ Евпатій указ. соч.—*Ἰουλιανός*, стр. 483. Boiss.—Did.

²⁾ Маринъ *Πρόκλος*, гл. 8—9.

³⁾ Тамъ же, гл. 9.

трудными и по содержанию и по неудобству чрезмѣрно быстрого изложенія этого профессора. Записать ихъ за лекторомъ не было возможности, и потому на помощь товарищамъ являлся здѣсь Прокль. Обладая колоссальной памятью, онъ послѣ повторялъ имъ прочитанное и давалъ разъясненія.

Съ переселеніемъ въ Аѳины для дальнѣйшаго образованія, Прокль встрѣтилъ такой же горячій пріемъ у здѣшнихъ философовъ. У маститаго неоплатоника Плутарха онъ записываетъ и обрабатываетъ его лекціи, становится его другомъ и помощникомъ. Дочь Плутарха также могла бы быть его женою. Другой профессоръ философіи Сирианъ также поручаетъ ему обработку своихъ лекцій, принимаетъ его въ свой домъ и также охотно женилъ бы его на своей родственницѣ Эдесіи, если бы Прокль не предпочелъ безбрачіе на всю послѣдующую жизнь.

Трудолюбивые молодые люди въ студенческіе годы много читали и заботились о болѣе широкомъ, энциклопедическомъ образованіи. Василій Великій изучалъ, кромѣ ораторскаго искусства, также философію, геометрію, астрономію и медицину, и принадлежалъ къ числу тѣхъ студентовъ, которые для своего образованія переѣзжали изъ одного города въ другой. Высшимъ наукамъ онъ учился въ Кесаріи Каппадокійской, въ Константинополѣ и въ Аѳинахъ ¹⁾. Студентъ философіи въ Пергамѣ Хрисанфій славился своей необыкновенной начитанностію ²⁾.

Или риторъ Либаній, самъ человѣкъ усидчивый и очень много работавшій, питалъ удивленіе къ аѳинскому своему товарищу, карійскому уроженцу, Евстафію, неустанно работавшему надъ книгами, вдали отъ шумной и распущенной жизни массы современнаго ему студенчества ³⁾.

Лучшіе студенты не теряютъ времени даромъ даже во время лѣтнихъ *вакацій*. Авль Геллій и его серьезные това-

¹⁾ Григорій Богословъ въ надгробномъ словѣ Василю Великому. (Т. I, Сл. XX, стр. 333 Billius).

²⁾ Евнапій *Βίοι φιλοσ. κ. σοφ.*—Χρυσάνθιος, стр. 500.

³⁾ Либаній Т. II, стр. 432 и слѣд. Reiske.

риши, прибывъ въ городъ ПUTEОЛИ (нынѣ Puzzuoli близъ Неаполя), на чудныхъ и обыкновенно опасныхъ обиліемъ всяческихъ наслажденій берегахъ Байскаго залива, слушаютъ вмѣстѣ съ ученымъ риторомъ публичное чтеніе *Анналь Эннія*, давно уже сдѣлавшихся труднымъ по своему архаическому языку, и съ нимъ послѣ ведутъ они бесѣду по критикѣ древнихъ латинскихъ текстовъ¹⁾; въ городѣ *Остія гуляя* по морскому берегу лѣтнимъ вечеромъ, они слушаютъ бесѣду философа *Фаворина* о счастливой жизни²⁾; въ *Тибурѣ* (нынѣ Tivoli), въ палящій день, студенты риторики и философіи слѣдятъ за доказательствами одного ученаго на счетъ вреда, приносимаго здоровью употребленіемъ воды изъ распушеннаго снѣга, при чемъ верхъ надъ ихъ невѣріемъ беретъ свидѣтельство *Аристотеля*, сочиненіе котораго нарочно было взято изъ городской библіотеки³⁾, и т. д.

Это—образчикъ студенческихъ путешествій по *Италіи*. Но то же бывало и въ другихъ культурныхъ странахъ. Любознательные студенты *аѳинскаго университета* изучаютъ городъ въ археологическомъ и историческомъ отношеніи, они, между прочимъ, посѣщаютъ домъ *Сократа* и *Демосеена*⁴⁾, дѣлаютъ путешествія по *Греціи*, осматривая города и мѣста, интересные въ историческомъ и художественномъ отношеніи, или особо живописныя своимъ положеніемъ⁵⁾.

Въ студенческой жизни древнихъ мы встрѣчаемся и съ другими симпатичными чертами, общими студентамъ всѣхъ странъ, вѣковъ и народовъ. Это—чувство горячей любви и почтенія къ городу, гдѣ протекли ихъ университетскіе годы, это—глубокая печаль и грусть, охватывавшія студентовъ при окончаніи курсовъ высшихъ школъ, при мысли о предстоящей разлукѣ и о близости послѣдняго отъѣзда.

1) A. Gell. Noct. Att. XVIII, 1.

2) Тамъ же XVIII, 1.

3) Тамъ же XIX, 5.

4) Гимерій Or. X; XI, 1; XVIII, 3 Wernsdorf.

5) Либаній T. I, стр. 18 Reiske, *Елпѣтл.* 672.

Великій учитель церкви Григорій Богословъ, проведеній въ аѳинскомъ университетѣ около 10 лѣтъ, послѣ съ нѣжнымъ чувствомъ вспоминалъ объ Аѳинахъ, которыя онъ называлъ „золотыми“, и о прощаніи съ товарищами, собравшимися на тогдашнія проводы его и его друга Василия Великаго. Въ день ихъ общаго отплытія явились къ нимъ не только студенты, но и нѣкоторые изъ ихъ профессоровъ. „Начались напутственныя рѣчи, упрашиванія остаться, рыданія, объятія, слезы“. Друзья собирались употребить даже силу, чтобы не пустить ихъ, они просили, убѣждали и всячески удерживали ихъ не ѣздить. Эти общія просьбы и убѣжденія были такъ горячи и настолько сильны, что Григорій уступилъ и остался въ Аѳинахъ, предоставивши своему другу Василию возвращаться на родину одному¹⁾. Также неохотно отпускаютъ аѳинскіе студенты другого своего ученаго товарища, несмотря на все его уклоненіе отъ житейскихъ интересовъ корпораціи, въ числѣ которой онъ вынужденъ былъ вступить, и на любовь его къ обособленной, тихой и сосредоточенной жизни. Товарищи передъ отъѣздомъ берутъ съ него клятву, что онъ воротится къ нимъ. Клятву онъ далъ, и послѣ, когду ему была предложена преподавательская дѣятельность въ Константинополь, прежде чѣмъ принять это мѣсто, онъ вынужденъ былъ съѣздить въ Аѳины и показаться товарищамъ. Исполнивъ такимъ образомъ клятву, онъ затѣмъ уже скоро и *навсегда* отбылъ изъ Аѳинъ²⁾.

III.

Этотъ очеркъ древняго академическаго міра былъ бы неполонъ, если бы мы упустили изъ вида стремленіе къ высшему образованію со стороны древне-эллинскихъ и римскихъ *женщинъ*. И въ вопросѣ о высшемъ женскомъ обра-

¹⁾ Т. I, Слово XX, стр. 333 и слѣд.; Т. II, стр. 4, ст. 242 и слѣд. его стихотворной автобіографіи.

²⁾ Либаній Т. I, стр. 25 Reiske. Обратная поѣздка его въ Аѳины имѣла мѣсто въ началѣ зимы 340 г. См. Sievers, Das Leben d. Libanias, стр. 50.

зованіи пальма первенства въ мірѣ принадлежитъ также грекамъ.

Литературныя преданія указываютъ появленіе первыхъ носительницъ идеальныхъ стремленій къ философіи еще въ VI ст. до Р. Хр., въ семьѣ философа Пиеагора. Его жена Θεано была, будто бы, сначала его слушательницей и ученицей, а въ позднѣйшей древности говорилось о ея сочиненіяхъ. Въ тайны ученія Пиеагора посвящены были и дочери его Дамо и Аригнота; первой изъ нихъ онъ, по преданію, будто бы передалъ свои сочиненія на храненіе для потомства¹⁾. Послѣдовательницъ пиеагорейской философіи было очевидно много, потому что лишь болѣе извѣстныхъ между ними позднѣе насчитывалось 17 лицъ—это все были дѣвушки и замужнія женщины изъ южной Италіи и изъ собственной Греціи²⁾.

Но если какъ личность и ученіе самого Пиеагора, такъ его семья и современная ему ближайшая среда необычайно сильно обвиты легендой, то не подлежитъ сомнѣнію фактъ слушанія женщинами лекцій у Платона, и двѣ его ученицы, послѣ его смерти, продолжали слушать философію у племянника и преемника по управленію школою Спевсиппа, имѣвшаго сверхъ того и другихъ женщинъ въ составѣ своей аудиторіи³⁾.

Ученую дочь Арету имѣлъ основатель киренской школы философіи Аристиппъ. Она слушала уроки своего отца и позднѣе передала эту дисциплину собственному сыну Аристиппу младшему, который получилъ у современниковъ, какъ ученикъ своей матери, эпитетъ *Μετροδιδακτα*⁴⁾.

¹⁾ Діог. Лаерт. VIII, 1, 42—43; Порфирій *Βίος Πυθαγόρου* 4. По другому преданію, Θεано была только ученицей Пиеагора и женою нѣкоего Бронтина изъ Метапонта. См. Ямблиха *Περὶ τοῦ Πυθαγόρειου βίου*—267 изд. Westermann—Didot.

²⁾ Ямблихъ, тамъ же.

³⁾ Имена этихъ пелопонесскихъ ученицъ Платона—Ласоенія изъ Мантиней и Аксиооея изъ Фліусы; послѣдняя носила мужское платье, положивъ тѣмъ обычай нѣкоторыхъ ученыхъ женщинъ какъ у грековъ, такъ позднѣе въ Италіи и у другихъ народовъ. Діог. Лаерт. III, 46; IV, 1, 2.

⁴⁾ *Μετροδιδάκτος* Діог. Лаерт. II, 8, 72, 83, 86.

Въ школѣ киниковъ репутаціей слишкомъ большой развязности пользовалась Гиппархія, жена философа Кратета, умѣвшая софизмами приводить въ замѣшательство своихъ ученыхъ собесѣдниковъ ¹⁾.

Были ученицы и въ школѣ у эпикурейцевъ и позднѣе у Плотина ²⁾. Начиная съ IV в. нашей эры вплоть до закрытія аѳинскаго университета (529 г.), выступаетъ цѣлый рядъ ученыхъ исповѣдницъ философіи въ разныхъ частяхъ эллинскаго міра. А двѣ изъ нихъ учили съ каеедры и пользовались славою у современниковъ. Таковыми были *Сосипатра* въ Пергамѣ и въ особенности знаменитая *Инатія* въ Александріи.

Родившись вблизи Эфеса въ богатой семьѣ, *Сосипатра* уже въ раннемъ дѣтствѣ проявила даръ провидѣнія: 10 л. она будто бы рассказала отцу всѣ происшествія его пятилѣтняго отсутствія изъ-дома и привела его тѣмъ въ состояніи экстаза. Росла она потомъ на полной волѣ и въ расцвѣтѣ лѣтъ она имѣла обширныя познанія въ поэтахъ и философахъ и разбиралась легко и свободно въ самыхъ трудныхъ проблемахъ философіи. Мужемъ себѣ она выбрала сама извѣстнаго тогда въ Эфесѣ философа Евстафія. Проживши съ нимъ пять лѣтъ, она, вдовой съ дѣтьми, переселяется въ помѣстье вблизи Пергама и здѣсь въ собственномъ домѣ открываетъ каеедру философіи.

Въ то время въ Пергамѣ пользовался большой славою философъ Эдесій. Онъ имѣлъ, по словамъ его біографа ³⁾, большую аудиторію—и молодежь, слушающая его въ Пергамѣ, устремлялась затѣмъ за-городъ слушать Сосипатру. Сравнивая того и другого профессора, студенты находили большую глубину мысли, болѣе тонкій анализъ въ ученіи перваго и болѣе жаръ, высокой энтузіазмъ въ изложеніи

¹⁾ Его же VI, 96—97.

²⁾ Порфирій *Περὶ Πλωτίνου βίου* 9.

³⁾ Евнапій *Βίος φιλοσ. κ. σοφ.—Αἰδέσιος*, стр. 469 Boiss. — Did. Восхваленія этого философа представляются преувеличенными Целлеру *Gesch. d. griech. Philos.* III³ (2), стр. 728.

послѣдней. Обладая даромъ увлекательнаго изложенія, Сосипатра доказала большую силу характера въ моментъ внутренняго разлада, кагда научные интересы у нея вступили въ опасную коллизію съ сердечными требованіями. Въ аудиторіи красавицы-профессора появился также очень красивый слушатель, ея отдаленный родственникъ. Скоро внутренній міръ въ обоихъ былъ поколебленъ. Въ душѣ учительницы философіи началась борьба; но совѣтами со старшими философами, молитвой къ богамъ и самоотреченіемъ она счастливо пережила этотъ искусь и послѣ возвратилась къ спокойному преподаванію своей науки.

Даръ провидѣнія, обнаруженный ею въ юности, Сосипатра проявила и позднѣе, узнавши о смерти предмета своей вспыхнувшей страсти въ тотъ самый моментъ, когда его не стало въ живыхъ.

Сосипатра въ числѣ троихъ сыновей имѣла одного философа, который послѣ жилъ и училъ въ Нижнемъ Египтѣ, въ Канобіѣ, и много занимался религіозными вопросами.

Жизнеописаніе этой женщины-профессора, къ сожалѣнію, отличается слишкомъ большими легендарными подробностями, которыя въ значительной степени умаляютъ все сказанное о ней ея легковѣрнымъ біографомъ ¹⁾.

Но за то уже исключительно въ сферѣ историческихъ фактовъ движется жизнь и дѣятельность другой женщины-профессора, Ипатіи. Дочь математика Θεона ²⁾, она родилась около 370 г. въ Александріи. Одаренная необычайными способностями, Ипатія прошла не только математическую школу своего отца, но изучала философію въ другихъ направленіяхъ. Отецъ ея былъ членомъ александрійскаго мусея, поэтому весьма возможно, что она пользовалась уроками всѣхъ его товарищей по этому учрежденію. Ея особенно широкое философское образованіе выставляется на видъ всѣми источниками. Существуетъ также мнѣніе о возможности ея

¹⁾ Евнапій, указ. соч., стр. 466—471.

²⁾ Θεонъ занимался объясненіемъ соч. Птолемея, астрономіей и механикой. Гесихій Lexic. п. сл. Θεων.

пребыванія въ студенческіе годы въ Аѳинахъ для болѣе разносторонняго изученія философской системы.

Необыкновенныя умственныя дарованія, краснорѣчіе, ученость, замѣчательная красота и тактъ ея обращенія, исполненнаго достоинства съ высшими властями и любезнаго съ каждымъ, скоро сдѣлали Ипатію самой видною личностью въ Александріи. Получивъ катедру философіи и избравъ своимъ направлениемъ ученіе неоплатониковъ, здѣсь созданное и широко распространенное въ III ст. по Р. Хр., она окружена была многочисленной толпою слушателей и учениковъ. Ея домъ сдѣлался центромъ умственной жизни; посѣщать его считали своимъ долгомъ высшія власти города, а для интеллигентныхъ людей было дѣломъ хорошаго тона пользоваться просвѣщеннымъ вниманіемъ этой замѣчательной женщины. Весь городъ относился къ ней, какъ къ своей славі, и взиралъ на нее съ уваженіемъ, и сама она, облекаясь въ философскій плащъ, появлялась въ городскомъ свѣтѣ и принимала тамъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Но главная ея дѣятельность была академическая—какъ профессора. Состоя руководительницей философской школы, она, какъ думаютъ, получала правительственное содержаніе изъ средствъ александрійскаго мусея. О ея необыкновенномъ вліяніи на слушателей и учениковъ говорятъ источники и всего краснорѣчивѣе Синесій, питавшій чувства безпредѣльнаго почтенія къ своей наставницѣ и въ такіе годы, когда онъ, принявъ христіанство, сталъ епископомъ птолемаидскимъ¹⁾. Въ письмахъ, направленныхъ къ Ипатіи, этотъ пламенный почитатель деблестей ученой женщины не находитъ словъ для ея прославленія. Онъ проситъ ея содѣйствія и указанія не только по устройству имъ самимъ изобрѣтенной астролябии, или въ дѣлѣ приготовленія гидроскопа, но на ея судъ посылаетъ вмѣстѣ съ философскими также и богословскіе труды прежде ихъ изданія въ свѣтъ:

¹⁾ Н. Остроумовъ, Синезій епископъ Птолемаидскій. Москва 1879; объ отношеніи его къ Ипатіи см. стр. 38 и слѣд.

ей—язычницѣ, онъ—епископъ Птолемаиды. Ипатія должна рѣшить, выходить ли имъ въ публику или нѣтъ.

Ученики Ипатіи были разсѣяны повсюду. Кромѣ Платона и неоплатонической системы, она объясняла Аристотеля; но главной ея силой были, повидимому, астрономія и механика и вообще науки математическія. Бывши профессоромъ и общественнымъ дѣятелемъ, она посвящала свои ученыя силы также и трудамъ литературнымъ по астрономіи и геометріи.

Ипатіи суждена была трагическая смерть отъ руки убійць, тайно напавшихъ на нее, при возвращеніи ея домой. Это было въ Александріи въ мартѣ 415 г., во время сильнаго народнаго возмущенія, возгорѣвшагося на почвѣ религіозной вражды язычниковъ и евреевъ съ христіанами, къ тому же поддержанной раздоромъ представителей императорской и духовной власти. Несчастливая женщина, какъ язычница и чародѣйка, была сброшена съ экипажа, схвачена, раздѣта на площади и разорвана на куски опьянѣвшей въ своемъ звѣрствѣ чернью. Ея тѣло было разсѣяно по всей Александріи ¹⁾.

Названными здѣсь женщинами, посвятившими свою жизнь научной дѣятельности, далеко не исчерпывается рядъ представительницъ стремленія къ высшему образованію у грековъ. Дочь александрійскаго философа V в. Олимпіодора была широко образованною дѣвушкой и занималась философіей ²⁾.

Еще болѣе высокообразованныхъ дѣвушекъ было въ IV, V и VI в. въ профессорскомъ и ученомъ кругу Аѳинъ. У Плутарха, философа неоплатонической школы, была дочь *Асклипиенея*, славившаяся такими способностями, разностороннимъ образованіемъ и столь обширными познаніями въ философіи, что престарѣлый отецъ не только посвятилъ ее въ элевсинскія мистеріи, но и передалъ ей всю

¹⁾ Свидя Lexis. п. сл. Ἰπατία. См. Noche, Philologus T. XV стр. 435—474.

²⁾ Маринъ Прѣлюс, гл. 9.

таинственную науку о сихъ послѣднихъ. Впослѣдствіи этой религіозной мудрости учился у нея „великій“ Прокль¹⁾. Вышедши замужъ за очень богатаго гражданина Архіада, она поддерживала своего великодушнаго мужа въ его шедромъ покровительствѣ аѳинскому университету и его профессорамъ²⁾.

Плутарху по управленію академіей наслѣдовалъ философъ Сиріанъ. При немъ жила его родственница, молодая и прекрасная дѣвушка *Эдесія*. По обычаю ученыхъ того времени, этотъ профессоръ далъ ей наилучшее воспитаніе, литературное и философское. И замужъ она вышла за философа изъ Александріи Гермію, позднѣе съ большимъ успѣхомъ преподававшаго эту науку у себя на родинѣ. Онъ былъ членомъ мусея и когда скончался раньше времени, то содержаніе его, въ память о его заслугахъ, перенесено было на его семью, состоявшую изъ жены и его сыновей. Когда настало время для университетскаго образованія этихъ юношей, Эдесія переселилась въ Аѳины, гдѣ тогда блистала на весь эллинскій міръ своимъ ученымъ и профессорскимъ талантомъ, равно какъ и обаяніемъ своей безупречной личности, послѣдній столпъ философіи упадка, Прокль. Нѣкогда также предназначаемая въ невѣсты Проклу, Эдесія явилась теперь къ нему съ своими сыновьями студентами, и, принятая философомъ съ глубокимъ уваженіемъ, сама сдѣлавшись его слушательницей, она посѣщала его аудиторію вмѣстѣ съ дѣтьми. Тогда она была уже женщиною болѣе чѣмъ среднихъ лѣтъ. Ея сыновья Аммоній и Геліодоръ стали философами по специальности и, возвратившись въ Александрію, сдѣлались тамъ профессорами этой науки. Старшій изъ нихъ оставилъ по себѣ память хорошаго знатока и комментатора Аристотеля и Платона³⁾.

1) Тамъ же, гл. 28

2) Свидѣн. п. сл. *Ἀρχιάδας*; Маринъ *Πρόκλος* гл. 12. 14. 29. Ср. Zumpt, Ueber d. Bestand d. griech. philosoph. Schulen u. die Succession der Scholarchen стр. 56.

3) Свидѣн. Lexic. п. слл. *Ἀδελφία*, *Ἐρμίας*; Фотій Biblioth. стр. 341 Becker.

Закать греческой философіи въ Аѳинахъ и конецъ аѳинскаго университета связанъ съ именемъ уроженца Сиріи Дамаскія, который былъ послѣднимъ схолярхомъ академіи. При немъ поразилъ высшую аѳинскую школу, существовавшую съ вѣка первыхъ аѳинскихъ софистовъ почти 1000 лѣтъ, роковой ударъ императора Юстиніана, который нашель, что пришло положить конецъ и этимъ ученіямъ, и этому оплоту язычества ¹⁾). И въ эту трагическую пору доживавшаго свои дни университета является предъ нами еще разъ ученая дѣвушка, именемъ *Теодора*. Она вмѣстѣ съ младшей сестрою была слушательницей послѣднихъ схолярховъ академіи Исидора и Дамаскія въ нѣсколькихъ дисциплинахъ, именно въ математикѣ, философіи, филологіи. Энциклопедически образованная, она обладала обширными познаніями и потому послѣ была близкою помощницею Дамаскія въ его біографическихъ трудахъ, посвященныхъ исторіи неоплатонизма послѣдняго времени ²⁾).

Ученыя дѣвушки Эфеса, Смирны, Александріи и Аѳинъ выходили замужъ большею частью или въ своемъ ученomъ кругу или ихъ руки искали молодые люди наиболѣе видныхъ и богатыхъ семей. Но необычайную судьбу имѣла въ V вѣкѣ дочь аѳинскаго профессора краснорѣчія или, какъ тогда говорили, софиста Леонтія *Авинаида*. Исключительно богато одаренная, она подъ руководствомъ отца получила блестящее литературное образованіе. Начитанная въ Гомерѣ и трагикахъ, она должна была изучать ораторовъ Демосеена и Лисію и представлять опыты собственнаго краснорѣчія. Еще въ юные годы ученія, она усвоила себѣ искусство эпическаго стихосложенія, которое должно было принести ей много утѣшенія, когда въ ея фантастически перемѣнчивой судьбѣ настала пора безповоротнаго горя.

Къ порѣ юности относится основательное изученіе ея латинскаго языка, которымъ она владѣла послѣ въ совер-

¹⁾ См. Zumpt указ. соч., стр. 3 и слѣд. Zeller, *Gesch. d. griech. Philos.* III³ (2), стр. 849 и слѣд.

²⁾ Фотій *Biblioth.*, стр. 125—126 Becker.

шенствѣ. Существуетъ предположеніе о занятіяхъ ея и философій подъ руководствомъ товарища ея отца, схолярха академіи Плутарха, собственная дочь котораго была знаткомъ философіи религіозной науки.

Работая много и съ увлеченіемъ надъ собственнымъ образованіемъ, эта дочь профессора вѣроятно не простирала своихъ жизненныхъ видовъ далѣе Аеинъ или какого-либо умственного центра греческаго востока.

Но ей было назначено явить собою примѣръ необычайной и какъ бы сказочной превратности судьбы. Оставленная горячо ее любившимъ отцомъ безъ наслѣдства въ убѣжденіи, что полученное ею обширное образованіе и ея необычайный, развитой умъ послужатъ ей больше, чѣмъ всякое приданое, Аеинаида, обиженная братьями, отправилась въ Константинополь искать признанія своихъ имущественныхъ правъ. Здѣсь она получаетъ доступъ къ сестрѣ императора Θεодосія II, всесильной Пульхеріи, и скоро плѣняетъ ее своей наружностью, врожденнымъ благородствомъ внѣшнихъ пріемовъ и своимъ энциклопедическимъ образованіемъ. У Пульхеріи созрѣваетъ планъ выдать ее за своего вѣнчепноснаго брата. Энергичная, умная, ловкая и не признающая препятствій Пульхерія достигаетъ своей цѣли. Аеинаида принимаетъ крещеніе подъ именемъ Евдокіи и становится императрицей.

Счастливая супруга и мать, выдающая въ свой чередъ свою дочь Евдокію за молодого римскаго императора Валентиніана III, она въ зрѣлыхъ годахъ терпитъ обиду за подозрѣнной супруги и мѣняетъ пышный константинопольскій дворъ на уединенную жизнь въ Іерусалимѣ. Здѣсь императрица Евдокія проводитъ потомъ цѣлыхъ 16 лѣтъ, вдали отъ прежней славы и силы, предаваясь дѣламъ милосердія, церковному строительству, созиданію богадѣленъ и больницъ, и посвящая много времени литературнымъ трудамъ ¹⁾, —

¹⁾ Литературные труды императрицы Евдокіи, въ которыхъ сказалось блистательное образованіе, полученное ею въ родныхъ ей Аеинахъ, имѣли исклю-

и такъ вплоть до самой смерти, постигшей ее, по всей вѣроятности, въ 460 г. 1).

Въ предложенномъ краткомъ очеркѣ мы обозрѣли лишь нѣкоторыя стороны высшаго образованія въ классическомъ мірѣ; но и при такомъ ознакомленіи съ этимъ предметомъ нельзя не убѣдиться, что многія формы и явленія высшихъ школъ переживаютъ третье тысячелѣтіе, что, начавшись въ аудиторіяхъ греческихъ софистовъ вѣка Перикла, они продолжаютъ существовать до сего дня въ школахъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Школа, какъ показываютъ намъ исторія, была всегда и остается доселѣ однимъ изъ самыхъ консервативныхъ установленій человѣческихъ обществъ. И въ то время, какъ создавались новыя государства и падали прежнія, или когда происходили чередованія разныхъ правительственныхъ формъ въ одной и той же странѣ, или одинъ народъ смѣнялъ другой на міровой сценѣ, школа шла все своимъ, издавна начертаннымъ, издавна протореннымъ,

---

чительно стихотворную форму и въ эту пору ея жизни отличались религиознымъ характеромъ. Таковы:

1. Переложеніе 10 книгъ Библіи (пятикнижіе Моисея, книги Іисуса Навина, Судей, Руфъ, пророковъ Даніила и Захаріи).
2. Жизнь и дѣянія Спасителя въ 2343 стихахъ героическаго экзаметра.
3. Житіе мучениковъ Кипріана и Іустины—въ 3-хъ книгахъ.
4. Сверхъ сего къ первому году ея супружества относится хвалебная пѣснь, также въ стихотворной формѣ, на побѣду византійскаго оружія надъ персами.

Изъ всего этого сохранился одинъ отрывокъ изъ житія Кипріана и Іустины. Gregorovius, Athenais. Geschichte einer byzantinischen Kaiserin. 3-e durchgearb. Auflage. (Leipzig, 1892), стр. 212 и слѣд.

1) Своей удивительной судьбою эта необыкновенная женщина возбуждала вниманіе многихъ ученыхъ прежняго и новаго времени. Изъ новыхъ см. Am. Thierry, La Revue des deux Mondes 15 Oct. 1871 и Gregorovius, соч., указанное въ предыдущемъ примѣчаніи. Въ послѣдней монографіи сведена богатая литература источникомъ и пособіемъ и жизнь Аэинаиды-Евдокіи разсказана, при увлекательности формы, трезвѣе, чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ. Хронологія важнѣйшихъ событій въ жизни Аэинаиды-Евдокіи, какъ годъ рожденія, время прибытія ея въ Константинополь, срокъ службы ея при особѣ Пульхеріи до ея замужества, подлежатъ большимъ спорамъ. По Клинтону (Fasti Romani II p. 136), она умерла на 67 г., тогда какъ Грегоровіусъ насчитываетъ ей въ это время лишь 59 лѣтъ (указ. соч., стр. 232).

путемъ. Оттого послѣдующія историческія эпохи дали сравнительно мало такого, чего не знали бы здѣсь древніе. Постоянно движутся впередъ усилія человѣческой мысли, непрестанно обогащается сокровищница науки все новыми и новыми завоеваніями. А формы и порядки высшей школы въ сущности остаются все прежніе, въ сущности они — все одни и тѣ же ¹⁾).

И. Цвѣтаевъ.

---

¹⁾ Настоящій этюдъ былъ предметомъ рѣчи въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 января текущаго года. См. рѣчь и отчетъ университета за 1901-й годъ.

Негеометрія и ея значеніе для теоріи познанія.

Едва ли кто-либо другой изъ ученыхъ оказалъ большее вліяніе на развитіе проблемы о природѣ геометрическихъ аксіомъ, чѣмъ *Гельмгольцъ* ¹⁾. Благодаря тому огромному авторитету, который онъ имѣлъ въ наукахъ физическихъ и математическихъ, и его разсужденія въ области философіи математики приобрѣли очень большое значеніе. Можетъ быть, впрочемъ, это находилось въ зависимости отъ того, что онъ опровергалъ кантовскій апріоризмъ и выступалъ на защиту эмпирической теоріи, которая пользовалась успѣхомъ въ публикѣ. Во всякомъ случаѣ его сочиненія по философіи геометріи читались больше сочиненій другихъ авторовъ и оказали наибольшее вліяніе на развитіе эмпиризма въ геометріи.

Его главная заслуга въ разбираемомъ нами вопросѣ заключалась въ томъ, что онъ пошелъ дальше Лобачевского и Риманна и доказывалъ не только *возможность* иныхъ пространственныхъ отношеній въ сравненіи съ нашими, а также въ извѣстномъ смыслѣ и ихъ *представимость* (*Vorstellbarkeit*), что для него чрезвычайно важно, потому что благодаря этому онъ надѣялся показать несостоятельность

---

¹⁾ См. его: „Ueber die thatsächliche Grundlagen d. Geometrie“ въ *Wissenschaftliche Abhandlungen* B. II, „Ueber die Thatsachen d. Geometrie“ (тамъ же), „Ueber den Ursprung und Sinn d. geometrischen Sätze“ (тамъ же), „Ueber die Axiomon d. Geometrie“ (въ *Vorträge und Reden* B. II.), „Die Thatsachen in d. Wahrnehmung съ примѣч. къ этой статьѣ (тамъ же).

кантовскаго ученія объ апіорности пространства. По его словамъ: „Если представимы пространства иного рода, то этимъ самымъ отвергается, что аксіомы геометріи суть необходимыя слѣдствія изъ апіори данныхъ трансцендентальныхъ формъ нашихъ интуицій въ смыслѣ Канта“. Слѣдовательно, главное значеніе метагеометріи по Гельмгольцу заключается въ томъ, что она доказываетъ несостоятельность кантовской теоріи трансцендентальныхъ формъ, именно посредствомъ доказательства „представимости“ пространственныхъ отношеній, отличающихся отъ нашихъ.

Если Гельмгольцъ покажетъ, что не только „возможны“, но и „представимы“ пространства другихъ видовъ въ сравненіи съ созерцаемымъ нами реальнымъ пространствомъ, то онъ будетъ въ состояніи доказать эмпирической тезисъ о зависимости геометрическихъ аксіомъ отъ воздѣйствія окружающей среды, т.-е. онъ докажетъ, другими словами, что наши пространственныя представленія суть продукты воздѣйствія реального пространства, что *аксіомы нашей геометріи больше или меньше точно отражаютъ свойства нашего пространства.*

По Канту, пространство есть неизмѣнная форма нашего сознанія. По его мнѣнію, геометрическія аксіомы отличаются необходимымъ, аподиктическимъ характеромъ. Мы не можемъ мыслить что-либо противорѣчащее тому, что выражается въ аксіомахъ. Аксіомы суть незыблемыя истины. Поэтому представить себѣ какія-либо пространственныя отношенія, которыя могли бы уклоняться отъ нашихъ, невозможно. Но это утвержденіе кантіанцевъ, по мнѣнію Гельмгольца, фактически неправильно. Если бы они были правы въ томъ, что пространство есть неизмѣнная форма сознанія, то оно не могло бы представляться иначе, чѣмъ мы его представляемъ, а разъ мы его можемъ представлять иначе, то оно не есть форма сознанія.

Для того, чтобы доказать, что возможны *пространства*, отличающіяся отъ нашего, Гельмгольцъ доказываетъ, что существуютъ *геометріи*, отличающіяся отъ нашей, а для

этого онъ показываетъ, что существуютъ такія пространственныя формы, въ которыхъ аксіомы евклидовской геометріи не имѣютъ примѣненія, а изъ этого для него дѣлается несомнѣннымъ также и существованіе иныхъ пространственныхъ отношеній.

Важнѣйшія аксіомы евклидовской геометріи, какъ извѣстно, суть слѣдующія: 1) Аксіома совмѣстимости, по которой величины, совпадающія другъ съ другомъ, равны; 2) аксіома, по которой двѣ точки опредѣляютъ положеніе прямой и, наконецъ, 3) аксіома параллельности.

По мнѣнію Гельмгольца, возможны пространства, въ которыхъ имѣютъ приложимость только одни изъ этихъ аксіомъ, и не имѣютъ приложимости другія. Для каждаго пространства существуютъ свои опредѣленные аксіомы. Чтобы эту мысль сдѣлать конкретно представимой, Гельмголецъ дѣлаетъ предположеніе, что на различныхъ поверхностяхъ обитаютъ различныя фиктивные существа, которыя обладаютъ тѣми или другими геометрическими представленіями, разумѣется, въ зависимости отъ обитаемой поверхности и прослѣживааетъ, какого рода пространственныя представленія могли бы быть у такихъ существъ.

„Представимъ себѣ,—говоритъ Гельмголецъ ¹⁾,—одаренныя разсудкомъ существа, всего только двухъ измѣреній, которыя бы жили на поверхности какого-либо изъ нашихъ твердыхъ тѣлъ и двигались на ней. Предположимъ, что они не обладаютъ способностью воспринимать что-либо внѣ этой поверхности, на которой они движутся. Если бы такія существа выработали свою геометрію, то они приписали бы своему пространству, конечно, только два измѣренія. Они пришли бы къ тому выводу, что точка, которая движется, описываетъ линію; а линія, которая движется, образуетъ поверхность, которая была бы для нихъ самымъ высшимъ пространственнымъ образованіемъ. Но они также мало были бы въ состояніи составить себѣ представленіе

1) Vortr. u. Reden II. 8—9.

Вопросы философіи, кн. 63.

о дальнѣйшемъ пространственномъ образованіи, которое возникло бы въ томъ случаѣ, если бы поверхность выдвинулась изъ ихъ поверхностнаго пространства, какъ мы не въ состояніи имѣть представленія объ образованіи, которое получилось бы въ томъ случаѣ, если бы какое-нибудь тѣло выдвинулось изъ извѣстнаго намъ пространства“.

Эти поверхностныя существа „могли бы проводить кратчайшія линіи въ своемъ поверхностномъ пространствѣ. Это не были бы прямыя линіи въ нашемъ смыслѣ, но то, что по геометрической терминологіи называется *геодезическими линіями* поверхности, на которой живутъ эти существа, т.-е. линіи, которыя описываетъ натянутая нить, прилегающая къ поверхности и могущая скользить на ней совершенно безпрепятственно“. Эти геодезическія линіи аналогичны прямымъ линіямъ на плоскости.

Если бы существа этого рода жили на безконечной *плоскости*, то они создали бы ту самую геометрію, которая содержится въ нашей планиметріи. Они утверждали бы, что между двумя точками возможна только лишь одна прямая, что черезъ точку, лежащую внѣ данной прямой, можетъ быть проведена лишь одна параллельная прямая къ данной, что вообще прямыя могутъ быть продолжаемы до безконечности, при чемъ ихъ концы не встрѣчаются и т. д.

„Разумныя существа этого рода могли бы жить и на поверхности *шара*. Ихъ кратчайшей или прямѣйшей линіей между двумя точками была бы тогда дуга наибольшаго круга, которую можно провести чрезъ эти точки“. На шаровой поверхности между двумя точками существуетъ безконечное число кратчайшихъ линій. Поэтому, „аксіома, что между двумя точками существуетъ только одна кратчайшая линія была бы справедлива для обитателей шаровой поверхности не безъ нѣкоторыхъ исключеній“. Параллельныхъ линій совсѣмъ не знали бы обитатели шаровой поверхности. Они утверждали бы, что двѣ любыя прямѣйшія линіи по достаточномъ продолженіи должны въ концѣ концовъ пересѣчься не въ одной, но въ двухъ точкахъ. Сумма угловъ въ

треугольникъ всегда была бы больше двухъ прямыхъ и тѣмъ больше, чѣмъ больше площадь треугольника. Вслѣдствіе этого у нихъ отсутствовало бы также понятіе о геометрическомъ подобіи формы между большими и меньшими фигурами того же рода, потому что большій треугольникъ всегда у нихъ имѣетъ иные углы, нежели меньшій. Ихъ пространство было бы признано безграничнымъ, но въ то же время конечнымъ, или по крайней мѣрѣ, оно представлялось бы таковымъ. „Ясно, что существа, живущія на шарѣ и обладающія тѣми же логическими способностями, какими обладаютъ существа, живущія на плоскости, должны были бы создать совсѣмъ иную систему геометрическихъ аксіомъ, чѣмъ существа, живущія на плоскости, и чѣмъ мы сами въ нашемъ пространствѣ трехъ измѣреній“.

„Но представимъ себѣ далѣе одаренныя разумомъ существа, которыя живутъ на поверхности *яйцеобразнаго* тѣла. Между каждыми тремя точками такой поверхности можно провести кратчайшія линіи и построить такимъ образомъ треугольникъ. Но если бы мы попытались построить совмѣщающійся треугольникъ въ различныхъ мѣстахъ этой поверхности, то оказалось бы, что если два такихъ треугольника имѣютъ стороны одинаковой длины, то ихъ углы будутъ не одинаково велики. Если бы треугольникъ былъ начерченъ на остромъ концѣ треугольника, то сумма угловъ треугольника больше отличалась бы отъ двухъ прямыхъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда треугольникъ изображенъ на тупомъ концѣ: отсюда слѣдуетъ, что на такой поверхности такое простое пространственное образованіе, какъ треугольникъ, безъ измѣненія формы не можетъ быть передвигаемо съ одного мѣста на другое“. На этой поверхности фигуры не могутъ передвигаться безъ того, чтобы не происходило сжатія или растяженія сторонъ ихъ.

Поэтому мы должны признать, что на поверхности *яйцеобразнаго* тѣла не существуетъ „свободной подвижности“, которая существуетъ, напр., на плоской поверхности, а также на поверхности шара, а, слѣдовательно, на поверх-

ности яйцеобразнаго тѣла не существуетъ совпаденія фигуръ. Въ геометріи существъ, обитающихъ на такой поверхности, не можетъ быть аксіомы совмѣстимости.

Но представимъ далѣе, что вышеуказанныя фиктивные существа живутъ на поверхности *псевдосферы*. Какую геометрію выработаютъ они?

На псевдосферѣ аксіома совмѣстимости имѣетъ приложение: на ней фигуры могутъ передвигаться безъ измѣненія своей формы. На ней между двумя точками можно провести только одну кратчайшую. Слѣд., поверхность псевдосферы въ двухъ отношеніяхъ похожа на плоскую поверхность, но зато на ней аксіома параллельности не имѣетъ мѣста. „Если дана на поверхности прямѣйшая линія и внѣ ея точка, то можно провести черезъ точку пучокъ прямѣйшихъ линій, при чемъ всѣ онѣ не пересѣкаютъ данную прямую, хотя бы мы ихъ продолжали до бесконечности“. А это другими словами значить, что на этой поверхности аксіома параллельности не имѣетъ мѣста. Но такъ какъ съ аксіомой параллельности тѣсно связано то положеніе, что сумма угловъ въ треугольникѣ равняется двумъ прямымъ, то сумма угловъ треугольника на псевдосферѣ не равняется $2d$, а меньше. На псевдосферѣ нѣтъ подобія треугольниковъ, потому что на ней треугольники обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что чѣмъ больше стороны треугольника, тѣмъ меньше сумма угловъ.

Такимъ образомъ ясно, что мыслимы и такія пространственныя отношенія, которыя совершенно отличаются отъ нашихъ и въ которыхъ геометрическія аксіомы были бы не тѣ, которыя имѣются у насъ.

Но если разсужденіе относительно возможности геометріи, отличающейся отъ нашей, справедливо примѣнительно къ поверхностямъ, т.-е. къ пространству двухъ измѣреній, то оно можетъ быть примѣнимо по аналогіи и къ пространству болѣе, чѣмъ въ два измѣренія. Мы можемъ мыслить существованіе такихъ пространствъ болѣе, чѣмъ въ два измѣренія, которымъ присущи не тѣ свойства, которыя присущи нашему пространству.

Изъ этихъ разсужденій Гельмгольцъ считаетъ возможнымъ сдѣлать выводъ, что смотря по роду обитаемаго пространства (*nach der Art des Wohnraumes*) должны быть созданы разныя геометрическія аксіомы существами, которыя обладаютъ силами разсудка, совершенно соотвѣтствующими нашимъ¹⁾.

Послѣ сказаннаго мы можемъ указать мѣсто Гельмгольца въ исторіи нашего вопроса.

Эмпиризмъ утверждаетъ, что наши геометрическія аксіомы зависятъ отъ формы реального пространства; а эта мысль дѣлается особенно ясной, если показать, что существуютъ различныя пространства, и что въ зависимости отъ различія пространства должны существовать и различныя геометріи.

Гельмгольцъ доказываетъ возможность иныхъ пространственныхъ отношеній именно тѣмъ, что показываетъ возможность иной геометріи или иныхъ геометрическихъ аксіомъ.

Какъ я указалъ выше, для Гельмгольца важно показать не только *возможность* иныхъ пространствъ, но также и ихъ *представимость*. Но какъ онъ понимаетъ представимость иныхъ пространствъ?

Для вообразимости или мыслимости другихъ пространственныхъ отношеній требуется „полная представимость тѣхъ чувственныхъ впечатлѣній, которыя данный предметъ вызываетъ въ насъ по извѣстнымъ законамъ нашихъ органовъ чувствъ при всѣхъ возможныхъ условіяхъ нашего наблюденія, и посредствомъ чего онъ могъ бы быть различаемъ отъ всѣхъ другихъ сходныхъ предметовъ“²⁾. Этимъ Гельмгольцъ хочетъ сказать, что если бы мы могли опредѣлить, каковы могли бы быть пространственныя представленія у того существа, которое перенесется въ другое пространство, на примѣръ, псевдосферическое или сферическое, то мы сдѣлали бы то пространство, въ извѣстномъ смыслѣ, представимымъ.

1) *Ib.* стр. 10.

2) *Wiss. Abhandlungen* II. 644.

Представимость сферического или псевдосферического многообразія Гельмгольца поясняетъ слѣдующимъ образомъ. Эти пространства (сферическое и псевдосферическое) могутъ быть нами вполне опредѣлены аналитически, а отсюда легко вычислить, какими свойствами будутъ обладать тѣ изображенія, которыя получались бы на нашей сѣтчаткѣ отъ предметовъ, находящихся въ такомъ пространствѣ.

„Если бы какой-либо наблюдатель, глазомѣръ котораго и пространственный опытъ былъ бы подобенъ нашему, былъ помѣщенъ въ какое-либо псевдосферическое пространство, то самые отдаленные предметы этого пространства онъ увидѣлъ бы на конечномъ разстояніи отъ себя, напримѣръ, на разстояніи ста футовъ. Если бы онъ сталъ приближаться къ этимъ отдаленнымъ предметамъ, то онъ увидѣлъ бы, что они расширяются и именно больше въ глубину, чѣмъ по поверхности; въ то же время онъ увидѣлъ бы, что предметы, находящіеся позади его, стягиваются... Если бы онъ увидѣлъ двѣ прямыхъ линіи, которыя по его оцѣнкѣ шли бы параллельно до 100 футовъ, гдѣ міръ казался бы ему замыкавшимся, то онъ, идя за ними, увидѣлъ бы, что при растяженіи вещей, къ которымъ онъ приближается, эти линіи расходятся другъ съ другомъ тѣмъ больше, чѣмъ больше онъ къ нимъ приближается, позади же его, наоборотъ, разстояніе ихъ ему казалось бы все уменьшающимся, между тѣмъ какъ при дальнѣйшемъ движеніи впередъ линіи казались бы ему все болѣе дивергирующими и все болѣе и болѣе отдаляющимися другъ отъ друга. Двѣ прямыя линіи, которыя въ начальной точкѣ казались ему сходящимися въ одной и той же точкѣ задняго фона на разстояніи 100 футовъ, сходились бы всегда, сколько бы онъ ни шелъ, и точки пересѣченія ихъ онъ никогда не достигъ бы“.

„Противоположные обманы принесло бы сферическое пространство трехъ измѣреній, если бы мы въ него вошли съ тѣмъ глазомѣромъ, который нами приобрѣтенъ въ Евклидовскомъ пространствѣ. Мы видѣли бы отдаленные предметы болѣе отдаленными и большими по величинѣ, чѣмъ они суть

въ дѣйствительности; приближаясь къ нимъ, мы нашли бы, что мы достигаемъ до нихъ прежде, чѣмъ мы это могли бы ожидать на основаніи зрительнаго образа. Мы могли бы увидѣть передъ собою также и тѣ предметы, которые мы можемъ фиксировать при помощи расходящихся зрительныхъ линій“ и т. д. ¹⁾).

Такимъ образомъ ясно, что мы можемъ себѣ „представить“, какими были бы наши пространственныя воспріятія, если бы мы очутились въ псевдосферическомъ или сферическомъ пространствѣ трехъ измѣреній. Эти пространственныя отношенія совершенно отличались бы отъ нашихъ. А отсюда слѣдуетъ, что наши аксіомы суть результатъ воздѣйствія внѣшняго міра. Онѣ отнюдь не могутъ быть продуктомъ формъ интуиціи.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что Гельмгольцъ держится эмпирическаго объясненія въ вопросѣ о происхожденіи геометрическихъ аксіомъ.

Разсмотримъ еще одинъ пунктъ въ теоріи Гельмгольца, имѣющій огромную важность для характеристики его эмпиризма. По его мнѣнію, при установленіи геометрическихъ аксіомъ мы находимся не только въ зависимости отъ *пространственныхъ* свойствъ воспринимаемыхъ нами тѣлъ, но также и отъ *механическихъ* и *физическихъ* свойствъ этихъ послѣднихъ.

Основная предпосылка геометріи заключается въ требованіи, чтобы тѣла обладали свободною подвижностью, которая, какъ мы уже видѣли, является необходимымъ условіемъ пространственнаго измѣренія. Для того, чтобы мы могли измѣрить какія-либо тѣла, мы должны сравнивать ихъ. Для сравненія тѣлъ въ пространственномъ отношеніи необходимо произвести совмѣщеніе или совпаденіе ихъ, а для этого необходимо, чтобы тѣла при передвиженіи не измѣняли своихъ формъ. Если тѣла при передвиженіи не измѣняютъ своихъ формъ, то мы о нихъ говоримъ, что они

¹⁾ Ib 26-7.

обладають твердостью (Festigkeit), а это есть, конечно, физическое свойство тѣлъ. Такимъ образомъ необходимымъ предположеніемъ пространственнаго измѣренія тѣлъ является его физическое свойство.

Но откуда мы знаемъ, что это условіе пространственнаго измѣренія дѣйствительно осуществляется? Откуда мы знаемъ, что тѣло дѣйствительно при передвиженіи не измѣняетъ своихъ формъ? Это мы знаемъ, по мнѣнію Гельмгольца, изъ дѣйствительнаго опыта, изъ сравненія состоянія реальныхъ тѣлъ въ процессѣ передвиженія.

„Въ нашемъ пространствѣ,—говоритъ Гельмгольцъ,—движеніе твердыхъ пространственныхъ образовъ фактически возможно съ извѣстной степенью свободы“. Это утвержденіе онъ поясняетъ при помощи слѣдующаго примѣра. „Если мы въ нашемъ пространствѣ трехъ измѣреній укрѣпимъ двѣ точки какого-либо твердаго тѣла, то оно можетъ еще совершать вращенія только около прямой, соединяющей эти точки, какъ оси вращенія. Если же мы дадимъ тѣлу полный оборотъ, то оно вновь точно придетъ въ то положеніе, въ которомъ находилось сначала“. Какъ мы уже видѣли выше, возможна такая геометрія, гдѣ этого не могло бы быть. Есть поверхности, напр., яйцеобразнаго тѣла, эллипсоида, на которыхъ геометрическія фигуры не могутъ передвигаться безъ того, чтобы они не деформировались, т.-е. не подвергались сжатію или растяженію. На такой поверхности не можетъ быть совпаденія или совмѣщенія въ собственномъ смыслѣ. Такое пространство не допускаетъ свободной подвижности, между тѣмъ какъ въ нашемъ пространствѣ мы постоянно наблюдаемъ, что тѣла передвигаются безъ измѣненія своихъ пространственныхъ формъ.

Оказывается, поэтому, что въ геометріи мы считаемся съ механическими свойствами тѣлъ, что обнаруживается также и въ томъ, что мы въ процессѣ измѣренія исходимъ изъ безмолвнаго предположенія, что тѣ инструменты, при помощи которыхъ мы производимъ измѣренія, остаются неизмѣнными, т.-е. что они обладаютъ всѣми свойствами твердыхъ тѣлъ.

Такимъ образомъ, чтобы убѣдиться въ возможности геометріи, мы должны убѣдиться въ возможности измѣренія тѣлъ или, что то же, ихъ совпаденія; для этого мы должны убѣдиться въ возможности существованія неизмѣняющихся твердыхъ тѣлъ, а для этого необходимъ тотъ самый опытъ и то самое наблюденіе, которымъ мы пользуемся въ естествознаніи. Отсюда ясно, что возможность наблюденія того, что тѣла при передвиженіи не подвергаются измѣненію, сближаетъ геометрію съ естествознаніемъ. Въ этомъ смыслѣ геометрія, подобно физикѣ, есть опытная наука.

Если же геометрія есть наука опытная, то она имѣетъ такой же *индотетическій* характеръ, какъ вообще науки о природѣ.

Если мы допустимъ возможность иныхъ пространственныхъ отношеній, то естественно возникаетъ вопросъ, обладаетъ ли наше пространство тѣми свойствами, которыя мы ему приписываемъ. Можетъ быть, наши геометрическія аксіомы не являются истиннымъ выраженіемъ свойствъ реального пространства. Можетъ быть, тѣ геометрическія аксіомы, которыя мы считаемъ безусловно достовѣрными, на самомъ дѣлѣ такой достовѣрностью не обладаютъ.

Гельмгольцъ находитъ, что есть всѣ основанія допускать такое сомнѣніе. Истинныя свойства пространства могутъ быть опредѣлены только изъ опыта. Но какимъ образомъ? Разсужденія Гельмгольца въ этомъ пунктѣ сближаются съ разсужденіями Риманна относительно необходимости опредѣлить мѣру кривизны нашего пространства.

„Различія евклидовой, сферической и псевдосферической геометріи основываются на значеніи извѣстнаго постояннаго, которое Риманнъ называетъ мѣрою кривизны соответствующаго пространства, и величина котораго должна равняться нулю, если аксіомы Евклида имѣютъ дѣйствительность ¹⁾. Если она не равняется нулю, то треугольники съ большой площадью должны были бы имѣть другую сумму

¹⁾ Какъ мы видѣли, пространство евклидовой геометріи, тождественной съ геометріей на плоской поверхности, имѣетъ кривизну равную 0.

угловъ, чѣмъ треугольники съ небольшою, въ сферическомъ пространствѣ большія, въ псевдосферическомъ—меньшія“.

Такимъ образомъ, если мы желаемъ опредѣлить свойства реального пространства, намъ слѣдуетъ опредѣлить сумму большихъ треугольниковъ, которые употребляются, напри- мѣръ, въ астрономіи.

Изслѣдованіе суммы угловъ въ такихъ треугольникахъ не дало результатовъ, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать выводъ, что наше пространство, имѣетъ не тѣ свойства, какія мы ему приписываемъ, но тѣмъ не менѣ Гельмгольцъ считаетъ вѣроятнымъ, что если бы мы имѣли треугольникъ большій, чѣмъ тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, то можетъ быть результаты получились бы иные. „Всѣ системы прак- тическаго измѣренія, говоритъ онъ, которыя употреблялись для измѣренія угловъ большихъ прямолинейныхъ треуголь- никовъ и вообще всѣ системы астрономическихъ измѣре- ній... подтверждаютъ эмпирически аксіому параллельныхъ и показываютъ, что мѣра кривизны нашего пространства не- отличима отъ нуля. Но можно предложить вопросъ вмѣстѣ съ Риманномъ, не было ли бы это иначе, если бы мы вмѣсто нашихъ ограниченныхъ основныхъ линій (Standlinien), изъ которыхъ самая большая есть большая ось земной орбиты, могли воспользоваться бѣльшими линіями“. Слѣд. хотя и не удалось доказать, что пространство наше не имѣетъ тѣхъ свойствъ, которыя мы ему приписываемъ, однако для Гельмгольца все-таки остается допустимой возможность, что если бы мы опредѣлили сумму угловъ астрономиче- скаго треугольника, большаго чѣмъ тотъ, который мы могли имѣть до сихъ поръ въ астрономіи, то можетъ быть оказа- лось бы, что сумма угловъ такого треугольника не равня- лась $2d$, а изъ этого слѣдовало бы, что наше пространство, въ дѣйствительности, обладаетъ не тѣми свойствами, кото- рыя мы ему приписываемъ.

Эмпиризмъ Гельмгольца еще рѣзче обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ высказывается противъ Кантов- скаго пониманія апріорности. По его мнѣнію, геометриче-

скія аксіомы не суть необходимости мысли, потому что вполне мыслимо совершенно иное формулирование ихъ; геометрическія аксіомы, выражающія свойства нашего евклидоваго пространства, „не суть необходимости мысли (Denknothwendigkeiten), или необходимые слѣдствія апіорі даннахъ трансцендентальныхъ формъ нашей интуиціи въ смыслѣ Канта, но онѣ суть эмпирическаго происхожденія“,

Возражая противъ Кантовской теоріи апіорности, Гельмгольцъ однако дѣлаетъ весьма важное разграниченіе между апіорностью *пространства* и апіорностью *геометрическихъ аксіомъ*. Именно онъ думаетъ, что „пространство можетъ быть апіорнымъ въ то время, какъ аксіомы должны быть, конечно, эмпирическими“.

Кантовское утвержденіе, что геометрическія аксіомы представляютъ собою положенія апіорныя, трансцендентальныя, онъ понимаетъ такимъ образомъ, какъ если бы дѣло шло о врожденныхъ идеяхъ во внутренней интуиціи, какъ если бы построенія внутренней интуиціи не имѣли абсолютно никакого отношенія къ чувственному опыту. По мнѣнію Гельмгольца, если бы былъ справедливъ взглядъ Канта, по которому существуютъ независимыя отъ опыта трансцендентальныя интуиціи, то мы не могли бы понять, какимъ образомъ возможно приложеніе къ объективному міру этихъ трансцендентальныхъ интуицій, такъ какъ между трансцендентальными интуиціями и между реальными интуиціями пространства, которыя мы имѣемъ въ геометріи, должна была бы существовать пропасть. Это приводитъ Гельмгольца къ признанію двухъ видовъ геометріи, *физической* и *трансцендентальной*. Различіе между ними происходитъ оттого, что онѣ различно опредѣляютъ равенство тѣлъ. Въ физической геометріи „равенство тѣлъ констатируется при помощи реального измѣренія, при помощи измѣренія физическими вспомогательными средствами“. Физическое равенство есть совершенно опредѣленное объективное свойство пространственныхъ величинъ. „Такая геометрія, которая устанавливала бы равенство при помощи реального

измѣренія, была бы возможна, она носила бы характеръ естествознанія“. Отъ этой геометріи отличается трансцендентальная, которая, основываясь на гипотетически принимаемой трансцендентальной интуиціи пространства, говорить о равенствѣ только во внутренней интуиціи.

„Въ геометріи, которую признаютъ кантіанцы, мы имѣемъ дѣло не съ физическими тѣлами и ихъ состояніями при движеніяхъ, но мы составляемъ себѣ представленіе посредствомъ внутренней интуиціи объ абсолютно неизмѣнныхъ и неподвижныхъ пространственныхъ величинахъ, тѣлахъ, плоскостяхъ, линіяхъ, которыя, не будучи приводимы въ совпаденіе посредствомъ движенія, что присуще только физическимъ тѣламъ, находятся другъ съ другомъ въ отношеніи равенства“.

„Допустимъ,—говоритъ Гельмгольцъ,—что подобная система геометріи, которая была бы независима отъ всѣхъ свойствъ физическихъ тѣлъ, была бы возможна. Такая геометрія имѣла бы, конечно, свои аксіомы. Но, очевидно, что положенія этой геометріи не необходимо должны были бы согласоваться съ положеніями физической геометріи, потому что одна говоритъ о равенствѣ пространственныхъ величинъ во внутренней интуиціи, а другая говоритъ о физическомъ равенствѣ. Это послѣднее находится въ зависимости отъ физическихъ свойствъ. Поэтому нужно доказать дѣйствительно ли существуетъ *соответствіе* между трансцендентальной геометріей и физической геометріей. Это нужно доказать изъ опыта. „Если бы дѣйствительно у насъ существовала врожденная и неуничтожимая форма пространственной интуиціи со включеніемъ аксіомъ, то на объективное научное приложеніе къ опытному міру мы имѣли бы право только въ томъ случаѣ, если бы посредствомъ опыта и наблюденія было констатировано, что равнозначныя (*gleichwerthige*) пространственные части и физически равнозначны“, т. е. что то равенство или равнозначность, которая констатируется въ физической геометріи, тождественна съ тѣмъ равенствомъ, которое констатируется во внутрен-

ней интуиции. Въ трансцендентальной геометріи равенство опредѣляется не при помощи наложенія, а только при помощи сравненія во внутренней интуиции.

Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія обнаруживается необходимость *опыта* для опредѣленія дѣйствительности геометріи.

Но что понимаетъ Гельмгольцъ подъ апіорностью, которую онъ оспариваетъ? Подъ апіорностью Гельмгольцъ понимаетъ извѣстныя *врожденные* условія воспріятія, разумѣется, фізіологическія, потому что онъ сопоставляетъ врожденность пространства съ врожденными фізіологическими условіями воспріятія вообще. Онъ готовъ признать, что эти врожденные условія обладаютъ апіорнымъ характеромъ. „Форма представленія пространства, какъ необходимая форма интуиции рядоположенія различнаго, дана апіорно“ ¹⁾. По его словамъ, „въ организаціи нашего зрительнаго аппарата находится то, что все, что мы видимъ, можетъ быть видимо, какъ пространственное распредѣленіе цвѣтовъ. Это есть *врожденная* намъ форма зрительныхъ воспріятій. Въ этомъ же смыслѣ, я думаю, представленіе всѣхъ внѣшнихъ объектовъ въ пространственныхъ отношеніяхъ, есть единственно возможная и апіорно данная форма, въ которой мы вообще можемъ себѣ представлять вещи“ ²⁾.

Что аксіомы являются выраженіемъ реальныхъ свойствъ пространства—это вытекаетъ также и изъ его общаго *реалистическаго* взгляда на познаніе. Онъ признаетъ особыя реальные пространственныя свойства, которыя онъ называетъ *топогенными* моментами. „Наука, которую я назвалъ физической геометріей,—говоритъ онъ,—содержитъ положенія съ реальнымъ содержаніемъ; ея аксіомы суть выраже-

1) Wiss. Abh. II. 641.

2) Въ другомъ мѣстѣ Гельмгольцъ объ апіорномъ познаніи говоритъ, что оно есть „наслѣдіе изъ божественнаго источника нашего разума, какъ думаютъ философы идеалисты“. Очевидно, по его представленію, апіорныя понятія представляютъ нѣчто готовое, существующее до опыта.

нія не только простыхъ формъ представленія, но также и отношеній реального міра“¹⁾.

Резюмировать содержаніе взглядовъ Гельмгольца не трудно. На томъ основаніи, что мыслимы другія аналитически изобразимыя пространственныя формы, Гельмгольцъ утверждаетъ, что мыслимы и другія пространства, а слѣдовательно и другія геометрическія аксіомы, а изъ этого, по его мнѣнію, дѣлается нагляднымъ, что геометрическія аксіомы представляютъ собою не больше, какъ продуктъ опыта. Далѣе, такъ какъ геометрія находится въ зависимости отъ существованія твердыхъ тѣлъ, то она, подобно физикѣ, есть опытная наука, въ которой истина можетъ быть найдена только при помощи эмпирическихъ методовъ, а это приводитъ къ сомнѣнію относительно того, въ самомъ ли дѣлѣ наша геометрія точно изображаетъ дѣйствительность. Поэтому геометрія родственна всѣмъ прочимъ индуктивнымъ наукамъ, такъ какъ эти послѣднія тоже вѣдь не точно изображаютъ дѣйствительность.

Послѣдователемъ Риманна и Гельмгольца является *Бенно-Эрдманнъ*²⁾.

Его заслуги сводятся къ тому, что онъ выразилъ въ философскихъ терминахъ то, что уже раньше его защищали Риманнъ и Гельмгольцъ. Онъ, подобно имъ, защищаетъ эмпиризмъ и выступаетъ противъ апріоризма; но оспаривая апріористическую теорію, онъ имѣетъ въ виду то крайне раціоналистическое толкованіе, по которому „понятіе пространства рождается изъ спонтанныхъ силъ духа, совершенно независимо отъ воздѣйствія какого бы то ни было опыта“.

Бенно-Эрдманнъ, подобно Риманну, думаетъ, что природа пространства можетъ быть понятна только въ томъ случаѣ, если мы найдемъ *опредѣленіе* пространства; но чтобы найти опредѣленіе пространства, необходимо найти такое родовое понятіе, которому мы могли бы его подчинить, а так-

1) Vortz. u. R. 269.

2) Die Axiome der Geometrie. Lpz. 1877.

же отыскать тѣ „специфическіе признаки, которые отличаютъ его отъ другихъ возможныхъ или дѣйствительныхъ координированныхъ видовъ этого родового понятія“. Этого, повидимому, нельзя сдѣлать по той причинѣ, что наше представленіе пространства таково, что оно есть единичная интуиція: ему соотвѣтствуетъ только одинъ видъ. Нѣтъ другого вида или другихъ видовъ, вмѣстѣ съ которыми оно образовало бы родъ, а потому не можетъ быть рѣчи о понятіи пространства, можетъ быть рѣчь только объ интуиціи пространства, возможно мышленіе только единичнаго пространства. Нѣтъ *понятія* пространства, а есть только *интуиція* пространства. Но Бенно-Эрдманнъ съ этимъ разсужденіемъ не согласенъ, и думаетъ, что на основаніи математическихъ соображеній „пространство можетъ быть понимаемо какъ понятіе, которое въ качествѣ вполне опредѣленнаго члена можетъ быть координировано съ большимъ рядомъ соотвѣтствующихъ понятій“, т.-е. при помощи математическихъ соображеній можно показать, что пространство есть видовое понятіе, по отношенію къ другому высшему родовому понятію. Какое же это высшее родовое понятіе, по отношенію къ которому пространство является видовымъ? Это есть понятіе *величины*.

„Аналитическая геометрія учитъ, что даже отдѣльныя пространственныя интуиціи, напр., линіи, плоскости и т. п., которыя составляютъ собственный предметъ математическаго изслѣдованія, суть въ то же время и пространственныя понятія“. Пространственныя формы, составляющія предметъ евклидовской геометріи, могутъ быть представлены какъ геометрически, такъ и аналитически при помощи системы уравненій. Такъ какъ послѣднія имѣютъ дѣло съ величинами, то возможность двоякаго выраженія (геометрическаго и аналитическаго) пространственныхъ формъ показываетъ, что пространство есть величина.

Кромѣ того, указанныя пространственныя формы суть не только пространственныя интуиціи, но также и пространственныя *понятія*.

Это можно пояснить слѣдующимъ образомъ. Если мы имѣемъ интуицію линіи, напр., или треугольника, то она является представителемъ понятія линіи, какъ эта послѣдняя употребляется въ геометріи. Геометрическія интуиціи хотя и употребляются, какъ интуиціи, но они суть въ дѣйствительности представители пространственныхъ понятій. Та или другая единичная линія, съ которой мы имѣемъ дѣло въ геометріи, не есть собственно единичная линія, она трактуется нами не какъ единичная линія, а какъ представительница, замѣстительница линіи вообще. Поэтому она въ нашемъ представленіи является не въ качествѣ интуиціи, а въ качествѣ понятія. Бенно-Эрдманнъ думаетъ, что геометрическія пространственныя формы правильнѣе было бы назвать „интуитивными понятіями“ (Anschauungsbegriffe).

Бенно-Эрдманну нужно показать, что то понятіе, подъ которое нужно подвести пространство, есть понятіе величины. До сихъ поръ аналитическая геометрія признавала характеръ величины только за отдѣльными пространственными образованіями, но можно показать, что подъ это понятіе можно подвести вообще понятіе пространства.

Подъ понятіе величины можно подводить всѣ существенныя опредѣленія пространства: протяженность въ три измѣренія, непрерывность и т. п. Ихъ тоже можно опредѣлять какъ понятія величины, такъ какъ для cadaго изъ нихъ возможно опредѣленное аналитическое выраженіе. Такъ, напр., протяженность въ три измѣренія сводится къ зависимости cadaго элемента отъ трехъ независимыхъ переменныхъ.

Если такимъ образомъ можно сказать, что пространство есть величина, то искомое его опредѣленіе можетъ быть найдено. Но для того, чтобы это можно было сдѣлать, необходимо указать тѣ признаки, которые входятъ въ составъ искомага понятія, а для этого, конечно, необходимо, чтобы мы нашли другія понятія величины, которыя мы могли бы сравнивать съ понятіемъ пространства, какъ величиной.

Слѣдовательно, наша ближайшая задача заключается въ отысканіи такихъ величинъ, которыя обладаютъ частью признаковъ нашего понятія пространства какъ величины, которымъ однако не присущи другіе признаки, присущіе пространству.

Но какъ мы приходимъ къ общему понятію пространства? Во всякомъ случаѣ не такъ, какъ вообще ко всѣмъ другимъ понятіямъ, потому что намъ не дано конкретное множество такихъ пространствъ, изъ которыхъ мы могли бы составить понятіе пространства, и только на основаніи аналитическихъ соображеній можно видѣть, что существуютъ однородныя понятія, сравненіе которыхъ и приводить къ величинному понятію пространства, которое въ свою очередь приводитъ къ собственному понятію пространства.

Искомое опредѣленіе пространства заключается въ слѣдующемъ: „пространство есть тройко протяженная и непрерывная величина, элементы которой однозначно опредѣляются при помощи трехъ независимыхъ переменныхъ“.

Онъ соглашается съ Риманномъ и Гельмгольцомъ въ томъ, что истинныя свойства нашего пространства должны быть опредѣлены эмпирически.

Изъ этого принадлежность его къ эмпиризму становится внѣ всякаго сомнѣнія. По его мнѣнію „геометрія не есть чисто апіорная наука, но она есть наука объ эмпирическихъ мѣроопредѣленіяхъ нашего пространства“. Представленіе пространства, какъ оно употребляется въ геометріи, не есть апіорное представленіе въ раціоналистическомъ смыслѣ, ибо если бы оно на самомъ дѣлѣ созидалось спонтанной силой души, то для насъ оказалось бы невозможнымъ образовать интуитивное представленіе о пространственныхъ формахъ, отличающихся отъ нашего пространства“. Если бы наше представленіе пространства было апіорнымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это обыкновенно понимаютъ раціоналисты, то не было бы никакой возможности мыслить какія-либо пространственныя формы,

такъ или иначе уклоняющіяся отъ нашего, а между тѣмъ метагеометрія именно доказала возможность этого.

Бенно-Эрдманнъ, очевидно, предполагаетъ, что по априористическому пониманію допускаются какія-то познанія, абсолютно независящія отъ опыта, т.-е. познанія, которыя развиваются исключительно при помощи дѣятельности нашего ума. Опровергая априоризмъ, Бенно-Эрдманнъ имѣеть въ виду именно априоризмъ крайній, раціоналистическій.

Разсматривая затѣмъ послѣдовательно всѣ геометрическія аксіомы, онъ приходитъ къ тому выводу, что ихъ отнюдь нельзя признать раціональными познаніями: всѣ ихъ онъ считаетъ эмпирическими.

Раціоналистическая теорія склонна была утверждать, что можетъ быть только три измѣренія пространства. Но изъ метагеометрії мы можемъ легко убѣдиться, что пространство не необходимо должно имѣть три измѣренія, такъ какъ мыслимы пространства съ большимъ числомъ измѣреній. „Геометрія показываетъ, что троякость измѣреній не есть единственно возможный, а скорѣе это есть специальный случай“. То обстоятельство, что наше пространство имѣеть три измѣренія, находится въ зависимости отъ воздѣйствія внѣшняго міра. Это доказывается тѣмъ, что изъ психологическихъ данныхъ намъ извѣстно, что для образованія третьяго измѣренія необходимо воздѣйствіе опыта. Поэтому слѣдуетъ признать, что „первая аксіома геометрії есть эмпирическая истина. Она выражаетъ не необходимое въ раціоналистическомъ смыслѣ, а фактическое свойство нашего представленія пространства“.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно аксіомы совмѣстимости. И въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи относительно априорнаго приобрѣтенія, ибо пространственное измѣреніе возможно только при условіи совмѣстимости или совпаденія, совмѣстимость же предполагаетъ понятіе движенія и твердости, а эти послѣднія имѣють совершенно эмпирическій характеръ, какъ это мы видѣли у Гельмгольца.

Аксиома плоскаго характера нашего пространства, по которой мѣра кривизны его равняется нулю, есть эмпирическое сужденіе, потому что, по выраженію Бенно-Эрдманна, „частично представимы сферическія и псевдосферическія мѣроопредѣленія“. Слѣдовательно, плоскій характеръ есть только частный случай, одинъ изъ многихъ возможныхъ.

Бенно-Эрдманнъ признаетъ, что аксіомамъ геометріи присущи предикаты необходимости, всеобщности и неизмѣнности, но думаетъ, что они присущи имъ не въ абсолютномъ рационалистическомъ смыслѣ, „они не суть одностороннія созданія какой-либо духовной дѣятельности, они не суть вѣчныя истины, которыя совершенно независимы отъ какаго бы то ни было опыта, который бы они сами создали, предписывая ему неизмѣнные законы. Они суть продуктъ взаимодействія одинаково существенно опредѣляющихъ причинъ, изъ которыхъ одно коренится въ глубинахъ нашего духа, а другое основывается на природѣ вещей“.

Слѣдовательно, нужно признавать, что аксіомы геометріи выражаютъ физическое свойство вещей и въ этомъ смыслѣ они эмпиричны.

Такимъ образомъ геометрія, подобно всѣмъ прочимъ наукамъ, имѣетъ эмпирическое происхожденіе. Въ основѣ ея изслѣдованій лежатъ общія индукціи изъ опыта ¹⁾.

Г. Челпановъ.

---

¹⁾ Ук. соч., стр. 36—40; 144 и д.; 153, 173.

В ѣ р а.

Психологическій этюдъ ¹⁾.

III.

Не нужно думать, что анализъ понятія вѣры, которымъ я утомлялъ вниманіе читателя, имѣеть исключительно теоретическій интересъ. Вскрывая внутреннюю связь и взаимодѣйствіе элементовъ, изъ которыхъ слагается вѣра, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пролагаетъ намъ путь къ рѣшенію вопроса большой практической важности, — вопроса о тѣхъ психологическихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ вѣра возникаетъ.

Мы видимъ, что всѣ элементы вѣры имѣють необходимое значеніе: безъ представленій точно такъ же нѣтъ вѣры, какъ нѣтъ ея безъ чувства реальности и волевыхъ актовъ. Но мы видимъ также, что между этими элементами существуетъ опредѣленное отношеніе взаимной зависимости, и это отношеніе показываетъ намъ, что ихъ исходнымъ пунктомъ и ихъ психологическою основой всегда служить элементъ интеллектуальный. Этотъ элементъ занимаетъ въ процессѣ вѣры относительно самостоятельное положеніе и всѣ остальные непосредственно опредѣляются имъ. Если представленіе безъ чувства реальности и активныхъ обнаруженій перестанетъ быть вѣрой, то существовать оно можетъ и безъ нихъ; но ни чувство реальности, ни сознательная активность никогда не мыслимы безъ представленій. Какъ я замѣтилъ ранѣе, представленіе должно обладать

---

¹⁾ См. № 62 Вопр. Фил. и Псих.

извѣстными свойствами, чтобы внушить намъ вѣру; но разъ оно обладаетъ ими, оно само собой соединяется съ чувствомъ реальности и стремится перейти въ дѣйствіе. Чувство реальности является только его неизбѣжнымъ коэффициентомъ, а дѣйствіе становится его естественнымъ слѣдствіемъ. Такимъ образомъ, теоретическій анализъ приводитъ насъ къ заключенію, что именно въ *свойствахъ представленій* должны мы искать основнаго условія вѣры. Въ чемъ же состоятъ эти свойства?

Когда-то Юмъ сдѣлалъ очень интересное и совершенно правильное наблюдение: онъ нашелъ, что всѣ объекты вѣры представляются нами съ особенною *живостью*. На этомъ основаніи онъ даже опредѣлялъ вѣру какъ „живое представленіе, поставленное въ связь или ассоціированное съ личнымъ впечатлѣніемъ“ (a lively idea related to or associated with a present impression) ¹⁾. Но непослѣдовательный здѣсь, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, Юмъ понималъ отношеніе вѣры къ живости представленій неодинаково. Иногда онъ ставилъ вѣру въ прямую зависимость отъ представленій и видѣлъ въ ней только выраженіе ихъ живости. Нѣсколько остроумныхъ соображеній и фактовъ, приводимыхъ имъ въ подтвержденіе этой мысли, вполне сохранили свое значеніе до настоящаго времени. Иногда-же, напротивъ, онъ считалъ живость представленій не основнымъ, а производнымъ свойствомъ вѣры, не источникомъ, а результатомъ ея. Понявъ вѣру по существу какъ чувство, отличающее идеи сужденія отъ вымысловъ фантазій, онъ склоненъ былъ думать, что именно это чувство даетъ идеямъ вѣры ихъ живость. „Вѣра,—говорилъ онъ,—ничего не прибавляетъ къ идеѣ; она только измѣняетъ нашъ способъ умственнаго воспріятія ея (our manner of conceiving it) и дѣлаетъ ее болѣе сильною и живою“ ²⁾. Мнѣ кажется, что

1) Hume, *Treatise of Human Nature*, book I, pt. III, sect. VII, edition Green and Grose, vol. I, p. 396, и др.

2) *Ibid.*, sect. VIII, p. 402, и др. Отождествивъ вѣру съ одной стороны съ чувствомъ, съ другой—съ живостью представленій, Юмъ самъ, повидимо-

первая точка зрѣнія Юма была болѣе справедлива и отношеніе явленій въ дѣйствительности должно быть обратное: не вѣра измѣняетъ нашъ способъ воспріятія ея объекта, а способъ воспріятія объекта измѣняетъ вѣру; не вѣра является причиной живости представленій и идей, а наоборотъ, — *живость представленій и идей служитъ причиной вѣры*. Живость представленій, конечно, въ свою очередь должна имѣть свои причины, и эти причины могутъ быть очень различны. Она можетъ зависѣть отъ силы внѣшнихъ впечатлѣній или отъ произвольнаго направленія нашего вниманія; она можетъ обуславливаться игрой ассоціаций, неотразимостью логическихъ доводовъ или просто отсутствіемъ противорѣчія; она можетъ возникать подъ влияніемъ субъективныхъ потребностей, стремленій, эмоцій и страстей; она можетъ быть слѣдствіемъ случайныхъ обстоятельствъ или вытекать изъ опредѣленныхъ особенностей нашего душевнаго склада. Но чѣмъ бы ни создавалась живость представленій сама по себѣ, вѣра является ея необходимою функціей: приобретающее свойство

му, сознавалъ нѣкоторую противорѣчивость своего взгляда и пытался разъяснить его слѣдующимъ образомъ: «An idea assented to *feels* different from a fictitious idea, that the fancy alone presents to us: And this different feeling I endeavour to explain by calling it a superior *force*, or *vivacity*, or *solidity*, or *firmness*, or *steadiness*. This variety of terms, which may seem so unphilosophical, is intended only to express that act of the mind, which renders realities more present to us than fictions, causes them to weigh more in the thought, and gives them a superior influence on the passions and imagination. Provided we agree about the thing, 'tis needless to dispute about the terms». *Ibid.*, sect. VII, p. 398. Сравни. sect. X, p. 417—418, и Appendix, p. 555—558. То же самое въ *Enquiry concerning Human Understanding*, sect. V, pt. II, Essays, vol. II, p. 42—43. На основаніи приведенныхъ словъ можно было-бы даже думать, что подъ „живостью идей“ Юмъ разумѣлъ не *репрезентативную*, а только *эмоциональную* живость, подобно тому, наприм., какъ это дѣлаетъ Джемсъ въ своей рѣчи „*The Will to Believe*“, говоря о „живыхъ“ и „мертвыхъ“ гипотезахъ (*Essays*, p. 2 ff). Однако такой выводъ былъ бы несовсѣмъ правильнымъ. Въ дѣйствительности Юмъ смѣшивалъ оба понятія и въ этомъ именно смѣшеніи заключалась причина неясности и противорѣчивости его теории. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я постараюсь избѣгать этой двусмысленности: рѣчь будетъ только о *репрезентативной* и *интеллектуальной* живости объектовъ вѣры, о живости *представленія* и *мысленнаго воспріятія* ихъ.

живости, представленіе всегда вызываетъ въ насъ чувство реальности и стремится къ активному обнаруженію. Отсюда вотъ общій законъ вѣры: *мы вѣримъ въ то, что живо представляемъ и мыслимъ.*

Любой фактъ изъ области вѣры можетъ служить доказательствомъ этого закона. Въ самомъ дѣлѣ, что намъ внушаетъ наиболѣе твердую и непоколебимую увѣренность въ реальности вещей? Безъ сомнѣнія, самые живые, самые яркіе, самые конкретные элементы нашего сознанія, — *ощущенія*. То, что мы видимъ и осязаемъ, кажется намъ безусловно дѣйствительнымъ и не возбуждаетъ обыкновенно ни малѣйшихъ сомнѣній. Вотъ почему и въ жизни, и въ наукѣ чувственный опытъ считается самымъ рѣшительнымъ критеріемъ достовѣрности. Чтобы повѣрить въ фактъ, мы хотимъ убѣдиться въ его существованіи своими глазами; чтобы оцѣнить идею, мы стремимся провѣрить ее на видимыхъ и осязаемыхъ фактахъ. Апостоль Ѳома, желавшій вложить персты въ язвы Спасителя, останется вѣчнымъ историческимъ символомъ нашего скептического ума, который готовъ вполне увѣровать въ истину только тогда, когда она предстанетъ предъ нимъ въ живомъ чувственномъ видѣ. И не только вѣра въ истину, но и вѣра въ заблужденія ищетъ для себя такой же чувственной опоры. Посмотрите на этотъ удивительный интересъ къ спиритизму, который все болѣе и болѣе распространяется среди различныхъ слоевъ современнаго европейскаго общества: не служитъ ли онъ доказательствомъ непреодолимой власти ощущеній надъ человѣческимъ умомъ? Люди хотятъ видѣть, слышать и осязать идеальный міръ; они жаждутъ „матеріализаціи духа“. И когда „духи“ являются имъ въ постукиваніяхъ стола, въ движеніяхъ предметовъ или въ фосфорическихъ отблескахъ свѣта, они вѣрятъ въ эти живыя воплощенія своей фантазіи гораздо больше, чѣмъ въ доводы своего разсудка. Въ вѣчной борьбѣ міросозерцаній матеріализмъ всегда будетъ имѣть въ глазахъ толпы то преимущество, что онъ опирается на непосредственную живость ощущаемыхъ

явленій. Какъ бы ни доказывали идеалисты слабость его логическихъ основъ, никакая критика не можетъ устранить того психологическаго факта, что для людей легче вѣрить въ матеріальность духа, чѣмъ въ духовность матеріи. Даже теоретическое убѣжденіе въ субъективности ощущеній нисколько не колеблетъ нашего довѣрія къ нимъ. Это убѣжденіе измѣняетъ наше научное или философское *пониманіе* вещей; оно можетъ внушить намъ иную моральную *оцѣнку* ихъ; но оно не въ состояніи лишить наши ощущенія той *живости*, которая невольно заставляетъ насъ вѣрить въ ихъ реальный смыслъ. Вотъ почему даже для идеалиста, теоретически отрицающаго всякую объективную реальность чувственнаго міра, эта вѣра въ ощущенія является на практикѣ неотразимой. Въ своей головѣ онъ можетъ перестраивать вселенную какъ ему угодно, но въ жизни онъ смотритъ на кажущіяся ему вещи какъ на дѣйствительность. Когда-то Беркли говорилъ, что призрачность матеріальнаго бытія и идеальность вещей такъ очевидны, что человѣку стоитъ только раскрыть глаза, чтобы видѣть эту истину¹⁾. Логическая и гносеологическая очевидность такого взгляда можетъ быть внѣ всякихъ сомнѣній; но въ нашемъ опытѣ она на каждомъ шагу сталкивается съ очевидностью иного рода, — съ всепобѣждающей очевидностью живыхъ свидѣтельствъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ. И если мы на самомъ дѣлѣ раскроемъ свои глаза и взглянемъ на окружающій насъ міръ, мы забудемъ о всѣхъ логическихъ доводахъ и невольно повторимъ ироническія слова Байрона:

When Bishop Berkeley said „there was no matter“,
 And proved it—'t was no matter what he said:
 They say his system 't is in vain to batter,
 Too subtle for the airiest human head;
 And yet who can believe it? I would shatter
 Gladly all matters down to stone or lead,

¹⁾ Berkeley, *The Principles of Human Knowledge*, pt. I, chap. II, sect. 6, Collins Simon's edition, London 1878, p. 25.

Or adamant, to find the world a spirit,
And wear my head, denying that I wear it.

(Don Juan, Canto XI. 1.)

Только явная иллюзорность воспріятій да патологическое ослабленіе ихъ подѣ влияніемъ какихъ-нибудь „навязчивыхъ идей“ (*idées fixes*) могутъ нарушать эту общечеловѣческую вѣру въ реальность явленій чувственного міра. Но даже эти исключенія, не служатъ ли они только подтвержденіемъ общаго правила? Вѣдь какъ бы ни было ошибочно иллюзорное воспріятіе, въ моментъ своей непосредственной живости оно всегда принимается нами за настоящую дѣйствительность. И если позднѣе мы убѣждаемся въ своей ошибкѣ, то это происходитъ потому, что извѣстная группа апперцептивныхъ представленій отвлекаетъ наше вниманіе отъ обманувшаго насъ впечатлѣнія и этимъ ослабляетъ его силу. Такимъ образомъ, пока иллюзорное воспріятіе обладаетъ своею первоначальною живостью, оно внушаетъ намъ обычную вѣру; и только тогда, когда оно теряетъ это свойство подѣ натискомъ враждебныхъ ему элементовъ, мы начинаемъ сомнѣваться въ его реальности.

Если апперцептивныя представленія нормальнаго человека ослабляютъ живость иллюзорныхъ воспріятій и возста новляютъ сознаніе дѣйствительности, то „навязчивыя идеи“ больного ума могутъ производить обратное дѣйствіе: онѣ могутъ ослаблять дѣйствительныя воспріятія субъекта и порождать сознаніе ихъ иллюзорности. Такой именно фактъ наблюдается у людей, страдающихъ тѣмъ своеобразнымъ видомъ помѣшательства, который извѣстенъ у французскихъ аліенистовъ подѣ именемъ *маніи сомнѣнія* (*folie du doute*). Эта душевная болѣзнь проливаетъ настолько яркій свѣтъ на психологическія условія вѣры въ чувственный опытъ и на проблему вѣры вообще, что я считаю нужнымъ остановиться на ней подробнѣе.

Манія сомнѣнія, являющаяся обычнымъ спутникомъ ипохондріи и меланхоліи, имѣетъ очень различныя формы; но въ наиболѣе тяжелыхъ ея случаяхъ больной утрачиваетъ

почти всякое чувство реальности и становится неспособным вѣрить въ самыя очевидныя вещи. Не только прошедшее и будущее, но даже настоящее представляется имъ безъ всякой увѣренности и возбуждаетъ въ его умѣ тысячи мучительныхъ сомнѣній. Вся окружающая жизнь проходитъ предъ нимъ какъ непонятное сновидѣніе; весь міръ кажется ему, по выраженію одного больного, „какимъ-то призракомъ, какою-то гигантскою галлюцинаціей“¹⁾. Это уже не теоретическій скептицизмъ философа, который сомнѣвается въ обычномъ пониманіи міра и въ то же время вѣритъ въ его непосредственныя впечатлѣнія; это *практическія* сомнѣнія больной души, простирающіяся на всѣ ощущенія, воспріятія, представленія, идеи и дѣйствія субъекта. „Я вижу, слышу, чувствую,—говоритъ одинъ меланхоликъ,—но предметы не достигаютъ до меня; я не могу воспринять ощущенія, точно будто какая-то стѣна отдѣляетъ меня отъ внѣшняго міра“²⁾. „Я хорошо слышу, что мнѣ говорятъ,—жалуется другая больная,—но что-то такое мнѣ мѣшаетъ. Я никакъ не могу повѣрить въ то, что мнѣ рассказываютъ. Все, что говорятъ, мнѣ кажется смутнымъ; все это не должно быть правдой“. Присутствуя на одномъ изъ маленькихъ концертовъ, устраиваемыхъ въ госпиталѣ для развлеченія больныхъ, она тоскливо спрашиваетъ: „Правда ли все это? Музыка, эти танцующіе люди,—это не кажется правдой, это должно быть во снѣ“³⁾. Такіе больные сомнѣваются не только въ существованіи окружающихъ вещей, но даже въ своей собственной личности. „Значитъ, я дѣйствительно Марсель?—спрашиваетъ упомянутая сейчасъ невротка,—это меня удивляетъ, потому что я не узнаю себя... Нѣтъ, я измѣнилась; это не я; меня очень плохо устроили, мнѣ вставили картонный желудокъ... Настоящая Марсель про-

1) Ribot, *La psychologie des sentiments*, Paris 1896, p. 367.

2) Грзингеръ, *Душевныя болѣзни*, перев. подъ ред. Овсянникова. Петербургъ, 1867, стр. 96.

3) Pierre Janet, *Névroses et idées fixes*, Paris 1898, t. I, p. 41. Сравн. т. II, p. 159.

пала; не знаю гдѣ она, но если я когда-нибудь ее встрѣчу, я вамъ покажу ее, чтобы вы видѣли, что она лучше меня“¹⁾.

Чѣмъ объяснить эту странную „болѣзнь вѣры“? Приведенные факты даютъ намъ довольно опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Сами больные ставятъ свои безумныя сомнѣнія въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что они „не могутъ воспринимать ощущений“, что впечатлѣнія внѣшняго міра „кажутся имъ смутными“. Мысль о „картонномъ желудкѣ“ показываетъ, что такими же смутными становятся и ихъ внутреннія (ценестезическія) ощущения, играющія первостепенную роль въ сознании личности²⁾. *Способъ, какимъ я вижу вещи*,—говорилъ одинъ больной психіатру Баллю,—не показываетъ мнѣ, что онъ такое, и не свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ существуютъ: отсюда сомнѣніе“³⁾. Такимъ образомъ, разгадка сомнѣній этихъ больныхъ заключается въ неясности ихъ ощущений и воспріятій. Эта своеобразная аномалія можетъ обнаруживаться у нихъ въ такихъ формахъ, что дѣлается легко замѣтной даже для посторонняго взгляда. „У такихъ больныхъ,—говоритъ Гринингеръ,—встрѣчается иногда ослабленіе периферической чувствительности кожи, такъ что предметы кажутся имъ нѣсколько неясными, даже шероховатыми, покрытыми шерстью“⁴⁾.

1) *Ibid.*, t. I, p. 40. Этотъ случай совершенно аналогиченъ съ хорошо извѣстнымъ фактомъ, описаннымъ Фовилемъ. Одинъ солдатъ считалъ себя убитымъ въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, гдѣ онъ былъ тяжело раненъ. Когда его спрашивали о здоровьи, онъ отвѣчалъ: «Вы спрашиваете, каково здоровье дяди Ламберта? Но дяди Ламберта нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ, его унесло пушечное ядро. То, что вы здѣсь видите, совсѣмъ не онъ, а плохая машина, поддѣланная подъ него; сдѣлайте же другую получше». Себя онъ никогда не называлъ «я», а всегда говорилъ: „это“. Кожа его была нечувствительна, и сверхъ того у него бывали нѣсколько разъ припадки неподвижности и безчувственности, продолжавшіеся нѣсколько дней. См. Гринингеръ, *Душевные болѣзни*, стр. 93—94. Сравн. также извѣстные наблюденія д-ра Крисгабера, хорошо резюмированныя у Тэна, *Объ умѣ и познаніи*, перев. Страхова, 2 изд. Спб. 1894, стр. 536 и слѣд.

2) Сравн. Рибо, *Болѣзни личности*, перев. Викторова. Москва, 1887, стр. 96 и слѣд.

3) Paulhan. *L'activité mentale et les éléments de l'esprit*, p. 343—344.

4) Гринингеръ, *Душевные болѣзни*, стр. 96.

Но еще болѣе она бываетъ замѣтна именно для самихъ больныхъ. Не всякое психіатрическое наблюденіе можетъ сравниться по своей ясности съ слѣдующимъ описаніемъ, которое мы находимъ въ письмѣ одного ипохондрика къ Эскиролю: „Каждое мое чувство, каждая часть самого меня какъ будто отдѣлена отъ меня и не можетъ доставлять мнѣ ощущеній. Эта невозможность зависить, повидимому, отъ пустоты, которую я чувствую спереди въ головѣ, и отъ уменьшенія ощущенія на поверхности всего тѣла, потому что мнѣ кажется, что я никогда не достигаю вполне предмета, который я трогаю... Я чувствую на кожѣ измѣненіе температуры, но внутренняго ощущенія воздуха при дыханіи у меня нѣтъ болѣе... Глаза мои видятъ, умъ мой воспринимаетъ, но ощущенія того, что я вижу, у меня совершенно нѣтъ“¹⁾. Даже въ томъ случаѣ, когда внѣшнее наблюденіе не можетъ открыть у такихъ больныхъ никакихъ отклоненій въ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, они жалуются на слабость и неясность своихъ воспріятій: даже при кажущейся полной нормальности зрѣнія они говорятъ, что „плохо видятъ“²⁾. Встрѣчается ли у страдающихъ маніей сомнѣнія полная анестезія, совершенное прекращеніе чувствительности, подобное тому, какое наблюдается у паралитиковъ и истеричныхъ? Повидимому, только въ исключительныхъ случаяхъ. Притомъ, какъ это ни кажется страннымъ, анестезія сопровождается у нихъ не сомнѣніями, а только своеобразнымъ измѣненіемъ центра тяжести вѣры: вмѣстѣ съ прекращеніемъ внѣшнихъ воспріятій у больного возникаетъ очень узкая группа представлений, которыя достигаютъ галлюцинаторной ясности и принимаются имъ за дѣйствительность. Какъ показываютъ сейчасъ приведенные примѣры, эти больные обыкновенно видятъ, слышатъ и

1) *Ibid.*, стр. 251.

2) Pierre Janet, *Névroses et idées fixes*, т. II (en collaboration avec M. le Dr. Raymond), p. 159—160. Сравн. весьма интересный случай, описанный Dr. Bernard'омъ Leroy въ его докладѣ *Sur l'illusion dite „dépersonnalisation“*, IV-e Congrès international de Psychologie (1900), Paris 1901, p. 480 suiv.

чувствуютъ; они только плохо сознаютъ, неясно воспринимаютъ то, что видятъ, слышатъ и чувствуютъ; другими словами, у нихъ замѣчается лишь *ослабленіе нормальной живости ощущеній и воспріятій*, та смутность и тупость ихъ, которую психіатры называютъ „парэстезіей“ или „дизэстезіей“¹⁾. Вотъ эта-то aberrация чувствительности, очевидно, и служитъ источникомъ ихъ сомнѣній: *утративъ свою обычную живость, ихъ ощущенія и воспріятія не внушаютъ имъ больше довѣрія*.

Превосходныя изслѣдованія Пьера Жанэ достаточно выяснили психологическую связь и психологическія причины всѣхъ этихъ явленій. На основаніи своихъ наблюденій Жанэ приходитъ къ выводу, что слабость воспріятій у страдающихъ маніей сомнѣнія обусловливается вліяніемъ навязчивыхъ идей и стоитъ въ прямой зависимости отъ расстройства той способности „синтезировать впечатлѣнія“, которая называется вниманіемъ²⁾. Чтобы вполнѣ понять этотъ взглядъ, нужно знать, что наши воспріятія далеко не такія простыя вещи, какими они намъ кажутся. Съ непосредственнымъ впечатлѣніемъ или ощущеніемъ здѣсь всегда соединяется болѣе или менѣе сложная группа другихъ ощущеній и образовъ, которые уясняютъ его отношенія и смыслъ. *Только синтезъ всѣхъ этихъ элементовъ даетъ ощущенію полную ясность и живость*; безъ нихъ оно воспринимается слабо и даже можетъ совсѣмъ не сознаваться. Образованіе такихъ психическихъ синтезовъ и составляетъ функцію *вниманія*. Когда навязчивая идея овладѣваетъ умомъ больного, вся сила его вниманія сосредоточивается на ней и синтезъ ощущеній въ ясныя воспріятія становится уже невозможнымъ. Лишенная связи съ остальнымъ содержаніемъ сознанія, внѣшнія впечатлѣнія или проходятъ совершенно незамѣтно для субъекта, или настолько теряютъ свою живость, что не пробуждаютъ болѣе чувства реаль-

1) См. Корсаковъ. *Курсъ психіатріи*, 2 изд. Москва, 1901, т. I, стр. 235.

2) Pierre Janet, *Névroses et idées fixes*, t. I, p. 48; t. II, p. 160.

ности. Марсель, которая сомнѣвается и въ окружающемъ мірѣ, и въ своей собственной личности, страдаетъ цѣлымъ рядомъ навязчивыхъ идей, смѣняющихъ постепенно одна другую. По временамъ эти идеи, „какъ облако“, окутываютъ ея сознание, вытѣсняя изъ него всѣ чуждые имъ элементы. Въ такія минуты онѣ представляются ей „въ формѣ необыкновенно живыхъ или сложныхъ образовъ, которые не встрѣчаютъ себѣ никакого противорѣчія и даютъ большой полную иллюзію дѣйствительности“. Ее преслѣдуетъ, наприм., воспоминаніе объ одной очень тяжелой сценѣ, при которой она случайно присутствовала. Всѣ подробности этой сцены проходятъ передъ нею какъ живыя: та же обстановка, тѣ же лица, тѣ же позы, и несчастная больная бываетъ по цѣлымъ днямъ погружена въ это мучительное созерцаніе. Такія идеи уже не внушаютъ ей никакихъ сомнѣній и колебаній. Это не смутныя мысли, о значеніи которыхъ она спрашиваетъ себя и другихъ; это настоящія живыя галлюцинаціи, въ которыя она вѣритъ, какъ въ дѣйствительность. Зато остальной мірѣ во время такихъ кризисовъ для нея совсѣмъ не существуетъ. Подобно сомнамбулкѣ, она не видитъ, не слышитъ и не чувствуетъ ничего, что выходитъ за предѣлы занимающихъ ее представлений. Съ широко раскрытыми глазами, устремленными въ одну точку, она остается неподвижною въ той позѣ, въ какой засталъ ее припадокъ. Когда къ ней подходятъ, она не замѣчаетъ присутствія чловѣка; когда ее спрашиваютъ, она не отвѣчаетъ на вопросы; если ее ущипнуть или уколоть, она не издастъ крика боли; если поднять ея руку, эта рука повиснетъ на нѣсколько мгновеній въ воздухѣ, какъ у каталептика. Словомъ, въ такія минуты больная *совсѣмъ не воспринимаетъ вѣшнихъ впечатлѣній* и обнаруживаетъ нечувствительность, которая на самомъ дѣлѣ близко напоминаетъ анестезію истеричныхъ¹⁾. Но вотъ, припадокъ проходитъ, галлюцинаціи исчезаютъ и чувствительность

¹⁾ *Ibid*, т. I, р. 16—19.

возстанавливается. Больная видит, слышит и реагирует на внѣшнія впечатлѣнія; она разговариваетъ съ большою живостью, и бывають моменты, когда среди знакомой и привычной ей обстановки она можетъ показаться почти нормальной. Однако эта перемѣна обманчива. На самомъ дѣлѣ навязчивыя идеи ни на минуту не покидаютъ сознанія больной; незамѣтно для нея самой онѣ держатъ въ тискахъ ея слабый умъ, и рядъ импульсивныхъ стремлений и дѣйствій служитъ невольнымъ ихъ выраженіемъ. Не поглощая всецѣло ея вниманія, какъ прежде, и въ то же время постоянно ее отвлекая, эти идеи создаютъ теперь странное раздвоеніе въ ея душѣ и дѣлаются тою „стѣной“, которая, по выраженію вышеупомянутаго меланхолика, отдѣляетъ такихъ субъектовъ отъ внѣшняго міра. Оставаясь подъ скрытымъ гипнотизирующимъ вліяніемъ ихъ, больная плохо знаетъ окружающую дѣйствительность, и ея ощущенія, блѣдныя и неясныя, повергаютъ ее въ тревожное недоумѣніе. Даже въ той комнатѣ, гдѣ она постоянно находится, она продолжаетъ не замѣчать многихъ вещей; а тѣ предметы, которые она видитъ, представляются ей какъ во снѣ, кажутся какою-то смутною и обманчивой грезой, въ реальность которой она не въ состояніи вѣрить. *Родъ анестезіи, свойственный ей во время описанныхъ кризисовъ, замѣняется теперь парестезіей, и вмѣсто галлюцинацій наступаетъ всеобщее сомнѣніе.* Таково обычное состояніе этой невропатки. Но это состояніе не отличается устойчивостью и ничтожныя причины могутъ его нарушить. Стоитъ, напримѣръ, вывести больную изъ привычной ей обстановки, чтобы произвести полную пертурбацію въ ея представленія. Незнакомыя впечатлѣнія уже не укладываются въ ея головѣ; образованіе новыхъ психическихъ синтезовъ, необходимыхъ для ихъ воспріятія, становится для нея невозможнымъ, и больная утрачиваетъ всякое сознаніе дѣйствительности. Выйдя погулять въ больничный садъ, она съ испуганнымъ видомъ озирается кругомъ и не можетъ понять, гдѣ она очутилась. Ей кажется, что земля проваливается

подъ нею, и она ошупываетъ ее, чтобъ убѣдиться въ ея твердости. Она не узнаетъ окружающихъ предметовъ; она не различаетъ ни деревьевъ, ни скамей парка и, наконецъ, говоритъ, что неясно видеть. „Ея сомнѣніе во внѣшнемъ воспріятіи превратилось въ отсутствіе внѣшняго воспріятія“¹⁾. Съ другой стороны, на ряду съ этими періодами полнаго духовнаго оскудѣнія бываютъ минуты проясненія сознанія, которыя сама больная называетъ „свѣтлыми мгновеньями“. Если усыпить ее и продержатъ въ глубокомъ гипнозѣ около часа, больная пробуждается неузнаваемой. Ея мозгъ, какъ бы отдохнувшій во время сна, легко воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія; ея мысль освобождается отъ кошмара навязчивыхъ идей и дѣятельно работаетъ; ея взглядъ разуменъ, движенія быстры, вниманіе живо, воспріятія ясны. Она хорошо сознаетъ все, что вокругъ нея совершается, и обнаруживаетъ любознательность, которая раньше была ей совершенно чужда. Въ комнатѣ, въ которую она сто разъ входила, ничего въ ней не замѣчая, она дѣлаетъ теперь множество новыхъ и интересныхъ открытій. Она вновь узнаетъ себя и безъ всякихъ колебаній называетъ себя своимъ именемъ. Въ такія минуты всѣ ея сомнѣнія исчезаютъ: *вмѣстѣ съ возстановленіемъ нормальной живости воспріятій возстановляется и ея вѣра въ окружающій міръ, и въ свою собственную личность*²⁾.

Любопытно, что манія сомнѣнія всегда сопровождается абуліей, болѣе или менѣе полнымъ безволіемъ. Мучимый своими сомнѣніями, больной становится крайне нерѣшительнымъ и, наконецъ, утрачиваетъ всякую власть надъ собою. Онъ можетъ желать, но онъ уже не въ состояніи хотѣть и дѣйствовать. Какое-то непреодолимое препятствіе всякій разъ парализуетъ его волю и обрекаетъ его на полную бездѣятельность и неподвижность. Самые простые и необходимые акты кажутся ему невыполнимыми, и больной самъ

---

1) *Ibid.*, p. 45—46.

2) *Ibid.*, p. 49—51.

изумляется своему беспилію. Иногда такіе больные теряют даже способность желать и впадаютъ въ полное душевное расслабленіе. Бильо описываетъ состояніе одной молодой итальянки, которое даетъ намъ яркую картину маніи сомнѣнія, соединенной съ абуліей. „Она разсуждаетъ обо всемъ здраво, но у нея нѣтъ больше воли, она потеряла способность желать и относится вполнѣ безучастно ко всему тому, что съ ней происходитъ, что она чувствуетъ или дѣлаетъ... Она увѣряетъ, что находится въ состояніи человѣка, который ни живъ, ни умеръ, или, вѣрнѣе, человѣка, который живетъ во снѣ, которому всѣ предметы представляются сквозь какое-то облако, всѣ люди кажутся движущимися тѣнями, а слова—доносящимися изъ какого-то отдаленнаго міра“ ¹⁾. Марсель, разсказываетъ Пьеръ Жанэ, по цѣлымъ днямъ сидитъ неподвижно на своемъ стулѣ, занимаясь механическимъ вязаньемъ несложнаго и однообразнаго кружева. Если ей предлагаютъ встать и взять со стола какую-нибудь вещь, она сердито отказывается. Если требовать этого долго и настойчиво, она медленно поднимается, слегка протягиваетъ руку, но въ ту же минуту останавливается и говоритъ, что ничего не можетъ сдѣлать. Иногда послѣ многихъ бесплодныхъ попытокъ ей удается взять указанный ей предметъ; но всего чаще ея усилія остаются тщетными, и, утомленная ими, она не дѣлаетъ больше никакого движенія, несмотря на самыя настойчивыя просьбы. Если ея вязальный крючокъ лежитъ передъ нею на столѣ, она уже не можетъ его достать и сидитъ, скучая безъ своей привычной работы. Иногда она доходитъ до такого беспилія, что бываетъ не въ состояніи раскрыть рта, чтобы отвѣтить на обращенный къ ней вопросъ. Смотря со стороны на эту больную, можно подумать, что она страдаетъ какою-нибудь чисто физическою болѣзнию нервовъ или мышцъ. Но достаточно видѣть, ка-

---

¹⁾ Рибо, *Болѣзни воли*, пер. подъ ред. д-ра Томашевскаго Спб., 1884, стр. 51—52.

кая переѣна происходитъ съ нею въ тѣ минуту, когда случайное впечатлѣніе или воспоминаніе захватываетъ ея умъ и овладѣваетъ ея вниманіемъ, чтобы убѣдиться въ психическомъ происхожденіи ея недуга ¹⁾). Рибо и нѣкоторые другіе авторы полагаютъ, что психологическая причина абупліи такихъ больныхъ состоитъ въ ослабленіи ихъ эмоциональной жизни. Но эта гипотеза едва-ли подтверждается фактами. Страдающіе маніей сомнѣнія далеко не всегда отличаются апатіей и равнодушіемъ къ окружающему. Иногда, напротивъ, они бываютъ очень нервны и впечатлительны. Малѣйшее неосторожное слово можетъ раздражить ихъ или привести въ отчаяніе. Ихъ боязливость доходитъ до крайнихъ предѣловъ; ихъ привязанность къ людямъ можетъ быть такъ же сильна, какъ и ихъ ненависть ²⁾). Словомъ, у нихъ могутъ наблюдаться всѣ обычные виды моральныхъ чувствованій, эмоцій и страстей. Имъ недостаетъ только чувства реальности, и это служитъ новымъ доказательствомъ того факта, что эмоциональный элементъ вѣры не принадлежитъ къ разряду нравственныхъ чувствъ. Психологическую причину удивительнаго безволія этихъ больныхъ нужно искать тамъ же, гдѣ лежитъ источникъ ихъ сомнѣній: она заключается въ *ослабленіи ихъ ощущеній и воспріятій*. Утрачивая свою нормальную живость, ихъ ощущенія теряютъ вмѣстѣ съ нею и свою идеомоторную роль; слабыя и неясныя, они уже не могутъ переходить въ движеніе и перестаютъ быть стимуломъ дѣятельности. Въ пользу такого взгляда говоритъ не только теоретическая вѣроятность его, но и прямое самонаблюденіе больныхъ. Эскироль сохранилъ намъ слѣдующее необыкновенно интересное замѣчаніе одного выздоровѣвшаго больного по поводу пережитой имъ абупліи: „Этотъ недостатокъ дѣятельности происходилъ оттого, что мои ощущенія были слишкомъ слабы, чтобы произвести какое-нибудь вліяніе на мою во-

---

1) Pierre Janet, *Névroses et idées fixes*, t. I, p. 5—6.

2) *Ibid.*, p. 37.

лю" ¹⁾). Такимъ образомъ, у страдающихъ маніей сомнѣнія мы видимъ весь циклъ явленій, характеризующихъ процессъ разложенія вѣры: *ихъ ощущенія и воспріятія, ослабѣвшія подъ вліяніемъ навязчивыхъ идей, не пробуждаютъ болѣе чувства реальности и теряютъ способность къ активному обнаруженію.*

IV.

Если вѣра въ ощущенія и воспріятія обуславливается ихъ живостью и исчезаетъ вмѣстѣ съ нею, то вѣра въ реальность *представленій* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова имѣетъ тѣ же самыя психологическія причины. Представленія суть образы минувшихъ ощущеній, и чѣмъ они ближе къ ощущеніямъ по своей ясности, тѣмъ реальнѣе они намъ кажутся. Мы вѣримъ въ свидѣтельства нашей памяти именно потому, что міръ воспоминаній слагается изъ живыхъ представленій. „Блѣдныя тѣни изъ царства забвенія“ воскресаютъ въ нашей душѣ съ ихъ живыми чертами и обстановкой, и это даетъ имъ характеръ дѣйствительныхъ лицъ и событій. Какъ скоро воспоминанія слабѣютъ и гаснутъ, они одновременно съ этимъ утрачиваютъ и свой реальный колоритъ: мы начинаемъ сомнѣваться въ томъ, что они выражаютъ нашъ дѣйствительный опытъ, и смѣшиваемъ ихъ съ созданіями воображенія. Припоминая полузабытыя событія прошлаго, мы иногда задаемъ себѣ невольный вопросъ: такъ ли мы видѣли вещи на самомъ дѣлѣ, или онѣ только кажутся намъ въ этомъ видѣ по нашимъ теперешнимъ представленіямъ и по рассказамъ другихъ? Какъ вліяетъ слабость воспоминаній на вѣру въ ихъ реальность, это показываютъ нѣкоторые случаи той же маніи сомнѣнія, о которой я сейчасъ говорилъ. Страдающіе этою своеобразною болѣзнью относятся къ образамъ прошедшаго съ такимъ же недоувѣріемъ, какъ и къ воспріятіямъ настоящаго. Имъ постоянно кажется, что память ихъ обманывается, что въ ней отра-

¹⁾ Гризингеръ, *Душевные болѣзни*, стр. 290. Сравни Рибо, *Болѣзни воли*, стр. 51, и James, *Principles of Psychology*, vol. II, p. 489 ff.

жается не минувшая дѣйствительность, а какой-то странный, фантастическій сонъ. Пережитыя ими событія, встрѣчавшіяся имъ лица, совершенныя ими дѣйствія оставляютъ въ ихъ душѣ впечатлѣніе чего-то чуждаго, незнакомаго, невѣроятнаго. Даже вещь, которую они только что видѣли своими глазами, черезъ минуту возбуждаетъ у нихъ сильнѣйшія сомнѣнія, и чтобы убѣдиться въ ея реальности, они хотятъ вновь ее видѣть или настойчиво просятъ другихъ засвидѣтельствовать ея существованіе. Одинъ врачъ, пораженный этимъ недугомъ, очень тщательно изслѣдовалъ своихъ пациентовъ и прописывалъ имъ рецепты съ величайшими предосторожностями; но стоило пациенту выйти изъ его кабинета, какъ онъ стремительно бросался вслѣдъ за нимъ и вырывалъ изъ его рукъ рецептъ, чтобы удостовѣриться, не допустилъ ли онъ какой-нибудь ошибки, не назначилъ ли онъ слишкомъ сильной дозы лѣкарства, не прописалъ ли онъ чего-нибудь ядовитаго, и т. п. ¹⁾). Одинъ больной, описанный Маньяномъ, до такой степени мучился подобною „мнительностью“, что для него становились трудными самыя простыя житейскія акты. Въ своей комнатѣ онъ собственноручно повѣсилъ на стѣнѣ нѣсколько вещей. И вотъ, по двадцати разъ въ день ему приходитъ мысль, что эти вещи могутъ сорваться. Онъ подходитъ къ нимъ, тщательно осматриваетъ ихъ и, успокоенный, удаляется; но сомнѣніе тотчасъ же вновь возникаетъ, и онъ снова долженъ идти. Онъ читаетъ газету; вдругъ сомнѣніе начинаетъ его беспокоить, онъ идетъ посмотрѣть на повѣшенные имъ предметы, и т. д. ²⁾). Одной изъ пациентокъ Пьера Жанэ мужъ подарилъ фортепіано. Больная была въ восторгѣ отъ этого подарка, но она каждый день съ изумленіемъ останавливалась передъ инструментомъ и говорила:— „Старая мебель, конечно, моя, но откуда это фортепіано? Кто его тутъ поставилъ? Я не смѣю его трогать, потому-что оно не должно

¹⁾ Paulhan, *L'Activité mentale et les éléments de l'esprit*, p. 344.

²⁾ Dr. Störing, *Vorlesungen über Psychopathologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie*. Leipzig 1900, S. 323.

мнѣ принадлежать“ ¹⁾. Но особенно интересенъ слѣдующій случай, опубликованный французскимъ психологомъ Дюга. Одинъ молодой человекъ г. М. поѣхалъ въ августѣ 1893 г. изъ Франціи въ Англію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего возвращенія онъ не могъ вѣрить въ это путешествіе; ему припоминалось, что нѣчто подобное произошло, но онъ не допускалъ, что это произошло съ нимъ лично. На слѣдующій годъ, въ ту же самую пору, онъ снова ѣдетъ въ Англію и, возвратившись, вскорѣ испытываетъ тѣ же самыя сомнѣнія. Въ августѣ 1895 года М. отправляется въ Германію; здѣсь, черезъ нѣсколько недѣль по приѣздѣ, онъ въ первый разъ начинаетъ сомнѣваться въ существованіи Франціи и не вѣритъ въ свое прежнее пребываніе тамъ. Вернувшись во Францію, онъ почти сейчасъ же перестаетъ вѣрить въ свое путешествіе въ Германію. Въ 1896 году М. предпринимаетъ новую поѣздку въ Германію; тотчасъ же по прибытіи туда ему кажется, что Франція не существуетъ и никогда для него не существовала. Возвратившись во Францію, онъ немедленно испытываетъ такое же впечатлѣніе относительно Германіи. Начиная съ этого момента, кризисъ сомнѣнія ускоряется и усиливается: сомнѣніе появляется чаще и чаще и простирается на воспоминанія, все болѣе и болѣе свѣжія. Субъектъ доходитъ до того, что ночью не можетъ съ увѣренностью представить минувшаго дня, а днемъ не можетъ повѣрить въ существованіе ночи. Наконецъ, сомнѣніе становится непрерывнымъ и распространяется съ воспоминаній о прошломъ на событія настоящаго. Такое состояніе продолжалось до іюня 1897 г., когда больному путемъ развлеченій и разумнаго труда удалось возстановить нарушенное душевное равновѣсіе и избавиться отъ своего страннаго недуга ²⁾.

Въ основѣ всѣхъ такихъ патологическихъ сомнѣній ле-

¹⁾ Pierre Janet, *Névroses et idées fixes* t. I, p. 113.

²⁾ Dugas, *Un cas de dépersonnalisation*, *Revue philosophique*, 1898, mai, p. 505—507. Нѣсколько другихъ подобныхъ фактовъ можно найти въ книгѣ Legrand du Saulle'a *La folie du doute avec délire du toucher*. Paris 1875.

жить, повидимому, одинъ и тотъ же фактъ: *больные слишкомъ плохо помнятъ тѣ вещи, въ которыхъ они сомнѣваются.* Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слабость ихъ воспоминаній можетъ стоять въ прямой зависимости отъ слабости внѣшнихъ воспріятій: впечатлѣнія, неясно воспріятыя сознаниемъ, воспроизводятся потомъ въ такихъ смутныхъ чертахъ, что не внушаютъ къ себѣ никакого довѣрія. Но иногда это явленіе имѣетъ болѣе сложныя психологическія причины и объясняется тѣмъ же разстройствомъ вниманія, которымъ создается парестезія описанныхъ мною выше больныхъ. Подъ вліяніемъ сильныхъ эмоцій, особенно горя и страха, вниманіе субъекта сосредоточивается на какой-нибудь узкой группѣ представленій, которыя при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ превратиться въ навязчивыя идеи. Всѣ психическіе процессы, протекающіе за предѣлами этихъ представленій, слабѣютъ и больной погружается въ какую-то постоянную разсѣянность. Его ассоціаціи распадаются; пережитыя имъ состоянія утрачиваютъ связь съ непосредственнымъ содержаніемъ его сознанія и не координируются съ его личностью. Тѣ психическіе элементы, въ связи съ которыми образы прошлаго воспроизводятся въ памяти, не слагаются болѣе въ новые синтезы, и воспоминанія больного, отдѣленные отъ главнаго русла его душевной жизни, настолько теряютъ свою нормальную ясность и живость, что возбуждаютъ въ немъ невольныя сомнѣнія. Еще одинъ шагъ въ этой деградаціи воспоминаній, и сомнѣніе въ ихъ реальности переходитъ въ полное ихъ отсутствіе, въ хроническую амнезію. Субъектъ, описанный Дюга, самъ объясняетъ свои сомнѣнія чрезмѣрнымъ ослабленіемъ памяти. Поглощенный впечатлѣніями настоящей минуты, онъ не переживаетъ болѣе своего прошлаго. Онъ не видитъ въ воображеніи знакомыхъ ему лицъ и событій; его образы до такой степени смутны и неясны, что онъ не можетъ представить себѣ даже черты своихъ родителей. Пациентка Жанэ страдаетъ одною изъ самыхъ тяжкихъ болѣзней памяти, которую этотъ изслѣдователь называетъ „непрерывною амнезіей“ (*l'amnésie*

continue): она забыла часть своей прежней жизни и утратила всякую способность приобретать новые воспоминания. При такъ называемой „ретроградной амнезии“ больные не вѣрятъ въ свое прошлое существованіе. Воспоминанія о событіяхъ, предшествующихъ ихъ болѣзни, или исчезаютъ у нихъ совершенно, или отодвигаются въ такую даль и становятся такъ неясны, что не пробуждаютъ чувства реальности. Весь этотъ періодъ своей жизни они приписываютъ другому лицу или считаютъ какимъ-то призрачнымъ состояніемъ ¹⁾. У страдающихъ „антероградною амнезіей“ наблюдается обратное явленіе: эти больные не сомнѣваются въ своемъ прошломъ, которое они помнятъ, но они перестаютъ вѣрить въ текущія событія, постоянно ускользающія изъ ихъ памяти. Есть больные, у которыхъ манія сомнѣнія и амнезія поочередно смѣняютъ другъ друга: сомнѣніе въ воспоминаніяхъ является у нихъ только переходною ступенью къ полному забвенію ²⁾. Наоборотъ, у выздоравливающихъ кризисъ сомнѣнія становится первымъ шагомъ къ восстановленію памяти. Когда образы прошлаго начинаютъ воскресать въ сознаніи больного, они бывають сначала очень неясны, и больной относится къ нимъ съ такимъ недоувѣріемъ, что всегда готовъ принять ихъ за самообманъ. Лишь послѣ этой стадіи сомнѣній его воспоминанія получаютъ прежнюю живость и вмѣстѣ съ нею вновь приобретаютъ свои реальныя черты ³⁾. Восстановленіе памяти у страдающихъ амнезіей происходитъ, по закону Рибо, въ обратномъ порядкѣ: всего ранѣе припоминаются тѣ факты, которые всего позже позабыты. Въ такомъ же порядкѣ исчезаетъ у нихъ и кошмаръ сомнѣній, тяготѣющій надъ ихъ прошлою жизнью. Словомъ, во всѣхъ доступныхъ наблюденію патологическихъ случаяхъ *въра въ воспоминанія слабѣетъ и усиливается прямо пропорціонально ихъ живости.*

Чтобы оживить забытый образъ прошлаго и дать ему

¹⁾ Гринингеръ, *Душевные болѣзни*, стр. 79—80.

²⁾ Pierre Janet, *Névroses et idées fixes*, t. I, p. 39.

³⁾ *Ibid.*, t. I, p. 149; t. II, p. 68. Сравн. интересный фактъ, описанный у

большую реальность, нужно, какъ извѣстно, поставить его въ связь съ другими, болѣе живыми представленіями или съ непосредственными ощущеніями. Эти представленія и ощущенія могутъ быть сходны съ нимъ или просто смежны въ сознаниі; они могутъ быть его точною копіей или отдаленнымъ его символомъ, но дѣйствіе ихъ въ общемъ всегда одинаково: по какому-то таинственному средству они зажигаютъ въ нашей душѣ потухшій лучъ воспоминанія и заставляютъ насъ вѣрить въ то, что забвеніе уже покрыло своею тѣнью. „Кто,—говорить Джемсъ,—не представляетъ болѣе реальнымъ существованіе умершаго или отсутствующаго друга въ ту минуту, когда находитъ его портретъ, письмо, одежду или другое матеріальное напоминаніе о немъ? Вся мысль о немъ становится тогда жгучей и яркой; она говоритъ намъ и волнуетъ насъ съ силой, незнакомою въ другія времена“¹⁾. Не трудно видѣть, что это оживленіе воспоминаній является результатомъ такого же синтеза психическихъ элементовъ, какъ и ясность воспріятій; только здѣсь эти элементы мѣняются ролями: если въ воспріятіи простое ощущеніе уясняется ассоціирующимися съ нимъ представленіями и идеями, то въ воспоминаніи, наоборотъ, забытыя представленія уясняются ощущеніями. Въ томъ и другомъ случаѣ представленія прошлаго и ощущенія настоящаго сливаются въ живой и яркій образъ, невольно пробуждающій въ насъ чувство реальности; но въ одномъ случаѣ явленія настоящаго освѣщаются изъ глубины прошлаго, а въ другомъ элементы прошлаго свѣтятся отраженнымъ свѣтомъ настоящаго. Юмъ, признававшій ассоціацію живыхъ представленийъ съ слабыми основнымъ условіемъ всякой вѣры, сравнивалъ ихъ вліяніе другъ на друга съ процессомъ диффузіи. „Живость представленія,—говорить онъ,—разливается по всѣмъ его отношеніямъ (*diffuses itself along the relations*) и передается какъ бы чрезъ множество

Рибо, *Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ*, перев. подъ ред. д-ра Аболенскаго. Спб., 1894, стр. 137.

¹⁾ James, *Principles of Psychology*, vol. II, p. 303.

трубъ или каналовъ, каждой идеѣ, которая стоитъ въ какомъ-нибудь соприкосновеніи съ нимъ“¹⁾). Это сравненіе даетъ намъ удобную формулу для взаимодѣйствія психическихъ элементовъ, оживляющихъ другъ друга въ актѣ вѣры, и я позволю себѣ назвать выраженный имъ психологическій законъ Юмовскимъ закономъ *diffuziis*.

Ощущенія настоящаго и образы прошлаго служатъ зародышами нашихъ представлений о будущемъ. Въ нѣдрахъ этого будущаго нѣтъ осуществленныхъ фактовъ, но оно таитъ въ себѣ безчисленныя возможности, ждущія своего осуществленія; на смѣну минувшей дѣйствительности оно готовитъ намъ дѣйствительность грядущую, и мы вѣримъ въ наступленіе этой грядущей и ожидаемой дѣйствительности. Чѣмъ объясняется эта вѣра? Ея логическіе и психологическіе мотивы лежатъ, безъ сомнѣнія, въ тѣсной связи будущаго съ прошлымъ и настоящимъ. Это объективная связь новыхъ событій съ старыми фактами, которые въ нихъ продолжаются и развиваются; это субъективная связь нашихъ ожиданій съ нашими чувствами, стремленіями и мечтами, которыя находятъ въ нихъ свое выраженіе. Но то звено, при помощи котораго устанавливается эта связь и которое служитъ ближайшимъ и непосредственнымъ условіемъ нашей вѣры въ ожидаемыя событія, лежитъ исключительно въ насъ самихъ: это чудная сила воображенія, которая даетъ намъ возможность представить будущее въ краскахъ, заимствованныхъ у настоящаго. Изъ обрывковъ настоящаго и прошлаго воображеніе создаетъ намъ ясный или смутный синтетическій образъ, въ которомъ объективный порядокъ вещей причудливо переплетается съ нашей мечтой, и мы вѣримъ въ реальность этого образа въ той мѣрѣ, въ какой онъ приближается по своей живости къ знакомой намъ дѣйствительности. Чтобы быть вполне увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, нужно ясно представлять его

---

¹⁾ Hume, *Treatise of Human Nature*, book I, pt. II, sect. X, vol. I, p. 420. Сравн. sect. VIII, p. 399 ff.

событія; чтобы повѣрить въ осуществимость своихъ цѣлей, нужно живо вообразить себѣ ихъ осуществленіе. Если бы мы лишены были способности представлять свои будущія дѣйствія, мы никогда не могли бы вѣрить въ ихъ возможность и не нашли бы въ себѣ силы привести ихъ въ исполненіе. Каждому дѣйствию должно предшествовать то, что Джемсъ называетъ его „умственнымъ концомъ“ (*mental cue*) ¹⁾; каждое дѣйствіе должно до извѣстной степени реализоваться въ нашемъ умѣ, прежде чѣмъ получить осуществленіе въ дѣйствительности. Живое представленіе будущаго дѣйствія сопровождается не только вѣрой въ его осуществленіе, но и подъемомъ энергіи. Опыты Фере показали, что субъектъ, заранѣе предупрежденный о томъ движеніи, которое онъ долженъ выполнить, совершаетъ его съ гораздо большею силой, чѣмъ по внезапной командѣ ²⁾.

Обыкновенно наши представленія о будущемъ бываютъ гораздо слабѣе воспоминаній о прошломъ. Въ нихъ иногда нѣтъ ничего опредѣленнаго; ихъ объективные и субъективные мотивы нерѣдко противорѣчатъ другъ другу; ихъ элементы не всегда слагаются въ живой психической синтезъ, способный овладѣть вниманіемъ и вытѣснить изъ него враждебныя ему представленія. Вотъ почему вѣра въ будущее почти никогда не можетъ достигнуть у насъ той твердости и силы, какою отличается наша увѣренность въ прошедшемъ; вотъ почему эта вѣра очень часто бываетъ полна всевозможныхъ сомнѣній, и незначительная перемѣна обстоятельствъ грозитъ ее разсѣять. Даже тамъ, гдѣ ожидаемая событія должны быть только повтореніемъ хорошо

¹⁾ James, *Principles of Psychology*, II, p. 497.

²⁾ Féré, *Sensation et mouvement*, p. 17. — Связь между представленіемъ движенія и актомъ превосходно понималъ еще Бл. Августинъ, этотъ вообще удивительно глубокой психологъ. „*Futurarum motionum imagines praeveniunt fines actuum nostrorum*,—говоритъ онъ.—*Quid enim agimus per corpus, quod non cogitando praecoccupaverit spiritus, omniumque visibilium operum similitudines in seipso primitus viderit, et quodammodo disposuerit?*“ *De Genesi ad litteram*, lib. XII, 33. Opera omnia, editio Maurina, Parisiis MDCCCXXXVI sqq., t. III, pars 1, col. 491.

извѣстныхъ и много разъ пережитыхъ нами фактовъ, мы рѣдко бываемъ вполне увѣрены въ нихъ, и приписываемъ имъ иную реальность, чѣмъ явленіямъ прошлаго. Но нѣтъ правила безъ исключенія: бываютъ случаи, когда будущее представляется съ такою живостью, что переживается какъ непосредственная дѣйствительность; воображеніе даетъ ему всѣ реальныя черты и заставляетъ вѣрить въ него съ такою же силой, съ какою мы вѣримъ въ событія, совершающіяся передъ нашими глазами. Извѣстенъ примѣръ проповѣдника-негра, описывавшаго своимъ слушателямъ будущую картину адскихъ мученій: изображая одно мученіе за другимъ, онъ былъ, наконецъ, охваченъ такимъ непреодолимымъ волненіемъ, что въ теченіе нѣкотораго времени могъ издавать только рядъ криковъ и нечленораздѣльных звуковъ. „Очевидно, въ теченіе этой минуты его умственное зрѣніе имѣло всѣ признаки физическаго зрѣнія; его воображаемый адъ былъ передъ нимъ, какъ адъ дѣйствительный, и онъ вѣрилъ своимъ внутреннимъ призракамъ, какъ внѣшнимъ предметамъ“ ¹⁾. Гипнотизированные такъ живо представляютъ внушаемая имъ дѣйствія, что разница между моментами настоящаго и будущаго для нихъ исчезаетъ. Субъектъ, которому приказываютъ поднять руку, имѣетъ въ эту минуту въ умѣ представленіе поднятой руки, по своей живости равное галлюцинаціи. Если ему помѣшать исполнить внушенный актъ, наприм. удержать его поднимающуюся руку (когда она нечувствительна), и затѣмъ спросить, гдѣ его рука, онъ все-таки отвѣтитъ, что она поднята и что онъ *видитъ* ее передъ собой въ воздухѣ ²⁾. Актъ уже вполне осуществился въ его воображеніи и субъектъ вѣритъ въ его реальность прежде, чѣмъ выполнить его на дѣлѣ. Если живое представленіе будущихъ событій и актовъ заставляетъ вѣрить въ нихъ какъ въ непосредственно переживаемую дѣйствительность, то, наоборотъ, неспособность вообразить ихъ лишаетъ будущее всякой вѣроят-

¹⁾ Тэнъ, *Объ умѣ и познаніи*, стр. 43.

²⁾ Pierre Janet, *L'automatisme psychologique*, p. 148.

ности. Человѣкъ безъ воображенія, это—человѣкъ безъ будущности, безъ вѣры въ лучшее и безъ надежды; онъ осужденъ на нравственную смерть. Pour revenir à nos moutons, лица, страдающія маніей сомнѣнія, еще менѣе увѣрены въ своемъ будущемъ, чѣмъ въ прошломъ и настоящемъ. Это будущее безусловно неизвѣстно имъ; въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго проблеска; оно окружено непроницаемою тайной, которая по временамъ наполняетъ больного тревогой и ужасомъ. „Я иногда пугаюсь,—говоритъ упоминаемая мною ранѣе пациентка Пьера Жанэ, Марсель, — когда пытаюсь узнать, что сдѣлають со мною потомъ; я не могу знать того, что случится“. Эти часто повторяемая ею слова нельзя считать выраженіемъ какихъ-нибудь разумныхъ опасеній за будущее: больная не предвидитъ никакой опасности. Разгадка ея сомнѣній и страховъ заключается въ томъ, что она лишена всякаго воображенія и совершенно не можетъ представить того, что ожидаетъ ее впереди. Она не въ силахъ вообразить себѣ, какъ можетъ сложиться ея дальнѣйшая жизнь въ госпиталѣ и какъ она будетъ жить потомъ у своихъ родителей; будущее для нея—пустое мѣсто, котораго она не можетъ заполнить никакимъ представленіемъ. Другая подобная больная представляетъ будущее, но ея представленія такъ смутны и неопредѣленны, что служатъ для нея источникомъ вѣчныхъ сомнѣній и колебаній. „Вы говорите, что я выйду завтра,—соображаетъ она,—да, я думаю, что выйду; но это не навѣрно, я полагаю, что останусь въ больницѣ... Значитъ, я пойду по улицѣ?.. Я не очень увѣрена, что пойду... Я буду смотрѣть въ окно; но мнѣ кажется, что я выброшусь изъ окна. Ну нѣтъ, я предпочитаю оставаться въ госпиталѣ: здѣсь окна загорожены рѣшетками и за нами наблюдаютъ; мнѣ не позволять дѣлать глупостей. Мнѣ нужно это, потому что я не увѣрена въ томъ, что буду дѣлать завтра“ ¹⁾. Не служатъ ли всѣ эти факты доказатель-

¹⁾ Pierre Janet, *Névroses et idées fixes*, I, p. 39—40.

ствомъ закона, что вѣра въ представленія пропорціональна ихъ живости?

Могутъ сказать, что этотъ законъ непримѣнимъ къ творческимъ образамъ свободной фантазіи. Эти образы не связаны ни съ прошедшимъ, ни съ настоящимъ, ни съ будущимъ; они витаютъ за предѣлами пространства и времени, и даже въ томъ случаѣ, когда они мысленно локализируются нами въ опредѣленныхъ пунктахъ времени и пространства, они все-таки остаются обитателями сказочнаго царства вымысловъ и грезъ. Погружаясь въ міръ этихъ видѣній, мы можемъ вообразить себѣ любую фантастическую вещь съ такою же живостью, съ какою представляемъ предметы нашего реального опыта, и однако мы не станемъ вѣрить въ ея дѣйствительность. Кто не въ состояніи приставить въ своемъ воображеніи голову человѣка къ туловищу лошади, и кто повѣрилъ бы, что когда-нибудь на самомъ дѣлѣ существовали сказочные центавры? Такіе доводы приводилъ не кто иной, какъ тотъ же Юмъ, который считалъ живость представлений однимъ изъ необходимыхъ элементовъ вѣры ¹⁾. Они именно побудили этого гениальнаго, но не всегда послѣдовательнаго мыслителя различать воображеніе и вѣру какъ два противоположныхъ и несовмѣстныхъ факта; они же заставили его искать различія этихъ фактовъ не столько въ свойствахъ представлений, сколько въ томъ чувствѣ, которымъ, по его мнѣнію, создаются или опредѣляются эти свойства. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что этотъ аргументъ не убѣдителенъ и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Какъ справедливо замѣтилъ Дегальдъ Стюартъ, условія вѣры въ концепціи воображенія ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ условій вѣры въ перцепціи или воспріятія, и наше отношеніе къ нимъ зависитъ только отъ того, въ какой степени онѣ живы и способны захватить наше вниманіе. „Общеизвѣстный фактъ, — гово-

---

¹⁾ Hume, *Enquiry concerning Human Understanding*, sect. V, pt. II, Essays, vol. II, p. 40—41.

ритъ онъ,—что *когда воображеніе очень живо, мы склонны приписывать его объектамъ дѣйствительное существованіе*¹⁾). Поэтому, если бы мы на самомъ дѣлѣ могли представить любой творческій образъ фантазіи съ такою же яркостью, съ какою представляемъ видѣнныя нами вещи, мы неизбежно повѣрили бы въ его реальность хотя бы на одинъ моментъ. И если мы не вѣримъ въ существованіе центавровъ, то лишь потому, что въ настоящее время мы не въ силахъ вообразить ихъ со всею живостью и конкретностью дѣйствительности. Нашъ реальный опытъ постоянно вторгается въ міръ нашей фантазіи, заслоняя ея образы представленіями знакомыхъ вещей, и не даетъ намъ никакихъ другихъ элементовъ, которые могли бы служить живыми символами ихъ достовѣрности. Онъ рѣдко позволяетъ намъ сплотить такіе образы въ ясный, цѣльный и чуждый противорѣчій психическій синтезъ, не ослабляемый никакими враждебными силами и властно подчиняющій себѣ нашу мысль. Тамъ, гдѣ условія опыта и умственные склонности и привычки даютъ полный просторъ творчеству фантазіи, ея созданія получаютъ реальную живость, облекаются въ плоть и кровь и становятся предметомъ неотразимой вѣры. Вотъ почему древніе вѣрили въ существованіе центавровъ точно такъ же, какъ и въ остальной циклъ своихъ мифическихъ существъ. Вотъ почему въ нихъ повѣряютъ дѣти, которыя представляютъ свой сказочный міръ въ такихъ же яркихъ краскахъ, какъ и окружающую дѣйствительность. „Хотя бы вещи и не существовали,—говоритъ Спиноза,—однако мысль всегда воображаетъ ихъ себѣ настоящими (*praesentes*), если нѣтъ причинъ, которыя исключали бы ихъ настоящее существованіе... Возьмемъ ребенка, который воображаетъ крылатога коня и не воспринимаетъ ничего другого. Такъ какъ это представленіе предполагаетъ существованіе коня, а ребенокъ не воспринимаетъ ничего та-

---

1) Dugald Stewart, *Elements of the Philosophy of the Human Mind*, pt. I, chap. III, Wright's edition, London MDCCCL, p. 75.

кого, что устраняло бы его существованіе, то онъ неизбѣжно будетъ считать коня настоящимъ и не будетъ имѣть возможности усомниться въ его существованіи, хотя бы и не удостовѣрился въ немъ“¹⁾. Для ребенка вся природа населена такими созданіями его живой фантазіи; среди окружающихъ явленій онъ видитъ только то, что стоитъ въ связи съ его грезами, и дѣйствительныя вещи служатъ ему лишь символами, въ которыхъ онъ воплощаетъ свои вымыслы. Взгляните на игры дѣтей: что онъ такое, какъ не постоянное превращеніе живыхъ образовъ фантазіи въ дѣйствительность? Если ребенокъ и не всегда принимаетъ разыгрываемыя имъ сцены „взаправду“, то очень часто иллюзія игры бываетъ такъ велика, что граница между вымысломъ и правдой для него исчезаетъ. Палочка, на которой онъ ѣздитъ верхомъ, превращается для него въ настоящую лошадку; его куклы становятся живыми людьми: онъ говоритъ и дѣйствуетъ, ссорятся и мирятся, любятъ и ненавидятъ; лепешка, сдѣланная изъ глины или песку, кажется ему такою вкусной, что онъ не можетъ устоять предъ искушеніемъ ее попробовать. И когда взрослые смѣются надъ нимъ и пытаются разсѣять его иллюзію, онъ иногда чувствуетъ такое же искреннее огорченіе, какое испытали бы мы, если бы кто-нибудь вздумалъ посмѣяться надъ дорогими намъ убѣжденіями²⁾. Да и взрослые люди, развѣ они не вѣрятъ въ живыя созданія своей фантазіи такъ же, какъ дѣти? Развѣ они не населяютъ ими окружающаго міра, не страдаютъ изъ-за нихъ и не забавляются ихъ волшебною игрой? Вся наша жизнь есть не что иное, какъ длинная цѣпь иллюзій, порожденныхъ силой неутомнаго воображенія; правда и вымыселъ, мечта и дѣйстви-

---

1) Spinoza, *Ethica*, pars II, scholia Prop. XLIV et XLIX, Opera, recogn. Van Vloten et Eand, ed. II, Hagae MDCCCVC, t. I, p. 107 et 115. Сравн. Prop. XVII, coroll. et scholium, p. 88—90.

2) Сравн. Groos, *Die Spiele der Menschen*. Jena 1899, S. 394, 164 ff., и др.; Sully, *Études sur l'enfance*, trad. par A. Monod, Paris 1898, p. 35 suiv.; Ribot, *Essai sur l'imagination créatrice*, p. 86 suiv.

тельность сливаются въ ней такъ неразрывно, что трудно рѣшить, во что мы болѣе вѣримъ, въ дѣйствительное или въ воображаемое. Эти житейскія иллюзіи являются такимъ же превращеніемъ живыхъ представленій въ реальные факты, и ихъ различіе отъ дѣтскихъ грезъ состоитъ только въ томъ, что въ нихъ гораздо меньше поэзіи и несравненно больше поводовъ для горькихъ разочарованій. Все это слишкомъ извѣстныя вещи, и если я останавливаюсь на нихъ, то лишь для того, чтобы напомнить ихъ истинный психологическій смыслъ.

Нужно ли говорить, что всѣ другія формы человѣческихъ иллюзіи имѣютъ то же самое происхожденіе? Не разъ отмѣченъ былъ тотъ банальный фактъ, что лжецы, часто рассказывающіе какую-нибудь выдумку, въ концѣ концовъ такъ живо ее представляютъ, что сами начинаютъ въ нее вѣрить. Поэты, которыхъ Юмъ называлъ „лжецами по профессіи“, нерѣдко впадаютъ въ такой же невольный самообманъ. Они живутъ умомъ и сердцемъ въ царствѣ своихъ волшебныхъ видѣній; они дѣлятъ радости и горе своихъ героевъ, и вымышленныя ими лица и событія оживаютъ передъ ними какъ настоящая дѣйствительность. Въ минуты творческаго вдохновенія каждый истинный поэтъ испытываетъ долю тѣхъ волненій, какія переживалъ Гёте, когда онъ, заканчивая своего *Фауста*, оглядывался на „милая тѣни“ изъ „тихаго, величаваго царства духовъ“, нѣкогда вызванныя къ жизни его воображеніемъ:

Ein Schauer fasst mich, Thräne folgt den Thränen,
Das strenge Herz, es fühlt sich mild und weich;
Was ich besitze, seh' ich wie im Weiten,
Und was verschwand, wird mir zu Wirklichkeiten.

Жанъ-Жакъ Руссо,—который былъ гораздо больше поэтъ, чѣмъ философъ, если только вообще можно раздѣлять эти понятія,—такъ много блуждалъ въ „странѣ химеръ“, что очень часто терялъ дорогу въ дѣйствительной жизни. Его воображеніе, которое, по его словамъ, ни люди, ни сама природа не могли превзойти по богатству, служило для

него источникомъ вѣчныхъ иллюзій, и онъ вѣрилъ въ свои вымыслы, какъ вѣрятъ въ реальные факты ¹⁾. „Я думаю,— писала о немъ Сталь,—что воображеніе было самою сильною изъ его способностей, и что оно почти поглощало все остальное. Онъ скорѣе грезилъ, чѣмъ существовалъ, и событія его жизни происходили, собственно говоря, больше въ его умѣ, чѣмъ во внѣшнемъ мірѣ.. Только иллюзій могли плѣнять его страсти, и я увѣрена, что женщина, которую онъ всего болѣе любилъ, и можетъ быть, единственная женщина, которую онъ любилъ постоянно, была его собственная Юлія“ ²⁾. Диккенсъ съ такою живостью представлялъ себѣ своихъ героевъ, что по временамъ былъ твердо убѣжденъ въ ихъ реальномъ существованіи ³⁾. „Читателю,— говоритъ онъ въ предисловіи къ своему роману *Давидъ Копперфильдъ*,—можетъ быть, совсѣмъ неинтересно знать, съ какою грустью кладется перо послѣ двухлѣтней работы воображенія. Какое ему дѣло, что автору кажется, будто онъ отрываетъ часть своего собственного сердца, когда весь рой созданій его фантазіи покидаетъ его навсегда? И все-таки я ничего иного не могу сказать, какъ сознаться въ томъ, что никто не можетъ больше вѣрить моему разсказу, читая его, чѣмъ вѣрилъ я, когда его писалъ“. Иногда творческіе образы поэта принимаютъ такія яркія формы и становятся такъ неотразимо наглядны, что почти равняются галлюцинаціямъ. „Мои воображаемые лица,—писалъ Флоберъ Тэну,—поражаютъ меня, преслѣдуютъ меня, или, вѣрнѣе сказать, я живу въ нихъ. Когда я описывалъ отравленіе Эммы Бовари, я имѣлъ во рту такой ясный вкусъ мышьяка, я самъ былъ такъ отравленъ, что выдержалъ одно за другимъ два несваренія желудка, несваренія весьма реальныя, такъ какъ послѣ обѣда меня рвало“ ⁴⁾. Впрочемъ,

¹⁾ См. его *Confessions*, 1-ère partie, livre IV, и др.

²⁾ M-me de Staël: *Lettres sur J.-J. Rousseau*. См. у Дегальда Стюарта: *Elements of the Philosophy of the Human Mind*, pt. I, chap. VIII, p. 274—275.

³⁾ Sully, *The Human Mind*, vol. I, p. 485—486.

⁴⁾ Тэнь, *Объ умъ и познаніи*, стр. 43—44. Другіе подобные примѣры см.

не переживаемъ ли и мы сами въ нѣкоторой степени тѣхъ же иллюзій, когда читаемъ произведенія поэтовъ? Развѣ наши бабушки не плакали надъ судьбой *Бѣдной Лизы* на берегу пруда, гдѣ она утонула, и не просили Пушкина поскорѣ выдать замужъ его Таню? Развѣ ихъ прозаическіе внуки разучились вѣрить въ вымышленныя радости и страданія театральнoй сцены, которая въ наши дни замѣнила многимъ изъ нихъ всѣ интересы дѣйствительности? „Во время представленія трагедіи,—говоритъ Дегальдъ Стюартъ,—мы имѣемъ, конечно, общее убѣжденіе, что все это выдумка; но, полагаю, со мной согласятся, что бурныя эмоціи, подчасъ вызываемыя страданіями театральнoхъ героевъ, въ большинствѣ случаевъ возникаютъ изъ мимолетной вѣры, что эти страданія реальны“¹⁾. Эта „мимолетная вѣра“ въ реальность сценическаго изображенія объясняется именно его необыкновенной живостью. Идеи и образы передаются здѣсь зрителю въ самой яркой и наглядной формѣ, какая только возможна. Они воплощаются въ живыхъ лицахъ и настоящихъ событіяхъ; они объективируются въ словахъ и дѣйствіяхъ; они воспроизводятся въ правдивой исторической или бытовой обстановкѣ, и все это даетъ имъ иногда полный колоритъ дѣйствительности.

Наконецъ, однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ того факта, что вѣра въ реальность представленій есть функція ихъ живости, могутъ служить галлюцинаціи. Вѣдь сами по себѣ галлюцинаціи не что иное, какъ простыя представленія, порожденныя разстроеннымъ воображеніемъ субъекта или внушенныя ему со стороны; никакихъ объективныхъ основаній вѣрить въ ихъ реальный смыслъ не существуетъ. Но эти представленія съ такой силой овла-

---

y Queyrat, *L'imagination et ses variétés chez l'enfant*, 2-me éd. Paris, 1896, p. 43 suiv.; Ribot, *Essai sur l'imagination créatrice*, p. 271; Carpenter, *Principles of Mental Physiology*, 6-th d., ed. 487 ff.; Oelzelt-Newin, *Ueber Phantasie-Vorstellungen*, Graz, 1889, S. 33 ff.

¹⁾ Dugald Stewart, *Elements of the Philosophy of the Human Mind*, pt. I, chap. III, p. 80.

дѣвають умомъ больного, что достигаютъ интенсивности ощущенія, проэцируются за предѣлы сознанія и принимаются за дѣйствительныя вещи. Если страдающій маніей сомнѣнія теряетъ довѣріе къ своимъ дѣйствительнымъ воспріятіямъ вслѣдствіе ихъ крайней слабости, то у галлюцинанта мы видимъ какъ разъ обратный случай: у него возникаютъ ложныя воспріятія, и онъ вѣритъ въ ихъ дѣйствительность подъ влияніемъ ихъ чрезмѣрной живости. Галлюцинаціи душевнобольныхъ обыкновенно ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ ощущеній, и вѣра въ ихъ реальное значеніе бываетъ такъ неотразима, что противъ нея становятся безсильны всѣ доводы разсудка. „Я слышу голоса, потому что слышу ихъ,—говорилъ одинъ больной психіатру Лёре;—какъ это дѣлается, я не знаю, но они для меня такъ же явственны, какъ вашъ голосъ; если я долженъ вѣрить въ дѣйствительность вашихъ словъ, то позвольте же мнѣ вѣрить и въ дѣйствительность словъ, которыя я слышу, потому что какъ тѣ, такъ и другія для меня въ равной степени ощутительны“¹⁾. Даже въ томъ случаѣ, когда больной до извѣстной степени сознаетъ субъективное происхожденіе такихъ галлюцинацій, онъ *все-таки продолжаетъ вѣрить въ ихъ реальность*. Разница только въ томъ, что онъ ищетъ ихъ источника не внѣ себя, а внутри своего собственнаго тѣла: ему кажется, что голоса, которые онъ слышитъ, принадлежать людямъ, сидящимъ въ его головѣ или разговаривающимъ въ его груди²⁾. Лишь тогда, когда галлюцинаціи бываютъ сравнительно слабы, больной становится способнымъ бороться съ этими призраками своего воображенія. При помощи логическихъ доводовъ и опытной провѣрки онъ пытается различить ихъ отъ дѣйствительныхъ явленій, и этимъ путемъ ему иногда удается на нѣкоторое время разсѣять свой невольный самообманъ³⁾.

¹⁾ Корсаковъ, *Курсъ психіатріи*, т. I, стр. 162.

²⁾ Гринингеръ, *Душевыя болѣзни*, стр. 108.

³⁾ Сравни. Parish, *Ueber die Trugwahrnehmung (Hallucination und Illusion)*. Leipzig, 1894. S. 179—180.—Ни „психическія галлюцинаціи“ Байярже, ни такъ

Такими же свойствами отличаются гипнотическія галлюцинаціи. Какъ извѣстно, у нѣкоторыхъ гипнотиковъ можно вызвать посредствомъ внушенія всѣ виды иллюзій и галлюцинацій, всѣ возможные обманы чувствъ. Такого субъекта можно заставить принять одну вещь за другую, приписать любому предмету несуществующія качества, видѣть, слышать и чувствовать что угодно тамъ, гдѣ нѣтъ ничего. Какъ бы по мановенію волшебства, передъ его глазами можно изъ ничего создать цѣлый міръ, и этотъ міръ сновъ и грезъ для него не будетъ отличаться отъ дѣйствительности. Бернгеймъ рассказываетъ, что онъ посредствомъ одного слова заставлялъ гипнотизированныхъ ѣсть соль и хининъ какъ сахаръ, пить воду какъ шампанское и обнаруживать послѣ нѣсколькихъ стакановъ всѣ признаки опьяненія, курить карандашъ какъ сигару, обжигаться ея зажженнымъ концомъ и ощущать полный вкусъ табаку. Онъ внушалъ имъ чудесную способность любоваться несуществующими розами и обонять ихъ ароматъ, ѣсть съ наслажденіемъ несуществующіе плоды, видѣть воображаемыя сцены, разговаривать съ отсутствующими людьми. Онъ показывалъ одному 44-лѣтнему человѣку его сына, котораго тотъ много лѣтъ не видалъ, и гипнотизированный, охваченный глубокимъ волненіемъ, смотрѣлъ, какъ въ экстазѣ, на это воплощеніе своей фантазіи, узнавалъ его и слезы радости текли изъ его глазъ ¹⁾. Шарль Рише и Пьеръ Жанэ посылали

называемая „псевдогаллюцинаціи“, которыя Кандинскій пытался рѣзко различать отъ настоящихъ галлюцинацій (*О псевдогаллюцинаціяхъ*. Спб., 1890, стр. 25 и слѣд.), не уклоняются, по моему мнѣнію, отъ этихъ законовъ. Какъ показываютъ факты, приводимые Кандинскимъ, больные въ первую минуту всегда приписываютъ этимъ явленіямъ реальный смыслъ или реальное происхожденіе. Они принимаютъ свои призраки за дѣйствительныя вещи, хотя и видятъ ихъ „не тѣлесными, а духовными очами“; они убѣждены, что ихъ видѣнія посылаются имъ Богомъ или создаются таинственными махинаціями ихъ преслѣдователей. Если больные вслѣдъ затѣмъ и сознаютъ субъективность такихъ видѣній, то это сознаніе является уже плодомъ позднѣйшей рефлексіи.

¹⁾ Bernheim, *De la suggestion et de ses applications à la thérapeutique*, 2-me édition corrigée et augmentée. Paris, 1888, p. 57, 80, 85 и др. Сравн. также

гипнотиковъ путешествовать на луну, превращали, какъ въ волшебной сказкѣ, бѣдныхъ крестьянокъ въ принцессъ, взрослыхъ въ дѣтей, людей въ животныхъ, возвращали старикамъ грезы молодости и дѣлали молодыхъ стариками ¹⁾). Жанэ заставлялъ одну изъ своихъ сомнамбулокъ перечитывать посредствомъ галлюцинаціи цѣлыя страницы книги, которую она читала когда-то прежде, и гипнотизированная видѣла предъ собой воображаемую книгу съ такою живостью, что различала въ ней всѣ случайныя особенности,— нумера страницъ и нумера листовъ внизу извѣстныхъ страницъ ²⁾). Такія галлюцинаціи имѣютъ для гипнотика всѣ признаки „очевидности“ и внушаютъ ему неотразимую вѣру. Когда Бернгеймъ пытался убѣдить своихъ клиентовъ въ томъ, что ихъ видѣнія лишь простые сны, вызванные внушеніемъ, они отвѣчали ему: нѣтъ, это больше, чѣмъ сонъ, это—сама дѣйствительность. „Я продолжаю видѣть розу и осязать ее безусловно такъ, какъ если бы она была натуральной,—говорила въ минуту постгипнотической галлюцинаціи одна очень умная особа, вовсе не склонная ни къ легковѣрію, ни къ симуляціи.—Если бы вы положили на мѣсто нея или рядомъ съ нею настоящую розу, я не могла бы различить ихъ“ ³⁾). И логика, посредствомъ которой гипнотики оправдываютъ свою вѣру, совершенно та же, какъ у вышеупомянутаго пациента Лѣре, или—какъ у насъ, здоровыхъ людей. „Я вижу, что это такъ,—говорила одна сомнамбулка Пьеру Жанэ,—почему же вы хотите, чтобы я не вѣрила, что это существуетъ? Вѣдь вы сами вѣрите въ то, что видите... Вы не видите того же, что я... Что же мнѣ тутъ подѣлать? Это значить, что вы не умѣете видѣть; тѣмъ хуже для васъ“ ⁴⁾). Правда, внушенныя галлюцинаціи

другую его книгу: *Hypnotisme, suggestion, psychothérapie. Études nouvelles*. Paris. 1891, p. 116 et suiv.

1) Charles Richet, *L'homme et l'intelligence*, Paris, 1884. p. 233 et suiv.: Pierre Janet, *L'automatisme psychologique*, p. 155, 161 et suiv.

2) Pierre Janet, *Ibid.*, p. 147.

3) Bernheim, *De la suggestion*, p. 57, 60, 72.

4) Pierre Janet, *L'automatisme psychologique*, p. 207.

иногда не достигаютъ полной чувственной живости; но и при этомъ условіи гипнотики бывають нерѣдко увѣрены въ ихъ реальности. Только они отодвигаютъ отъ себя такія галлюцинаціи въ пространствѣ и времени, разсматривая ихъ какъ слабыя, идущія издалека ощущенія, или превращая въ далекія, полузабытыя воспоминанія¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ галлюцинація принимаетъ форму воспоминанія естественно, сама собой, вслѣдствіе своей относительной слабости; но любопытно, что то же самое явленіе при томъ же самомъ психологическомъ условіи можно вызвать у нѣкоторыхъ гипнотиковъ искусственно. Субъекту можно внушить, что онъ тогда-то видѣлъ такой-то фактъ, слышалъ такую-то вещь, совершилъ такое-то дѣйствіе. Внушенное представленіе не достигаетъ у него живости ощущенія и не превращается въ непосредственное воспріятіе, но оно глубоко запечатлѣвается въ его умѣ и затѣмъ воспроизводится какъ живое воспоминаніе, обладающее всѣми признаками дѣйствительности: субъектъ не въ состояніи отличить навязанную ему выдумку отъ реальныхъ событій своего прошлаго и вѣритъ въ нее такъ твердо, что иногда требуется новое внушеніе, чтобы разубѣдить его. Бернгеймъ, описавшій нѣсколько случаевъ подобной aberrации памяти, называетъ эти иллюзорныя воспоминанія *ретроактивными галлюцинаціями*²⁾. Такимъ образомъ галлюцинаціи гипнотиковъ

1) *Id.*, *Ibid.*, p. 147.

2) Bernheim, *De la suggestion*, p. 232 et suiv.; *Hypnotisme, etc.*, p. 124 et suiv.— Вотъ очень интересный примѣръ »ретроактивной галлюцинаціи«. »Я застаю одного больного спящимъ,—разсказываетъ Бернгеймъ.—Это субъектъ воспримчивый къ внушенію, часто гипнотизированный и склонный къ галлюцинаціямъ съ амнезіей по пробужденіи. Не прерывая его естественнаго сна, я говорю ему: »Я знаю, почему вы теперь спите. Вы не спали прошлую ночь. Вашъ сосѣдъ № 6 не давалъ вамъ спать; онъ кашлялъ, пѣлъ, а потомъ открылъ окно; затѣмъ онъ принялся разводите огонь и поднялъ такой шумъ, что всѣ больные проснулись«. Черезъ нѣсколько минутъ я его бужу. Онъ протираетъ глаза, думаетъ, что проснулся самъ, и ничего не помнитъ. Тогда я говорю ему: »Однако, вы спите цѣлый день?—Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ, но я не спалъ прошлую ночь.—Почему?—№ 6 былъ боленъ; онъ задыхался, жаловался и Богъ знаетъ что дѣлалъ; онъ пѣлъ какъ безумный, а потомъ

могутъ проходить тѣ же стадіи живости, какія свойственны реальнымъ ощущеніямъ и представленіямъ, и вызываютъ ту именно степень вѣры, какая свойственна этимъ стадіямъ.

отворилъ окно и пошелъ разводить огонь.—Правда ли, что вы это слышали?— Совершенно вѣрно. Вся палата слышала“. Тогда я заставляю работать его воображеніе на эту тему и создаю новыя воспоминанія, не внушенныя во время сна. „А другіе больные ничего не говорили? Что говорилъ № 4?— № 4 сказалъ ему, чтобы онъ закрылъ окно и не подымалъ такого содома. Тогда у нихъ началась перебранка; № 4 всталъ, пошелъ къ нему и они по-дрались.—А сестра милосердія была тутъ?—Сестра не могла ихъ унять.— Тогда пришелъ директоръ? Вы его видѣли въ синемъ халатѣ!—На немъ былъ его халатъ, и онъ сказалъ имъ, что выгонить ихъ обоихъ вонъ сегодня.— Все это неправда; это вамъ снилось!—Мнѣ не снилось, потому что я не спалъ. Всѣ другіе больные могутъ вамъ это сказать“. Я распрашиваю поочередно другіхъ больныхъ палаты, которые всѣ находятся въ бодрственномъ состояніи. Изъ четырнадцати семь слышали и видѣли; они были уѣждены, что это случилось; сцена происходила на ихъ глазахъ. Эти семь были воспримчивы къ внушенію и уже подвергались гипнозизации. Одинъ прогрессивный паралитикъ, безъ бреда, съ довольно хорошо сохранившимся умомъ, неспособный ни къ злымъ выходкамъ, ни къ симуляціи, рассказалъ мнѣ своимъ медленнымъ и монотоннымъ голосомъ, какъ было дѣло. „Вы объ этомъ слышали, говорю я, но видѣли ли вы сами?—Очень хорошо видѣлъ,—отвѣчаетъ онъ,—я не спалъ.—Въ которомъ часу это было?—Между двѣнадцатью и часомъ.—Кто же началъ?—№ 6 сталъ шумѣть и открылъ окно.—Видѣли вы директора?—Г. директоръ пришелъ въ халатѣ. Онъ подошелъ къ постели № 6 и сказалъ, что выгонить обоихъ вонъ“. Другой передалъ мнѣ всю перебранку больныхъ, притомъ съ такимъ обиліемъ подробностей и съ такимъ чистосердечіемъ, что можно было бы поклясться за истинную правду. Большой № 4, который будто бы вызвалъ своимъ вмѣшательствомъ всю эту суматоху, ничего не помнилъ; онъ былъ менѣ воспримчивъ къ внушенію, чѣмъ другіе, и ретроактивная галлюцинація у него не удалась“ (*Hypnotisme*, p. 124—126). Этотъ примѣръ поучителенъ во многихъ отношеніяхъ. Какъ мы видимъ живое представленіе о вымышленномъ фактѣ прошлаго, внушенное притомъ не въ гипнозѣ, а въ обыкновенномъ снѣ и даже въ бодрственномъ состояніи, можетъ вызвать у субъекта съ слабой или неуравновѣшенной психикой такую же вѣру, какъ дѣйствительное воспоминаніе. Мало того, это представленіе можетъ быть воспроизведено съ такою же живостью цѣлымъ рядомъ подобныхъ лицъ, принимается ими съ одинаковымъ довѣріемъ и порождаетъ своеобразную коллективную иллюзію памяти. Такія иллюзорныя воспоминанія совершенно аналогичны съ навязчивыми идеями тѣхъ душевнобольныхъ, которые обвиняютъ себя въ какомънибудь никогда несовершенномъ ими преступленіи и съ полною увѣренностью рассказываютъ его воображаемыя подробности. Разница только въ томъ, что иллюзіи этихъ больныхъ возникаютъ обыкновенно не подъ влияніемъ постороннихъ внушеній, а вслѣдствіе патологическаго само-внушенія. Не показываютъ ли подобные примѣры, съ какою осторожностью

Этотъ любопытный фактъ всего лучше показываетъ, что живость представлений и въра въ ихъ дѣйствительность параллельны и пропорціональны другъ другу. Это двѣ переменныхъ величины, такъ постоянно и тѣсно связанныхъ между собой, что ихъ функціональное отношеніе можетъ считаться закономъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Соколовъ.

иногда нужно относиться къ заявленіямъ „свидѣтелей-очевидцевъ“? Судебная практика знаетъ не одинъ случай, гдѣ показанія, данныя совершенно искренно и подтвержденныя присягой, были на самомъ дѣлѣ внушены свидѣтелю слѣдователемъ, судьей или постороннимъ лицомъ, а внимательный психологическій анализъ судебныхъ процессовъ могъ бы открыть такихъ случаевъ, конечно, гораздо больше. Разница показаній на судѣ и на предварительномъ слѣдствіи, вѣроятно, часто объясняется тѣмъ, что живое воображеніе свидѣтеля обманываетъ его память и заставляетъ его вѣрить въ никогда не существовавшія вещи.

Вѣра въ безсмертіе.

(Посвящается памяти Н. Я. Грота).

Я часто вспоминаю одинъ изъ тѣхъ веселыхъ, оживленныхъ ужиновъ, какіе обыкновенно происходили въ былые годы въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ послѣ засѣданій психологическаго общества,—ужинъ, гдѣ споры получали самый непринужденный, свободный характеръ, гдѣ всѣхъ горячѣ спорили, всего громче смѣялись, всего болѣе оживленія вносили усопшіе нынѣ друзья наши. Ихъ было много еще такъ недавно, цѣлый кружокъ людей бодрыхъ, даровитыхъ, въ самомъ расцвѣтѣ силъ. Безъ преувеличенія, безъ страха вызвать чье-либо хотя скрытое несогласіе можно сказать, что смерть взяла самыхъ лучшихъ изъ насъ: Гротъ, Соловьевъ, Преображенскій, Корсаковъ, Токарскій, чтобы не называть многихъ другихъ почившихъ сочленовъ нашихъ, которыхъ мы поминали чуть не въ каждой книжкѣ „Вопросовъ Философіи“.

На ужинѣ, о которомъ я вспоминаю, рѣчь шла о безсмертіи души. Спорили много и долго; подъ конецъ кто-то предложилъ поставить вопросъ на баллотировку: голоса раздѣлились и безсмертіе прошло большинствомъ одного голоса. Это, разумѣется, не мѣшало спору возобновляться, и какъ-то разъ Николай Яковлевичъ предложилъ даже устроить конкурсъ на эту тему. „Когда меня не будетъ,—говорить онъ, горячась,—если захотите почтить мою память, назначьте премію моего имени за философскую работу о безсмертіи!“

Увы, теперь какъ и тогда мы все еще не могли бы исполнить этого желанія: пока наши противники лишены возможности высказывать свои мнѣнія съ такою же свободой, какъ мы, пока существуютъ ограниченія, мѣшающія вести философскій споръ при равныхъ условіяхъ, до тѣхъ поръ какая же можетъ быть рѣчь о подобнаго рода конкурсѣ? Дорогой Николай Яковлевичъ! Съ тѣхъ поръ, какъ тебя нѣтъ, безсмертіе въ числѣ многихъ другихъ высшихъ и чистыхъ идеаловъ все еще продолжаетъ пользоваться обидной, непрошенной привилегіей „кустодіи“ фарисейской! Съ тѣхъ поръ, какъ тебя нѣтъ, русская философская мысль все еще подвергается санитарно-полицейскому надзору, который производитъ на умы все то же ассенизирующее дѣйствіе, что и прежде, и съ прежнимъ успѣхомъ борется со всякаго рода тлетворными вѣяніями. Мы все еще пытаемся дѣлать консервы изъ идеаловъ и закупорить истину въ квасной бутылкѣ. Мы все еще не понимаемъ, какое это кощунство и безуміе, какъ это бесполезно и вредно, какъ это постыдно и грустно. Помнишь какъ ты горевалъ обо всемъ этомъ? Прости же насъ, если не можемъ буквально исполнить твоего желанія. Какъ твой душеприказчикъ, однако, сдѣлаю здѣсь, что могу во исполненіе этого написаннаго пункта твоего завѣщанія. Для тебя, какъ и для многихъ собесѣдниковъ твоихъ, какъ для другого душеприказчика твоего В. П. Преображенскаго, вопросъ о безсмертіи рѣшенъ теперь окончательно и съ безусловною достовѣрностью, хотя вы и не скажете намъ, *какъ* онъ для васъ рѣшенъ и который изъ васъ оказался правымъ... Для насъ вопросъ остается открытымъ, и мы продолжаемъ тотъ споръ, ту бесѣду, которую мы начали съ вами и которая не прекратится никогда, несмотря на какія бы то ни было кустодіи.

Не отсутствіемъ свѣта и воздуха держится вѣра въ безсмертіе, и не случайныя вѣянія колеблютъ нашъ умъ сомнѣніемъ. Каждая новая утрата, переживаемая человѣкомъ, ставитъ передъ нимъ роковой вопросъ о смерти и жизни.

Есть утраты, съ которыми человекъ не мирится; каждый, каково бы ни было его міросозерцаніе, навѣрное испыталь при смерти близкихъ, дорогихъ людей *ощущеніе* чего-то бессмысленнаго, нелѣпаго, или страннаго, непостижимаго, въ самомъ фактѣ превращенія человеческой личности, милой, любимой, полной высшаго достоинства, въ отвратительную вещь, вызывающую чувство естественнаго ужаса и омерзненія. Въ этомъ переходѣ *лица* въ *вещь* есть что-то явно бессмысленное, какое-то обращеніе *нѣчто* въ *ничто*, которое не можетъ быть объяснено никакими соображеніями о круговоротѣ вещества и превращеніи энергіи: та неразложимая нравственная индивидуальность, та живая личность, которая одна отличаетъ человекъ отъ трупа и отъ чисто животнаго организма, исчезла. И наше чувство не мирится съ такимъ исчезновеніемъ. Допустимъ, что все это субъективно, что смерть представляется „бессмысленной“, лишь съ нашей ограниченной, субъективной точки зрѣнія. Но тогда съ точки зрѣнія объективной, не бессмысленна ли самая жизнь, самая субъективная человеческая личность, притязающая на какой-то внутренній „смысл“?

Какъ бы то ни было, хотимъ ли мы этого или нѣтъ, смерть ставитъ намъ вопросъ о смыслѣ жизни и будитъ въ насъ сомнѣніе, и притомъ сомнѣніе двоякаго рода: однихъ самое ощущеніе безвозвратной потери, самая грубая реальность смерти и тлѣнія заставляеть сомнѣваться въ возможности безсмертія; другихъ, наоборотъ, она заставляеть сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли все кончено? Нѣтъ ли высшаго разумнаго основанія за тѣмъ внутреннимъ протестомъ всего существа нашего, какой поднимаетъ въ насъ смерть? Нѣтъ ли въ ней дѣйствительно какого-то недопустимаго перехода *нѣчто* въ *ничто*?

Въ настоящей статьѣ, посвященной памяти Н. Я. Грота, я, конечно, не претендую рѣшать этотъ вѣчный вопросъ или подвести окончательные итоги спора о безсмертіи. Я не стремлюсь также привести какія-либо новыя основанія въ пользу вѣры въ безсмертіе: это также представляется

мнѣ мало возможнымъ, въ виду всего, что было сказано ея сторонниками въ теченіе столькихъ вѣковъ. Мнѣ хочется лишь рассмотреть главнѣйшія основанія вѣры въ безсмертіе, которыя принимались человѣчествомъ въ различные эпохи. Возможно болѣе объективное и безпристрастное рассмотрение такихъ основаній равно обязательно какъ для сторонниковъ бессмертія, такъ и для тѣхъ, кто его отвергаетъ; съ этого во всякомъ случаѣ слѣдуетъ начинать при философской разработкѣ вопроса.

Первоначальныя представленія о загробномъ существованіи.

I.

Начнемъ съ наиболѣе грубыхъ и первобытныхъ вѣрованій, съ тѣхъ представленій о загробномъ существованіи, которыя восходятъ къ сѣдой старинѣ и оставили по себѣ древнѣйшіе изъ памятниковъ, построенныхъ рукою человѣка. Это представленіе о душѣ усопшаго какъ призракѣ, ведущемъ призрачную жизнь въ царствѣ мертвыхъ,—представленія повсемѣстно распространенныя и вмѣстѣ замѣчательно однородныя, несмотря на видимыя разнообразія. Если бы общее согласіе что-нибудь доказывало, то едва ли какое-нибудь вѣрованіе могло соперничать съ вѣрой въ существованіе призраковъ; и если бы можно было рѣшить вопросъ о существованіи ихъ посредствомъ плебисцита, то свободомыслящіе рисковали бы остаться въ меньшинствѣ. Во всякомъ случаѣ люди, признающіе реальное явленіе призраковъ, ссылаются на личный опытъ или на заслуживающихъ довѣрія очевидцевъ, между тѣмъ какъ никто изъ ихъ противниковъ не можетъ въ качествѣ очевидца отрицать ихъ существованія. Но если *consensus gentium* въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, не убѣждаетъ насъ въ истинности общераспространеннаго вѣрованія, то онъ несомнѣнно доказываетъ наличность глубокихъ и общихъ психологическихъ мотивовъ, заставляющихъ людей различныхъ временъ, народовъ и культуръ раздѣлять однородныя и притомъ сравни-

тельно грубыя вѣрованія, общія дикимъ и первобытнымъ народамъ. Замѣчательно, что ни болѣе очищенныя и глубокія религіозныя воззрѣнія, ни тѣ или другія философскія убѣжденія, не могутъ искоренить безъ остатка эти первобытныя вѣрованія, которыя нерѣдко продолжаютъ существовать наряду съ ними. Это обстоятельство, важное во многихъ отношеніяхъ, указываетъ намъ на то, что первыя основанія вѣры въ загробное существованіе не слѣдуетъ искать въ какихъ-либо высшихъ религіозныхъ идеяхъ или умозрительныхъ соображеніяхъ: первоначальная форма такой вѣры есть *вѣра въ призраки*, а основаніемъ этой послѣдней служить *явленіе призраки*, все равно мнимое или дѣйствительное.

Уже первый матеріалистъ-ученый, Демокритъ, объяснял происхожденіе всѣхъ религіозныхъ представленій изъ явленія призраковъ. И дѣйствительно, призраки суть, если не первыя, то во всякомъ случаѣ весьма первобытныя формы, въ какихъ человѣкъ представлялъ себѣ сверхъ-чувственный міръ.

Какъ сказано, представленія эти во многомъ однородны. Призраки описываются у Гомера, какъ тѣни, подобныя сновидѣніямъ, и аналогичное представленіе о тѣняхъ мы находимъ и у древнихъ семитовъ, у египтянъ и въ современномъ суевѣрїи европейскихъ народовъ, не говоря уже о дикаряхъ обоихъ полушарій. Призраки блуждаютъ въ определенныхъ мѣстахъ близъ могиль, или близъ своихъ прежнихъ жилищъ, во избѣжаніе чего и слѣдуетъ заботиться о наилучшемъ устройствѣ могиль и о правильномъ погребеніи. У египтянъ *ка*, или двойникъ, помѣщается первоначально въ „домѣ ка“ или могиль, откуда однако голодь и жажда могутъ заставить его удалиться. Отсутствіе погребенія или установленнаго культа (вслѣдствіе прекращенія потомства), оскверненіе могиль повсемѣстно считалось бѣдствіемъ какъ для усопшихъ, такъ и для живыхъ. Видъ призрака подобенъ образу усопшаго; онъ появляется въ обычной одеждѣ, какую онъ носилъ при жизни, иногда — въ погребальной;

призракъ и есть прежде всего *живой образъ личности*. Являются, впрочемъ, тѣни въ туманныхъ, расплывчатыхъ очертаніяхъ, а у иныхъ народовъ мы встрѣчаемся съ представленіями о томъ, что покойники, оставивши тѣло, могутъ обочиваться въ любяя животныя формы, что связано съ вѣрою въ магическую силу, которую иногда надѣляются усопшіе.

Несмотря на общепринятую связь мертвеца съ его могилой, всѣ народы, обладающіе представленіями о загробномъ существованіи, имѣютъ также и опредѣленные представленія о нѣкоторомъ общемъ загробномъ мірѣ, причемъ и эти послѣднія, при всемъ своемъ разнообразіи, также имѣютъ общія основныя черты. Прежде всего смерть представляется величайшимъ бѣдствіемъ для самого усопшаго и загробное состояніе его—достойнымъ плача и сожалѣнія. Впослѣдствіи въ связи съ развитіемъ вѣры въ безсмертіе являются лучшія надежды, но основной образъ смерти остается попрежнему мрачнымъ или ужаснымъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ загробный міръ является настоящимъ адомъ, населеннымъ страшилищами; чаще онъ изображается печальнымъ призракомъ міра дѣйствительнаго, и души усопшихъ ведутъ въ немъ призрачную жизнь, соотвѣтственную той, какую они вели на землѣ, подобно тому какъ сны человѣка, въ общемъ, соотвѣтствуютъ его образу жизни: усопшіе охотятся и воюютъ, пьютъ и ѣдятъ, ѣдятъ на лодкахъ, играютъ въ кости или шашки и т. д.

Несмотря на все это, однако, и независимо отъ мысли о какихъ-либо особенныхъ загробныхъ мукахъ, состояніе смерти само по себѣ представляется величайшимъ зломъ. Вспомнимъ слова Ахилла, обращенныя къ Одиссею:

О Одиссей! утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся!

Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ погибшими мертвыми царствовать мертвый.

Никакое частное улучшеніе участи тѣней не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Ихъ существованіе, бессознательное или полу-

сознательное, есть *сонг*; ихъ мука есть голодъ и жажда— голодъ тѣла и жажда крови, жажда жизни, тоска по ней. Этимъ объясняются многіе погребальные обряды, различные способы погребенія или сожженія мертвыхъ, жертвоприношенія на могилахъ и заклинанія, — обряды, имѣющіе цѣлью успокоить мертвыхъ, утолить ихъ голодъ и жажду— хотя бы призрачными средствами и оградить себя отъ ихъ посѣщенія, отъ ихъ „вампиризма“. Отдѣльные изъ такихъ обрядовъ указываютъ на настоящій *культъ* мертвыхъ и заставляютъ видѣть въ душѣ усопшаго нѣчто большее, чѣмъ пустой призракъ,—силу высшаго порядка, могущую быть грозной и опасной.

Къ представленіямъ такого рода мы еще вернемся. Но если мертвые вселяютъ ужасъ, это еще не доказываетъ ихъ блаженства, ихъ высшей жизни: они суть прежде всего *мертвецы*, и тѣ народы древности, у которыхъ мы находимъ развитой культъ мертвыхъ, какъ, напр., греки, древніе семиты, египтяне, нерѣдко поражаютъ насъ своими мрачными представленіями о царствѣ смерти.

Смерть обращаетъ въ ничто всякую человѣческую силу, славу, честь и могущество. „Адъ преисподній пришелъ въ движеніе ради тебя, чтобы встрѣтить тебя при входѣ твоёмъ“, говоритъ пророкъ Исаія царю Вавилонскому: „онъ согналъ для тебя рефаимовъ (духи усопшихъ) ¹⁾, всѣхъ вождей земли, поднялъ съ престоловъ всѣхъ царей народовъ; всѣ они встаютъ: вотъ и ты сдѣлался безсиленъ, какъ мы, и ты сравнялся съ нами. Въ шеоль (преисподнюю) низвержена гордыня твоя, бряцаніе арфъ твоихъ. Подъ тобою подстиляется глѣние, и черви—покровъ твой... Это ли тотъ человѣкъ, который колебалъ землю, потрясалъ царства?“ (Ис. XIV, 9—17).

И этому величавому образу пророка вполне соотвѣт-

¹⁾ Ср. Schwally das Leben nach dem Tode nach den Vorstellungen d. alten Israel und des Judenthums. 1892 s. 64.

ствують представлєнія самихъ вавилонянъ. Въ отрывкахъ, полныхъ захватывающей поэзіи, ихъ древніе тексты описываютъ неумолимое владычество смерти. Сама богиня Иштаръ, спускаясь въ преисподнюю, подчиняется „древнимъ законамъ“: привратники снимаютъ съ нея ея вѣнецъ, ея уборы и одежды, и язвы поражаютъ ея обнаженное тѣло. При видѣ ея, сама богиня смерти падаетъ какъ подрѣзанный тростникъ и говоритъ:

Землю я буду ѣсть вмѣсто хлѣба, слезы пить вмѣсто вина,
Хочу плакать о мужахъ, которые покинули своихъ женъ.

О маленькихъ дѣтяхъ хочю плакать, не успѣвшихъ родиться.

Царство смерти называется „страной безъ возврата“ и „домомъ мрака“. Иштаръ вспоминаетъ:

О домѣ, изъ котораго болѣе не возвращаются вошедшіе,

О пути, который не приводитъ обратно,

О домѣ, въ которомъ вошедшіе удалены отъ свѣта,

О мѣстѣ, гдѣ прахъ—ихъ пища и земля—яство.

Ибо свѣта они не видятъ, во мракѣ живутъ;

Ибо одѣты они, какъ птицы, въ крылья,

Дверь и засовы покрыты пылью...

На послѣдней табличкѣ эпоса Гильгамеша герой вопрошаетъ духъ своего друга, явившійся изъ преисподней: „скажи, другъ мой, скажи, другъ мой, какова преисподняя, скажи“; и духъ отвѣчаетъ: „не могу я сказать тебѣ, другъ мой, не могу я сказать тебѣ этого; если сказать тебѣ, какова она... садись и плачь... то, чему сердце радовалось, тамъ подъ землею черви жрутъ все это, какъ старую одежду“... Оплакивая друга своего, Гильгамешъ говоритъ: „Къ храму ты больше не ходишь, бѣлыхъ одеждъ не надѣнешь, тукомъ благовоннымъ ты больше не умаживаешься, чтобы вокругъ тебя толпились понюхать. Ты не ставишь болѣе лука на землю; раненные лукомъ окружаютъ тебя; скипетра ты въ рукѣ уже не держишь, духи мертвыхъ заморозили тебя; ты не кричишь болѣе браннаго клича; жену твою, которую ты любилъ, ты больше не цѣлуешь, жену твою, ко-

торую ты ненавидѣлъ, ты больше не бьешь; любимой дочери не цѣлуешь, ненавистной дочери больше не бьешь, скорбь преисподней объяла тебя...

Смерть—конецъ всѣмъ радостямъ жизни, конецъ всему. Древніе семиты, іудеи и вавилоняне думали такъ же, какъ и греки, такъ же, какъ и древніе египтяне. Геродотъ говорить о тѣхъ муміяхъ, которыхъ египтяне приносили на свои пиршества, приглашая другъ друга пить и веселиться, пользуясь жизнью. И въ цѣломъ рядѣ текстовъ, начиная съ половины третьяго тысячелѣтія, такая мысль высказывается по поводу смерти: пока ты живъ, наслаждайся жизнью, пользуйся ею, не печалься о мертвыхъ, потому что, когда ты умрешь, ты не вернешь потеряннаго. Такъ одна надгробная стела влагаетъ слѣдующую рѣчь въ уста умершей жены, обращающейся къ своему мужу: „о мой товарищъ, о мой супругъ! Не переставай пить и ѣсть и напиваться, наслаждаться женской любовью, праздновать праздники. Слѣдуй желаніямъ твоимъ ночь и день. Не давай заботъ мѣста въ твоемъ сердцѣ. Ибо страна запада есть *земля мрака и сна*, обитель, въ которой остаются тѣ, кто въ ней. Они *спятъ* въ своихъ муміяхъ, они никогда не пробуждаются, чтобы видѣть своихъ близкихъ, они *не узнаютъ ни отца, ни матери*, ихъ сердце не заботится о ихъ женахъ и дѣтяхъ. На землѣ пьетъ каждый воду жизни, а я *страдаю жаждой*. Вода идетъ къ тому, кто на землѣ, а я *жажду воды, которая около меня*. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ этой долинѣ, я *не знаю, гдѣ я*. Я *толмчусь по водѣ, которая течетъ около меня*. Я желаю вѣянія вѣтра прибрежнаго, чтобы онъ усладилъ сердце мое въ его скорби. Ибо имя Бога, царствующаго здѣсь, есть „*Совершенная смерть*“. По зову его приходятъ къ нему всѣ люди, дрожа отъ страха. Онъ не дѣлаетъ никакого различія между богами и людьми, передъ нимъ великіе и малые равны. Онъ не оказываетъ милости тому, кто его любить. Онъ вырываетъ младенца у его матери, и также дѣлаетъ онъ со старцемъ. Никто не приходитъ ему поклоняться, потому что онъ не милостивъ къ тому, кто ему

поклоняется; онъ не взираетъ на того, кто приноситъ ему жертвенные дары“¹⁾.

Во всѣхъ этихъ представленияхъ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ нѣкоторыми общими чертами: *смерть не есть совершенное прекращеніе бытія, или уничтоженіе*; это особаго рода *отрицательное состояніе*, представляющее реальную противоположность жизни. Сонъ называли „братомъ смерти“, и античная аналогія между сномъ и смертью понималась совершенно реальнымъ образомъ: смерть относится къ жизни, какъ сонъ относится къ бодрствованію. Смерть есть *непробудный сонъ*, неограниченный никакими физическими условіями. Иногда она олицетворяется въ образѣ опредѣленнаго божества, которому подвластно все живущее; своими *чарами*, своей тайной силой она околдовываетъ тѣхъ, кого она заключаетъ въ своемъ царствѣ, въ своемъ „домѣ мрака“. Она какъ бы гипнотизируетъ навѣки его обитателей, живущихъ въ какой-то *особой формѣ сознанія* въ мірѣ призрачныхъ видѣній.

Всѣмъ памяты слова Гамлета: „умереть, уснуть... Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?“²⁾ или „уснуть... быть можетъ грезить“... Сонъ можетъ быть *кошмаромъ*, *непробуднымъ кошмаромъ*, разъ мы всецѣло въ его власти. И прежде всего страшна эта порабошающая власть, это безсиліе, это обреченіе на безуміе вѣчнаго сна съ его видѣніями, его бредомъ. Пусть эти видѣнья, эти галлюцинаціи соотвѣтствуютъ предметамъ нашихъ желаній—они не могутъ утолить, насытить ихъ, дать имъ дѣйствительное удовлетвореніе, они только разжигаютъ ихъ внутренней огонь: мученье Тантала по существу не отличается отъ мукъ Иксіона.

Загробный міръ, какъ царство безплотныхъ душъ, предо-

1) Wiedemann, Die Toten u. ihre Reiche im Glauben d. alten Aegypter 1866, 10.

2) Перев. Кронберга; въ подлинникѣ

To die:—to sleep;—
To sleep! perchance to dream; ay there's the rub
For in that sleep of dead what dreams may come
Must give us pause...

ставленныхъ галлюцинаціямъ, бреду собственнаго желанія,— такой образъ близко подходитъ къ тому, въ какомъ адъ рисуется Сведенборгомъ: это не пенитенціарное учрежденіе, не мѣсто возмездія или наказанія, а наоборотъ, среда, соотвѣтствующая желаніямъ души, въ ней заключающихся: ничто кромѣ собственнаго желанія ихъ въ ней не удерживаетъ, и всякая другая среда была бы для нихъ нестерпима. Не скованная узами плоти, не отвлекаемая внѣшними впечатлѣніями, явленіями земной жизни, душа слѣдуетъ господствующему влеченію, становится какъ бы одержимой имъ; и этимъ основнымъ влеченіемъ опредѣляется собственное мѣсто каждой души, ея положеніе въ духовномъ мірѣ, ея внутреннее общеніе съ сродными ей душами, которыя образуютъ ея сферу. Если въ мірѣ физическомъ наше субъективное существо развиваетъ свои субъективныя особенности и приходитъ въ сознаніе лишь въ взаимодействіи съ внѣшней объективной средою, отъ него независимой, то въ мірѣ духовъ объективное сознаніе обуславливается лишь общеніемъ духовъ. Въ физическомъ мірѣ внѣшнія условія нашего существованія, его случайная среда отъ насъ независимы; здѣсь самая среда представляется духовной и вполнѣ соотвѣтствующей своему содержимому, являясь какъ бы *объективацией* этого послѣдняго. Чудовищные образы, наполняющіе отдѣльныя сферы ада, не суть что-либо чуждое и внѣшнее тѣмъ душамъ, которыя ихъ составляютъ—у Сведенборга нѣтъ чертей, кромѣ самихъ душъ; тѣ муки, тѣ истязанія, которымъ подвергается душа, не суть внѣшнія наказанія—она сама создаетъ ихъ себѣ, иногда ищетъ ихъ въ сладострастіи, въ безуміи своего желанія, которое достигаетъ своего крайняго напряженія въ жизни духа, не ограниченнаго условіями физическаго существованія. Если это галлюцинаціи, то это коллективныя галлюцинаціи, если это безумный бредъ, то это бредъ объективный, внутренне необходимый, соотвѣтствующій данной средѣ существованія—*delirium bene fundatum*, если можно такъ выразиться.

Но оставимъ Сведенборга. Если его ученіе и бросаетъ

нѣкоторый свѣтъ на античныя представленія, то все же оно отражаетъ совершенно иное спиритуалистическое міросозерцаніе, развившееся подъ вліяніемъ несравненно болѣе сложныхъ идей о духѣ. Самый адъ его представляется безконечно яркимъ и конкретнымъ въ сравненіи съ сѣрымъ и тусклымъ царствомъ тѣней древнихъ грековъ или семитовъ, хотя временами кажется будто и эти тѣни томятся, страдаютъ, что и онѣ не чужды какой-то особенной формы сознанія, что онѣ доступны страсти и могутъ вставать въ образѣ гнѣвныхъ эринній или иныхъ враждебныхъ силъ. Сонъ ихъ болѣе глубокъ, но и онъ не всегда покоенъ: мертвецы бываютъ иногда подвержены *сомнамбулизму* и тревожатъ живыхъ своимъ появленіемъ. Они представляются совершенно бессознательными (какъ у Гомера), точнѣе, обладающими особою формою сознанія, отличнаго отъ обыденнаго, или же приходящими въ сознаніе лишь въ общеніи съ человѣкомъ, при помощи особыхъ медіумовъ, заклинателей, жертвъ, магическихъ средствъ, обрядовъ и формулъ.

II.

Каково же происхожденіе этихъ представлений и каковы ихъ основанія, если не логическія, то хотя бы психологическія?

Сказаннаго достаточно, чтобы отвергнуть нѣкоторыя ошибочныя попытки ихъ объясненія. Такъ если по Канту единственное разумное основаніе въ пользу вѣры въ безсмертіе заключается въ нашемъ нравственномъ сознаніи, то не подлежитъ сомнѣнію, что нравственныя соображенія не играли никакой роли при возникновеніи представлений о загробномъ мірѣ; вѣра въ призраки или въ царство смерти, гдѣ всѣхъ живыхъ ждетъ равная участь,—совершенно свободна отъ какихъ-либо этическихъ элементовъ. Но если безкорыстные нравственные мотивы не объясняютъ такой вѣры, то столь же тщетны попытки объяснить ее при помощи своекорыстныхъ или эвдемонистическихъ мотивовъ, любовью къ жизни, къ своей собственной личности или

личности близкихъ, надеждой на то, что смерть не уничтожаетъ насъ, что наше я будетъ существовать и за гробомъ. Подобное объясненіе имѣло бы какой-нибудь смыслъ, если бы рѣчь шла о дѣйствительной жизни или о воскресеніи; но невозможно объяснять любовью къ жизни вѣру въ реальность смерти, или надеждой—нѣчто совершенно безнадежное. Естественнѣе было бы надѣяться на полное уничтоженіе и видѣть своего рода утѣшеніе въ отрицаніи загробнаго существованія, представляемаго такимъ образомъ: это и дѣлали иные античные матеріалисты. Равнымъ образомъ едва ли можно объяснять вѣру въ призраки и мрачныя представленія о преисподней изъ инстинктивнаго страха смерти, или изъ инстинкта самосохраненія, проявляющагося въ испуганномъ воображеніи человѣка. Представленія о призракахъ слишкомъ опредѣленны и своеобразны и вмѣстѣ слишкомъ однородны, чтобы объяснять ихъ однимъ аффектомъ.

Самый страхъ предъ мертвецомъ, предъ трупомъ, какъ бы ни былъ онъ безотчетенъ, связанъ съ представленіемъ о какой-то невидимой силѣ, о томъ *нѣчто*, безъ котораго человѣкъ обратился въ трупъ. *Представленіе* о человѣкѣ, живой образъ его личности такъ мало соотвѣтствуетъ этому трупу; оно относится не къ нему, а къ тому *нѣчто*, которое исчезло, пропало. И такое сознаніе будитъ чувство, что это *нѣчто*, этотъ образъ гдѣ-то живетъ, хотя и безплотною жизнью.

Нерѣдко высказывалась мысль, что представленіе о такомъ независимомъ существованіи *оживленнаго образа* или двойника человѣка, его *привидѣнія* или *призрака* обязано своимъ происхожденіемъ нашимъ *сновидѣніямъ*,—мысль, которую особенно подробно развиваютъ *Тайлоръ* и *Гербертъ Спенсеръ* по слѣдамъ Лукреція. Не отрицая значенія явленій сна, катаlepsis, обморока, для выработки первоначальныхъ представленій о душѣ, о возможности особыхъ формъ ея существованія, особыхъ формъ сознанія, отличныхъ отъ повседневныхъ, наблюдаемыхъ въ бодрственномъ состояніи, мы не

видимъ въ простыхъ сновидѣнiяхъ не только логическаго, но даже и психологическаго объясненiя вѣры въ *реальное существованiе* душъ или безплотныхъ призраковъ. Для тѣхъ, кто въ нихъ вѣритъ, отличiе призраковъ усопшихъ отъ простыхъ сновидѣнiй состоитъ именно въ томъ, что они не суть простые сны, что они являются наяву, и что даже тамъ, гдѣ они являются во снѣ, они оставляютъ впечатлѣнiе какой-то реальной психической силы, отличной отъ человѣка и приходящей въ общенiе съ нимъ.

Эпикуреецъ Лукрецiй въ своей страстной полемикѣ противъ суевѣрiй и вѣрованiй своего вѣка предлагалъ нѣсколько грубое ихъ объясненiе. Но при болѣе объективномъ отношенiи къ фактамъ и при современномъ состоянiи нашихъ знанiй мы рѣшительно не понимаемъ, почему не объяснять вѣру въ существованiе призраковъ самымъ явленiемъ такихъ призраковъ. Это объясненiе и проще и естественнѣе и вмѣстѣ ближе всего относится къ дѣлу. *Доказываютъ ли* что-нибудь такiя явленiя, служатъ ли они достаточнымъ основанiемъ для признанiя загробнаго существованiя человѣка, это, разумѣется, вопросъ другой. Простыя галлюцинацiи, очевидно, ничего не доказываютъ, точно такъ же какъ и простыя сновидѣнiя. Иное дѣло—такъ называемыя „телепатическiе сны“ и „телепатическiя галлюцинацiи“: какъ бы мы ихъ ни объясняли, онѣ служатъ во всякомъ случаѣ если не логическимъ, то *фактическимъ* основанiемъ вѣры въ независимое отъ тѣла существованiе психическаго начала.

Уже „вѣщiе сны“ наводили на подобныя заключенiя: духъ человѣка спитъ, когда члены его бодрствуютъ, спящему же онъ нерѣдко указываетъ будущее во снѣ,—такъ учитъ Пиндаръ (г. 131). Но если онъ живъ, когда тѣло наше неподвижно, если онъ бодрствуетъ, когда мы спимъ, и можетъ воспринимать отдаленныя во времени или пространства событiя, какъ это случается въ „вѣщихъ“ снахъ, то не указываетъ ли это на то, что дѣятельность его не стоитъ въ исключительной зависимости отъ тѣла, и что, слѣдовательно, она не прекращается со смертью? Jacet cog-

pus dormientis ut mortui, viget autem et vivit animus. Quod multo magis faciet post mortem, cum omnino corpore excesserit (Cic. de divin. I, 63).

Еще большее значеніе имѣютъ явленія ясновидѣнія въ бодрственномъ состояніи или „телепатическія галлюцинаціи“, какъ, напр., явленіе призраковъ отсутствующихъ родныхъ или близкихъ въ моментъ ихъ смерти. Здѣсь мы касаемся области, которая лишь въ послѣднее время завоевываетъ себѣ право на научное изслѣдованіе и въ которой голое отрицаніе фактовъ постепенно уступаетъ мѣсто критической провѣркѣ, какъ это случилось ранѣе въ смежной области гипнотизма и умственного внушенія.

Научная работа, впрочемъ, здѣсь гораздо труднѣе, ибо помимо всякаго рода упорныхъ предразсудковъ, недовѣрія и легковѣрія, ей приходится считаться съ тѣмъ, что самые факты не поддаются экспериментированію и правильному наблюденію, допуская обстоятельное разслѣдованіе въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Въ отдѣльныхъ изъ нихъ такое разслѣдованіе не оставляетъ желать ничего лучшаго и разсѣиваетъ всякія сомнѣнія въ лицахъ, участвующихъ въ немъ. Тѣмъ не менѣе, оно не можетъ дать абсолютной увѣренности третьимъ лицамъ, не участвовавшимъ въ разслѣдованіи и a priori не допускающимъ возможности тѣхъ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь.

Но какова бы ни была наша личная оцѣнка подобнаго рода „телепатическихъ явленій“, мы должны согласиться съ тѣмъ, что если они встрѣчаются вѣру въ наше время и притомъ нерѣдко со стороны лицъ, въ міросозерцаніи которыхъ они совершенно не вмѣщаются, оставаясь для нихъ какими-то загадочными, хотя и несомнѣнными происшествіями, то среди дикарей и среди древнихъ такіе факты, наоборотъ, не встрѣчали скептицизма. Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей первобытныхъ вѣрованій А. Лангъ въ своей извѣстной книгѣ *Myth, ritual and religion* (1887), характеризуя умственное состояніе дикаря, на основаніи множества вѣскихъ свидѣтельствъ показываетъ, что категорія телепа-

тических „фактов“, привлекающих внимание „общества психических изслѣдованій“, каковы явленія въ моментъ смерти и пр., пользуется широкимъ распространеніемъ среди дикарей обоихъ полушарій и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ ихъ міросозерцаніемъ.

Теперь, *если* эти факты дѣйствительны,—а я полагаю, что нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно дѣйствительны,—то какіе выводы изъ нихъ могутъ быть сдѣланы? Съ точки зрѣнія дикаря отвѣтъ простой: если призракъ является, значить онъ существуетъ; если является призракъ отсутствующаго человѣка, который считался живымъ и если впослѣдствіи становится извѣстнымъ, что видѣніе совпало съ моментомъ его смерти, то это служитъ подтвержденіемъ реальности, объективности воспріятія. Съ точки зрѣнія современнаго психолога, который, какъ, напр., Джемсъ, признаетъ дѣйствительность телепатическихъ галлюцинацій, такіе выводы, разумѣется, нуждаются въ критической переработкѣ. Если для наивнаго реализма вещи существуютъ такъ, какъ онѣ являются, то психологія признаетъ, что всякое явленіе обусловлено нашимъ воспріятіемъ, нашею чувственностью, а слѣдовательно—дѣятельностью нашихъ органовъ чувствъ и нашего нервно-мозгового аппарата. Но въ случаѣ вѣщаго сна, въ которомъ человѣкъ съ точностью видитъ будущія событія, хотя бы совершенно незначительныя, такое сновидѣніе нельзя объяснить предшествующей дѣятельностью физическихъ органовъ чувствъ, воздѣйствующей на его мозгъ; а равнымъ образомъ нельзя указать тѣ внѣшнія чувственныя впечатлѣнія, при помощи которыхъ онъ могъ бы видѣть явленіе кого-либо изъ близкихъ, умирающаго за сотни верстъ, или событіе, которое совершается черезъ болѣе или менѣе продолжительное время *послѣ* того, какъ оно было видѣно. Пусть безконечно многія причины, которыя въ своемъ дѣйствіи должны привести къ такому событію, существуютъ уже въ данный моментъ—мы видимъ не эти причины и не безконечно сложную совокупность дѣйствій каждой изъ нихъ, а лишь готовый ре-

зультатъ, который самъ по себѣ есть лишь совершенно случайный моментъ въ процессѣ совмѣстнаго ихъ дѣйствования и который не можетъ существовать во временномъ порядкѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не наступилъ.

Отсюда можно сдѣлать тотъ отрицательный выводъ, какой дѣлаетъ Джемсъ, а именно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы явно должны отказаться отъ грубо-материалистической теоріи, которая видитъ во всѣхъ фактахъ сознанія *продуктъ* нервно-мозговой работы: въ указанныхъ случаяхъ такая работа не вызывается физическими объектами, воздѣйствующими на наши органы чувствъ, ибо такихъ объектовъ здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, а слѣдовательно приходится допустить, что факты сознанія, хотя и связанные съ мозговой работой, обуславливаются здѣсь *сверхъ-чувственными* агентами или вліяніями ¹⁾. Но если такъ, то мозгъ не *производитъ* нашего сознанія въ томъ смыслѣ, какъ печень производитъ желчь или почки мочу: онъ служитъ его проводникомъ, физическимъ органомъ психическаго начала: вещество нашего тѣла не порождаетъ сознанія, а ограничиваетъ его. И такимъ образомъ американскій психологъ сходится съ Пиндаромъ: какъ мы видѣли, и этотъ послѣдній тоже признавалъ въ физической жизни тѣла ограниченіе того духовнаго начала, которое можетъ проявлять высшую форму своего сознанія, когда тѣло сковано сномъ.

Итакъ, въ объективной ли формѣ, въ непосредственной вѣрѣ въ существованіе призрачной „души“, тѣни или двойника (εἰδωλον) или въ субъективной формѣ, въ признаніи

¹⁾ Впрочемъ, относительно явленій «прижизненныхъ призраковъ» или телепатическихъ галлюцинацій, которыя еще Демокритъ пытался объяснить материалистически, возможна оговорка: можно возразить напр., что «свойства эфира точно такъ же какъ и механизмъ, и функція нервной системы еще не достаточно извѣстны, а потому было бы поспѣшнымъ утверждать, что нервныя измѣненія, составляющія предполагаемое сопровожденіе мысли, не могутъ сообщаться на разстояніи посредствомъ эфирныхъ колебаній среднему мозгу». Даже наибольшее разстояніе въ случаяхъ подобныхъ явленій... было бы лишь незначительной дробью тѣхъ разстояній, какія проходитъ волна эфира, впечатлѣвающая на нашей сѣтчаткѣ образъ звѣзды... Podmore, *Studies in psychical research* (1897), 267.

самобытнаго источника нашего сознанія, телепатическія явленія приводятъ къ признанію *независимаю отъ тѣла психическаю начала.*

Но можетъ ли это служить доказательствомъ безсмертія души? Разъ психическое начало, проявляющееся въ нашемъ сознаніи, не есть продуктъ нашего мозга, который можетъ разсматриваться въ качествѣ проводника психической энергіи, то отпадаетъ одинъ изъ аргументовъ противъ *возможности* такого безсмертія—излюбленный аргументъ матеріализма. Но для опроверженія матеріализма въ наши дни нѣтъ нужды прибѣгать къ телепатіи: пока самые факты ея спорны; а когда они станутъ безспорными, будутъ спорить объ ихъ объясненіи. Несостоятельность матеріализма для философски образованнаго ума несомнѣнна на основаніи гораздо болѣе широкихъ и прочныхъ теоретико-познавательныхъ критическихъ соображеній, и В. Вундтъ въ своемъ только что вышедшемъ „Введеніи въ философію“ ¹⁾ съ извѣстнымъ правомъ говорить о немъ какъ о направленіи отжившемъ. Но вѣдь не одни матеріалисты сомнѣваются въ личномъ безсмертіи. И намъ кажется, что ни признаніе самостоятельнаго источника психической энергіи, ни вѣра въ призраковъ или двойниковъ еще не влечетъ за собой признанія личнаго безсмертія. Въ самомъ дѣлѣ, если наше сознаніе имѣетъ источникъ въ сверхчувственной психической энергіи, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы эта энергія была существомъ личнымъ; и если допустить, что эта энергія, проходя черезъ нашъ мозгъ, испытываетъ извѣстныя ограниченія, какъ это предполагаютъ иные психологи, то не обусловливаютъ ли именно эти ограниченія тѣ личныя особенности и стремленія, которыя составляютъ нашу индивидуальность?

Оставимъ однако философскія соображенія и разсмотримъ тѣ представленія, какія соединяются съ вѣрой въ призра-

---

¹⁾ В. Вундтъ. Введеніе въ Философію, перев. подъ моею редакціей. Москва 1902, изд. Кончаловскаго.

ки у древнихъ и у современныхъ дикарей. Возможно ли съ точки зрѣнія самыхъ этихъ представленій говорить о „безсмертной жизни“ призраковъ или отождествлять ихъ съ личностью усопшаго? Древніе во всякомъ случаѣ смотрѣли иначе: *тѣнь* столь же мало отождествляется съ *личностью* усопшаго, какъ его трупъ; сознаниемъ, памятью она иногда вовсе не обладаетъ и наконецъ существованіе ея опредѣляется не какъ безконечная жизнь, а наоборотъ, какъ „совершенная смерть“. Къ тому же самое существованіе призрака или тѣни можетъ прекратиться. Египтяне отличали двойникъ усопшаго, *ка*, отъ его души. Въ случаѣ плохого содержанія могилы или отсутствія культа, *ка* могъ умереть съ голода. Равнымъ образомъ по представленію множества дикихъ племенъ, напр., эскимосовъ или краснокожихъ, призракъ человѣка подвергается смертельнымъ опасностямъ во время своего путешествія въ загробную страну, для чего онъ нуждается въ особомъ снаряженіи. Онъ можетъ однако погибнуть, пропасть окончательно на пути.

Отсюда мы можемъ вывести то заключеніе, что въра въ призрачное существованіе еще не заключаетъ въ себя въры въ безсмертіе и что слѣдовательно не въ теленатическихъ явленіяхъ и связанныхъ съ ними суевѣріяхъ слѣдуетъ искать источника такого вѣрованія. Безсмертны одни боги и слѣдовательно у боговъ нужно искать источника безсмертія.

III.

Обращаясь къ загробнымъ вѣрованіямъ дикарей и древнихъ народовъ, мы находимъ въ нихъ однако не одно представленіе о призрачномъ царствѣ тѣней. На ряду съ нимъ и отчасти даже въ противорѣчьи съ нимъ мы находимъ представленіе о душѣ усопшаго какъ существѣ высшаго порядка, достойнаго чести и поклоненія: мертвые суть *блаженныя*, обладающіе высшею жизнью, требующіе божественныхъ жертвъ и ведущіе за гробомъ высшую жизнь, аналогичную божеской. Повидимому не можетъ быть ничего бо-

лѣе противоположнаго—смерть и жизнь, адъ и рай, или точнѣе адъ и элисіумъ. И однако оба порядка представленій теряются въ глубинѣ вѣковъ и, существуя на ряду другъ съ другомъ, нерѣдко соединяются, переходятъ одно въ другое. Такой переходъ отчасти вызывается самымъ *культomъ мертвыхъ*: культъ приближаетъ ихъ къ богамъ, а слѣдовательно и къ безсмертію боговъ.

Въ XXIII пѣснѣ Иліады мы находимъ повѣствованіе о сожженіи тѣла Патрокла и о его поминкахъ. Обильныя жертвы, которыя ему приносятся,—между прочимъ и чело-вѣческія жертвы и почести, которыхъ онъ требуетъ, несомнѣнно заставляють видѣть въ немъ нѣчто большее, чѣмъ пустую безкровную тѣнь. Роскошныя микенскія гробницы или гробницы египтянъ тоже указываютъ, что мертвые, какъ предметы особаго культа, сближаются съ богами. Такое сближеніе, апоѳеоза человѣка, культъ геровъ, есть явленіе слишкомъ извѣстное, чтобы подробно на немъ останавливаться. Когда начался этотъ культъ, когда люди увидали впервые нѣчто божественное, сверхчеловѣческое въ своихъ усопшихъ вождяхъ или отцахъ,—это неизвѣстно, да и безразлично. Важенъ самый фактъ, самое образованіе представленія героя—сверхъ-человѣка, полубога, какими являются „богоравные“ герои Гомера или герои другихъ народовъ.

Культъ знатныхъ усопшихъ—колдуновъ, великихъ воиновъ, вождей, князей, царей, значительно способствовалъ росту и развитію такихъ представлений: такой культъ уже самъ по себѣ указываетъ на сверхъ-человѣческое достоинство чтимыхъ мертвецовъ и вмѣстѣ онъ связывается съ особенными представленіями о ихъ загробной участи, иногда—также съ особенными видѣніями, откровеніями, оракулами. Мы видѣли въ какихъ мрачныхъ краскахъ является участь мертвыхъ въ нѣкоторыхъ египетскихъ памятникахъ; и однако съ культomъ усопшихъ царей связываются представленія совершенно другого характера въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ душа усопшаго возносится къ богамъ. Любопытны древніе тексты,

относящиеся къ началу III тысячелѣтія до Р. Х., гдѣ описывается, какимъ образомъ царская душа завоевываетъ себѣ въ загробномъ мірѣ соотвѣтственное ей мѣсто. „Небо плачетъ, звѣзды трясутся, стражи боговъ трепещутъ и слуги ихъ бѣгутъ, когда они видятъ царя, который встаетъ какъ духъ, какъ богъ, живущій отцами своими и овладѣвающій своей матерью. Его слуги арканами поймали боговъ, нашли ихъ хорошими и притащили, они связали ихъ, перерѣзали имъ горло и вынули ихъ внутренности, они раздѣлили ихъ и сварили въ горячихъ котлахъ. И царь пожираетъ ихъ силу и ѣстъ ихъ души. Великіе боги идутъ ему на завтракъ, средніе—на обѣдъ, малые—на ужинъ, а старыхъ боговъ и богинь онъ употребляетъ на топливо. Царь жретъ все, что попадаетъ ему по пути. Жадно поглощаетъ онъ все, и его магическая сила дѣлается больше всякой магической силы. Онъ становится наслѣдникомъ могущества, большимъ, нежели всѣ наслѣдники, онъ становится господиномъ неба, потому что онъ съѣлъ всѣ вѣнцы и всѣ запястья, съѣлъ мудрость каждаго бога...“ и т. д. Если при жизни онъ притязалъ на сверхъ-человѣческія почести, то сверхъ-человѣкомъ остается онъ и на томъ свѣтѣ, являя образчикъ „господской морали“ въ полномъ смыслѣ этого слова. Хорошо еще, что онъ пожираетъ однихъ боговъ, большихъ и маленькихъ, и не требуетъ тѣхъ человѣческихъ гекатомбъ, какія приносились еще недавно усопшимъ царямъ дагомейцевъ. Загробная участь египетскаго фараона очевидно была исключительной, да и вообще культъ героевъ всюду носитъ характеръ аристократическій, и въ связи съ этимъ у многихъ народовъ мы находимъ представленія о различныхъ мѣстопребываніяхъ душъ—обыкновенное царство смерти для простыхъ смертныхъ и элисіумъ или острова блаженныхъ—для героевъ. Мало-по малу самый культъ героевъ можетъ демократизироваться и къ лику ихъ могутъ причисляться и обыкновенные смертные: въ позднѣйшія времена греческаго міра титулъ „герой“ или „героиня“ украшаетъ иногда могилы простыхъ рабовъ.

Но вначалѣ не было такъ, и не во всякомъ чловѣкѣ видѣли образъ божества, дающій безсмертіе.

Среди многихъ дикихъ или полудикихъ воинственныхъ народовъ существовало и существуетъ мнѣніе, что особо завидная блаженная участь ожидаетъ храбрыхъ, павшихъ на полѣ брани, которыхъ, по выраженію Гераклита, чтутъ и боги, и люди. Древніе германцы, индусы, американскіе дикари и другіе раздѣляли вмѣстѣ съ мусульманами вѣру въ будущее блаженство храбраго. Павшаго ждетъ Валгала, трапеза боговъ, райское блаженство. Храбрость, мужество есть самая древняя изъ всѣхъ добродѣтелей — доблестъ, *virtus* мужа по преимуществу. Храбрый презираетъ смерть, не боится смерти и этимъ проявляетъ какое-то высшее, *сверхъ-человѣческое* превосходство, превосходство духа надъ животными инстинктами. Онъ одерживаетъ первую духовную побѣду надъ смертью и показываетъ въ своемъ лицѣ своимъ друзьямъ и врагамъ *высшую цѣнность*, которую онъ дорожить больше жизни. Отсюда то религіозное отношеніе къ войнѣ, какое мы находимъ у древнихъ, то воодушевленіе, въ которомъ видѣли *наитіе бога браней*. Такимъ образомъ доблестъ воина является какъ бы первымъ откровеніемъ высшей силы духа, для которой смерть не существуетъ. А потому величайшимъ подвигомъ героевъ, какъ Гераклъ или Издубаръ, является реальная побѣда надъ смертью, о которой повѣствуютъ древнія сказанія и пѣсни.

Но не одно мужество доставляетъ загробныя почести: власть правителя, прозорливость, знахарство колдуна, его сношенія съ міромъ духовъ создаютъ ему привилегированное положеніе послѣ смерти. Особое мѣсто занимаетъ культъ праотцевъ, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ родоначальниковъ, которые приближаются къ богамъ.

Безсмертіе, высшая потенцированная жизнь составляетъ удѣлъ „безсмертныхъ“ или боговъ, и люди достигаютъ его лишь пріобщаясь богамъ, приближаясь къ нимъ, уподобляясь имъ. Этотъ высшій удѣлъ дается особою милостью боговъ ихъ любимцамъ, ихъ потомкамъ отъ смертныхъ женъ

щинъ. Иногда онъ заслуживается подвигомъ, чаще достигается магическими средствами, какъ у египтянъ. Отдѣльныхъ избранниковъ боги переносятъ живыми на небо; другимъ безсмертіе дается уже за гробомъ. Во всякомъ случаѣ, во всѣхъ этихъ вѣрованіяхъ безсмертіе является *не психологической, а богословской категоріей*: безсмертіе не есть свойство человѣческаго духа, оно есть свойство божеское, сверхчеловѣческое, и если человѣческій духъ признается безсмертнымъ или становится таковымъ, то лишь постольку, поскольку онъ признается божественнымъ по своему происхожденію ¹⁾, или достигаетъ апофеозы, приобщается божественной жизни при помощи самихъ боговъ. Такая апофеоза нерѣдко является какъ чудо, имѣвшее мѣсто лишь въ исключительныхъ случаяхъ, столь же необычное, какъ вознесеніе живого человѣка на небо. Но на извѣстной ступени развитія въ нѣкоторыхъ религіяхъ вѣра въ возможное безсмертіе получаетъ широкое распространеніе, какъ въ связи съ культомъ героевъ, впервые открывшимъ человѣку путь къ божеству, такъ и въ связи съ культурами опредѣленныхъ боговъ, *подателей жизни*, какими являются, напр., Озирисъ, Митра, Діонисъ. Чудо безсмертной жизни достигается посредствомъ приобщенія къ этимъ богамъ, путемъ особаго рода таинствъ, посвященій, мистическихъ жертвъ, магическихъ дѣйствій, фетишей и формулъ. Въ Египтѣ вѣра въ безсмертіе была связана съ культомъ Озириса: мертвецъ, похороненный по особому обряду, подобно Озирису, оживаетъ подобно Озирису и самъ становится Озирисомъ. Равнымъ образомъ соединялись съ Діонисомъ или Митрой участники ихъ таинствъ, и положительное безсмертіе ставилось въ зависимость отъ такого участія, помимо нравственныхъ заслугъ. Магическія средства при погребеніи, или магическія таинства при жизни обусловливаютъ соеди-

1) Божественными по происхожденію являются отдѣльные герои, сподобившіеся безсмертія; божественнымъ по происхожденію признается и человѣческій духъ или двойникъ человѣка, когда онъ надѣляется безсмертною жизнью. Ср. Пиндара fr. 131, καὶ σῶμα μὲν πάντων ἐπάται θανάτῳ περισθάνει, ζῶν δ'ἔτι λαίπεται αἰῶνος εἰδῶλον τὸ γάρ ἐστι μόνον ἐκ θεῶν.

неніе съ божествомъ, отъ котораго зависитъ загробное блаженство: „трижды блаженны тѣ изъ смертныхъ, которые сошли въ преисподнюю, узрѣвъ эти таинства, имъ однимъ тамъ жизнь, а для прочихъ все тамъ зло“ ¹⁾. И такимъ образомъ загробная жизнь ставилась въ зависимость отъ правильнаго соблюденія тѣхъ или другихъ обрядовъ, отъ участія въ оргіяхъ, иступленность которыхъ принималась за предвкушеніе духовной жизни, или отъ приобщенія „таинствамъ“, трапезѣ боговъ, которые даютъ человѣку „пищу безсмертія“.

Такого рода вѣрованія, развивающіяся въ связи съ культомъ героевъ и мистеріями отдѣльныхъ боговъ, пользуются общимъ распространеніемъ, но, несмотря на видимое отличіе отъ древняго анимизма или вѣры въ двойниковъ, соединяются съ ними множествомъ переходовъ. Если царство тѣней представляется печальнымъ отраженіемъ дѣйствительности, то острова блаженныхъ или елисейскія поля являются, наоборотъ, отраженіемъ свѣтлымъ и радостнымъ; но въ общемъ и здѣсь и тамъ загробная жизнь представляется воспроизведеніемъ и продолженіемъ жизни дѣйствительной: богатый или бѣдный, воинъ, царь, землепашецъ остаются обыкновенно въ прежнемъ своемъ положеніи; только тѣ, которые обезпечили себѣ лучшее будущее участіемъ въ таинствахъ или правильнымъ погребеніемъ, пользуются особеннымъ блаженствомъ: праздность, изобиліе, безконечныя попойки и пиры въ райскихъ кушахъ или дворцахъ, множество рыбы въ водахъ и дичи въ лѣсахъ, прекрасная охота, лихія схватки, или чувственныя наслажденія—словомъ осуществленіе всѣхъ мечтаній въ мѣрѣ сладкихъ грезъ.

Представленія о загробной жизни въ царствѣ Озириса даютъ хорошую иллюстрацію подобныхъ вѣрованій. Загробная страна Аалу имѣетъ наибольшее сходство съ Нильской дельтой; здѣсь живутъ усопшіе, ѣдятъ и пьютъ, сражаются съ врагами, ходятъ на охоту, играютъ въ шашки—въ крайнемъ случаѣ, за отсутствіемъ партнера, съ своею собствен-

¹⁾ Sophocl. fragm. 753.

ной душой; они приносятъ жертвы, ѣздятъ на лодкахъ и болѣе всего занимаются земледѣліемъ, пашутъ, сѣютъ и жнутъ чудесную, гигантскую пшеницу, родящуюся всегда въ изобиліи. Чтобы обезпечить усопшимъ лучшую участь, имъ принесли жертвы—все для нихъ необходимое—утварь, животныхъ, хлѣба, плоды, рабовъ, наложницъ. Чтобы превратить дѣйствительную посуду въ призрачную, греки ее разбивали; египтяне, наоборотъ, бальзамировали животныхъ, принесенныхъ въ жертву, потому что существованіе *Ка* зависѣло отъ сохраненія тѣла—муміи. Большая стоимость подобныхъ жертвъ въ Египтѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ, навела на мысль замѣнять ихъ статуэтками, изображающими скотъ, домашнюю птицу, рабовъ и рабынь: при посредствѣ магическихъ формулъ, эти куклы должны были получить жизнь въ загробномъ мірѣ. Кромѣ статуэтокъ и рельефовъ на жертвенныхъ столахъ, на стѣнахъ гробницъ мы находимъ множество писанныхъ картинъ, изображающихъ всю жизнь древняго Египта—всевозможныя сельско-хозяйственныя и домашнія работы, охоту, игры и т. д. Эта стѣнная живопись имѣла ту же цѣль, что и статуэткі: мертвый могъ оживить изображенія посредствомъ магическихъ заговоровъ и заставить работать всю нарисованную дворню; онъ кормится нарисованной пищей, охотится за нарисованной дичью и пьетъ нарисованное пиво. Такой шагъ былъ естествененъ: чтобы служить покойнику на томъ свѣтѣ, вещь все равно должна была обратиться въ призракъ, т.-е. въ *живой образъ* (*эйдолонъ*). Но въ крайнемъ случаѣ можно было обойтись и безъ изображеній, ибо магія, сообщавшая имъ жизнь, очевидно, могла создать и самые образы. Магическая формула стала замѣнять жертвы: „царственное жертвоприношеніе да будетъ принесено богу Озирису, чтобы онъ далъ тысячу быковъ, тысячу гусей, тысячу хлѣбовъ усопшему такому-то“... вотъ обычная формула, начертанная на безчисленномъ множествѣ надгробныхъ камней.

Такимъ образомъ и здѣсь загробный міръ является лишь яркимъ, хотя и безплотнымъ отраженіемъ дѣйствительности, волшебнымъ видѣніемъ, вызваннымъ магіей желанія.

Посмертное блаженство, понимаемое как конечное осуществление земных желаний, является здѣсь во всемъ своемъ ничтожествѣ: блаженство египетскаго помѣщика, который тѣшится призраками рабовъ и наложницъ, быковъ и гусей, призраками куколъ и стѣнныхъ рисунковъ; блаженство вѣчной попойки, о которомъ мечтаетъ дикарь, или блаженство вѣчнаго разврата въ загробномъ гаремѣ; блаженство той кровожадной оргіи, какой предается душа дагомейскаго короля, или какая грезится душѣ усопшаго фараона въ выше приведенномъ текстѣ, — все это такіе виды блаженства, которые находятъ себѣ настоящее мѣсто въ аду Сведенборга. Въ буддизмѣ мы находимъ ихъ правильную оцѣнку: надъ всѣми призрачными сферами небесъ помѣщается пробужденіе нирваны.

Итакъ, каковы же основанія той вѣры въ безсмертіе, которая зарождается въ античныхъ религіяхъ? Это *вѣра въ безсмертныхъ боговъ* и *вѣра въ героя*, въ высшее божественное достоинство человѣческой личности, проявляющееся въ его силѣ, доблести и красотѣ. Такая вѣра обуславливается своего рода *откровеніемъ*, поскольку эта высшая цѣнность человѣческой личности, дѣйствительно, *открывается* человѣку, переживается, испытывается имъ на дѣлѣ и порождаетъ въ немъ несомнѣнное убѣжденіе, — такое же убѣжденіе, какое онъ имѣетъ относительно реального существованія своихъ боговъ. Поэтому, какъ ни наивна такая вѣра, ея духовно-нравственнаго значенія и силы, ея убѣдительности умалять нельзя. Съ другой стороны, однако, она несомнѣнно представляетъ весьма шаткое основаніе въ пользу безсмертія души: боги древнихъ оказались мнимыми, блаженство ихъ — призрачнымъ и незавиднымъ. Доблесть героя, его красота и сила не являются достаточнымъ залогомъ безсмертія и не могутъ отмѣнить словъ самаго сильнаго, доблестнаго и божественнаго изо всѣхъ нихъ:

О, Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кн. С. Трубецкой.

Волюнтаристическое учение о волѣ ¹⁾.

3. Чувствованіе активности.

Мы уже говорили, что чувствованіе активности можетъ быть «моимъ» или «даннымъ мнѣ» ²⁾. Если на поверхность нашей руки, лежащей на столѣ, давитъ гиря, мы сознаемъ присутствіе какой-то активности, но приписываемъ ее не себѣ, а гирѣ. Когда мы испытываемъ одну изъ тѣхъ болей, которыя мы называемъ колющими, сверлящими и т. п., мы, поскольку называемъ эти боли такими именами, указываемъ на то, что сознаемъ, можетъ быть, по ассоціаціи идей, присутствіе какой-то активности, но приписываемъ ее опять-таки не себѣ, а чему-то постороннему, что какъ бы колеть, сверлитъ и т. п. Когда мы сами производимъ давленіе на какую-нибудь вещь или вообще совершаемъ произвольное мускульное движеніе, у насъ является психическое состояніе, похожее по качеству на только что указанная, но съ тою разницею, что его мы относимъ къ себѣ: въ этихъ случаяхъ не «что-то дѣйствуетъ», а «я дѣйствую». Какъ мы уже видѣли раньше, это простое, неразложимое чувствованіе сопутствуетъ не только произвольнымъ движеніямъ, но и всѣмъ явленіямъ сознанія, относимымъ нами къ нашему я. Объ этомъ чувствованіи мы и будемъ говорить, но раньше займемся чувствованіемъ внѣшней активности, чтобы показать, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть источникомъ знанія о внутренней активности, и, если ужъ выводить одно изъ другого, то скорѣе изъ знанія о внутренней активности можно выводить знаніе о внѣшней активности.

¹⁾ См. № 62 Вопр. Фил. и Псих.

²⁾ См. выше П. 2.

Чѣмъ интенсивнѣе давленіе или боль, тѣмъ болѣе интенсивною намъ кажется эта внѣ насъ существующая активность, однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что чувствованіе активности есть сознананіе интенсивности ощущенія. Во-первыхъ, нѣкоторыя ощущенія, напр. ощущеніе тепла, свѣта, вовсе не сопровождаются такимъ живымъ нарастаніемъ чувствованія активности, какое мы замѣчаемъ при возрастаніи давленія или нѣкоторыхъ болей, и, наконецъ, во-вторыхъ, мы живо сознаемъ въ приведенныхъ случаяхъ, что боль, давленіе и сознаваемая нами активность того, что производитъ эту боль или давленіе, различны. Если такъ, то для объясненія чувствованія внѣшней активности можно себѣ представить лишь слѣдующіе три пути: или непосредственное сознананіе внѣшней активности (мистическое воспріятіе), или воспріятіе ея съ помощью особаго органа чувствъ, вродѣ того, какъ мы воспринимаемъ звукъ, свѣтъ, или же, наконецъ, воспріятіе активности во внутренней жизни я, перенесенное по ассоціаціи идей на внѣшній міръ.

Всякій, кто высказываетъ первую гипотезу, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не только во внѣшнемъ мірѣ существуетъ активность и непосредственно сознается нами, но и наше я проявляетъ активность и непосредственно сознаетъ ее въ себѣ. Вторую гипотезу никто серьезно не станетъ защищать, и потому отрицаніе непосредственнаго воспріятія внѣшней активности роковымъ образомъ приводитъ къ третьему утвержденію, что матеріаль для этой идеи, все равно, истинная ли она или ложная, данъ не иначе, какъ въ воспріятіи внутренней жизни я и затѣмъ уже переносится на внѣшній міръ. И въ самомъ дѣлѣ, эта послѣдняя гипотеза наиболѣе распространена: она раздѣляется всѣми, кто говоритъ, что, надѣляя природу силами, хотя бы и бессознательными, мы антропоморфируемъ ее.

Итакъ, чувствованіе внутренней активности, чувствованіе активности я не можетъ быть выведено изъ чувствованія внѣшней активности. Теперь однако является вопросъ, принадлежитъ ли чувствованіе активности къ психическимъ состояніямъ центральнаго происхожденія или же оно есть органическое или близкое къ органическимъ ощущеніе (конечно, эта гипотеза по существу утверждаетъ, что у насъ есть органъ для воспріятія активности, однако лишь внутренней).

Среди психологовъ, склонныхъ къ психо-фізіологическому

направленію, существуетъ тенденція принимать чувствованіе активности за ощущеніе, именно, считать его составною частью моторныхъ ощущеній. Такъ какъ эта теорія прямо противорѣчить волонтаризму, то мы подробно разсмотримъ ее сначала въ изложеніи Мюнстерберга ¹⁾, у котораго она перекрещивается съ другою мыслью, также требующею критики. Въ своемъ сочиненіи *Die Willenshandlung* Мюнстербергъ (на стр. 62) рѣшительно заявляетъ, будто современная психологія признаетъ, что всѣ психическія состоянія разлагаются на ощущенія, какъ на свои элементы. Отсюда онъ прямо приходитъ къ выводу, что и «воля есть лишь комплексъ ощущеній». Разсматривая внутренніе волевые акты, напр., произвольное припоминаніе, рѣшеніе задачи и т. п., онъ приходитъ къ слѣдующей мысли: «во всѣхъ случаяхъ произвольнаго движенія представленій ясному сознанію представленія а предшествуетъ другое состояніе сознанія, въ которомъ по содержанію уже заключается представленіе а; въ случаяхъ непроизвольной перемѣны представленію а не предшествуетъ ничего, что бы содержало въ себѣ а. По моему мнѣнію, въ этомъ состоитъ все различіе...» ²⁾.

Если бы все различіе состояло только въ этомъ, то это значило бы, что у насъ нѣтъ особаго чувствованія активности, чувствованія зависимости нѣкоторыхъ явленій отъ нашихъ стремленій; съ этимъ еще можно было бы примириться, если бы можно было утверждать, что, различая произвольныя перемѣны, мы сознательно или полусознательно умозаключаемъ, исходя изъ такой посылки: «если перемѣнѣ а предшествуетъ представленіе а, то перемѣна *зависитъ* отъ меня, отъ моей воли». Но на самомъ дѣлѣ этого нельзя утверждать: если бы процессы въ сознаніи протекали такъ, какъ описываетъ Мюнстербергъ, то понятіе *зависитъ* не имѣло бы никакого другого реальнаго содержанія, кромѣ все того же наблюденія, что представленію а предше-

---

¹⁾ Мы изучаемъ здѣсь прежніе взгляды Мюнстерберга, выраженные въ сочиненіи *Die Willenshandlung*. Въ новомъ сочиненіи *Grundzüge der Psychologie* онъ попрежнему утверждаетъ, что для психологіи (*однако не для нормативныхъ наукъ*) воля есть лишь комплексъ ощущеній, но каждое ощущеніе есть результатъ сенсорно-моторнаго центральнаго процесса и элементъ цѣнности ощущенія онъ относитъ за счетъ моторнаго центральнаго процесса. Такіе взгляды на чувствованіе активности не противорѣчаютъ волонтаризму.

²⁾ Тамъ же, стр. 67.

ствуетъ въ смутной формѣ представленіе а. Мюнстербергъ самъ замѣчаетъ это и говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда внутренніе акты мышленія развиваются спокойно и планомѣрно, у насъ нѣтъ сознанія волевой дѣятельности и «только при послѣдующемъ размышленіи мы признаемъ, что это были волевые акты, при чемъ это познаніе опирается исключительно на тотъ важнѣйшій критерій, что представленіе каждый разъ уже въ предшествовавшей моментъ было дано въ сознаніи» ¹⁾. Итакъ, предшествованіе представленія а представленію а служитъ основаніемъ для холоднаго умозаключенія о томъ, что мы были дѣятельны, а не даетъ еще живого сознанія нашей активности во время самой работы. Поэтому нужно отыскать случаи, когда мы во время самой работы живо сознаемъ себя дѣятельными и опредѣлить, какое условіе, *кроме предшествованія представленія а представленію а*, необходимо для этого. Мюнстербергъ рѣшаетъ эту задачу такъ: «Тамъ же, гдѣ мы уже во время волевого акта сознаемъ о своей внутренней работѣ, налицо всегда существуетъ живое иннервационное чувство; именно въ немъ состоитъ въ особенности чувство внутренней дѣятельности, и сила волевого напряженія есть непосредственное выраженіе интенсивности иннервация» ²⁾. Если отъ *интенсивности* иннервационнаго чувства зависитъ сознаніе волевого напряженія, то, значить, *само это чувство, а не связь его съ послѣдующими состояніями* составляетъ сознаніе активности. Остается только опредѣлить, какое это психическое состояніе, можно ли его считать чисто центральнымъ психическимъ процессомъ, какъ это утверждала старая школа психологовъ и физиологовъ, создавшая терминъ «иннервационное чувство», или оно есть ощущеніе периферическаго происхожденія.

Разсматривая этотъ вопросъ, Мюнстербергъ приходитъ къ мысли, что иннервационное чувство есть воспоминаніе о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ, т.-е. складывается изъ ощущеній суставныхъ, кожныхъ, осязательныхъ, сухожильныхъ и мускульныхъ. Отсюда слѣдовало бы сдѣлать выводъ, что живое чувствованіе активности, сопровождающее произвольную мускульную работу, есть составная часть моторныхъ ощущеній, напр.

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 72.

²⁾ Тамъ же, стр. 72.

есть мускульное ощущеніе. Однако, замѣтивъ, что при этой точкѣ зрѣнія на иннервационное чувство внѣшнія волевая дѣяствія такъ же, какъ и внутреннія, складываются изъ воспріятій (моторныхъ), которымъ предшествуютъ похожія на нихъ представленія (моторныя воспоминанія), Мюнстербергъ перестаетъ искать источника живого чувствованія активности и возвращается къ мысли, что словомъ волевая дѣятельность обозначается только предшествованіе представленія а представленію а; «также и при мускульномъ сокращеніи умозаключили бы мы отсюда» (т.-е. если иннервационное чувство въ самомъ дѣлѣ сводится къ воспоминаніямъ о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ) «то, что называется импульсомъ сводится, кромѣ напряженій въ головѣ» (онъ имѣетъ здѣсь въ виду иннервационное чувство и моторныя ощущенія отъ сокращенія мускуловъ лица при вниманіи), «лишь къ тому обстоятельству, что воспріятію наступившаго эффекта предшествуетъ уже представленіе о немъ» ¹⁾.

Итакъ, у Мюнстерберга перекрещиваются двѣ гипотезы: во-первыхъ, ученіе о томъ, что сознаніе активности есть мускульное ощущеніе и, во-вторыхъ, ученіе о томъ, что сознаніе активности есть сознаніе о предшествованіи представленія а представленію а. Первая гипотеза является у него лишь въ зачаточной формѣ; поэтому мы разберемъ ее дальше, развивая ее болѣе подробно въ связи съ взглядами другихъ психологовъ, а теперь займемся лишь второю.

Во-первыхъ, надобно замѣтить, что Мюнстербергъ противорѣчитъ себѣ: рассматривая внутренніе волевые акты, онъ замѣчаетъ, что предшествованія представленія а представленію а не достаточно для живого сознанія активности, и находитъ это живое чувствованіе во внѣшней волевой дѣятельности, но послѣ анализа ея утверждаетъ, что здѣсь оно тоже происходитъ изъ предшествованія представленія а представленію а. Во-вторыхъ, Мюнстербергъ противорѣчитъ фактамъ: сознаніе активности есть простое неразложимое чувство, а не сложное интеллектуальное состояніе, не холодная идея *предшествованія* представленія а представленію а. Мало того, такое предшествованіе представленія встрѣчается въ дѣятельности, которую мы непосредственно ощущиваемъ, какъ волевою, не всегда: въ неопознанныхъ актахъ

1) Тамъ же, стр. 76.

перемѣнѣ предшествуетъ смутное влеченіе, вовсе не заключающее въ себѣ *представленія* о перемѣнѣ. Наоборотъ, простое чувствованіе активности сопровождается всѣ акты, относимые нами къ волевымъ. Въ-третьихъ, гипотеза Мюнстерберга приводитъ къ абсурднымъ выводамъ, опровергаемымъ дѣйствительностью: согласно его гипотезѣ, въ томъ случаѣ, если бы мы, напр. вспомнили о боѣ часовъ и вдругъ услышали бы тотчасъ вслѣдъ за этимъ дѣйствительный бой часовъ, мы должны были бы относить такую перемѣну къ числу волевыхъ въ такой же мѣрѣ, какъ и процессы мышленія.

Впрочемъ, существованіе болѣе *простою и спеціальною* источника сознанія активности до такой степени очевидно, что гораздо интереснѣе рассмотреть другую гипотезу, ученіе о томъ, что сознаніе активности есть составная часть моторныхъ ощущенийъ, именно мускульное ощущеніе ¹⁾.

Психологи, утверждающіе это, полагаютъ, что внѣшніе волевые акты суть рефлексы, предшествуемые воспоминаніемъ о прежнихъ моторныхъ ощущеніяхъ. Встрѣчая чувствованіе активности во внутреннихъ поступкахъ, они естественно принуждены утверждать, что какъ бы ни были эти перемѣны глубоко внутренними, онѣ сопровождаются все же сокращеніемъ мускуловъ (напр. мускулатуры лица при напряженномъ вниманіи) и задержками ихъ сокращеній, или хотя бы воспоминаніями о прежнихъ сокращеніяхъ мускуловъ (воспроизведеніе моторныхъ элементовъ, входящихъ даже въ самыя общія представленія) ²⁾.

Этотъ основной для философіи вопросъ, влекущій за собою рядъ важнѣйшихъ выводовъ о природѣ воли (отрицаніе воли), о характерѣ сознанія вообще, о личности и т. п., рѣшается нерѣдко съ поразительною легкостью. Въ подтвержденіе приведемъ характерный примѣръ изъ «Психологіи» Тиченера, изъ того мѣста ея, гдѣ онъ поднимаетъ вопросъ, существуетъ ли въ психической жизни, кромѣ ощущенія и аффекта, еще элементъ воли, и приходитъ къ отрицательному выводу. «Волевое сознаніе,—говоритъ Тиченеръ ³⁾,—есть сознаніе, состоящее главнымъ образомъ или, по крайней мѣрѣ, весьма замѣтнымъ обра-

1) См. Рибо: «Психологія вниманія», гл. вторая, III.

2) Тамъ же, глава вторая, II.

3) «Очерки психологіи», перев. Чепинской, стр. 95.

зомъ изъ дѣлаемаго нами усилія. Намъ, значитъ, надо собрать примѣры подобнаго усилія и при помощи многократнаго анализа и построения его вновь убѣдиться въ томъ, что оно не содержитъ въ себѣ какого-нибудь специфическаго сознательнаго процесса, помимо ощущенія и аффекта. Усиліе, совершаемое человѣкомъ, можетъ происходить въ различныхъ сочетаніяхъ. Оно всегда неразлучно съ сильнымъ или продолжительнымъ тѣлеснымъ движеніемъ, съ движеніями, напр. фехтованія или гимнастики съ гириями. Оно заключено въ испытываемомъ нами сопротивленіи, какъ напр., когда мы держимъ дверь, стараясь не впускать ломящагося въ комнату человѣка, или внутренно сопротивляемся какой-нибудь неотвязной заботѣ. Усиліе участвуетъ также въ тѣхъ состояніяхъ души, которыя мы называемъ побужденіемъ, желаніемъ, стремленіемъ, томительнымъ ожиданіемъ, а также въ томъ, что мы называемъ «стараніемъ вспомнить», «стараніемъ сохранить бодрость духа» и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдуетъ произвести самонаблюденіе.

Первое, что обнаруживаетъ самонаблюденіе, это то, что усиліе, подобно идеѣ, есть сложный сознательный процессъ. Содержитъ ли оно въ себѣ специфическое качество—новый сознательный процессъ,—или не содержитъ, оно несомнѣнно заключаетъ въ себѣ ощущенія и аффекты. Аффектъ можетъ быть удовольствіемъ или неудовольствіемъ, смотря по силѣ или степени даннаго усилія. Ощущенія же—это ощущенія напряженія (сухожильнаго) и ощущенія, сопровождающія движеніе (ощущенія кожного и суставнаго давленія и мускульнаго сокращенія).

Никто не станетъ сомнѣваться, что эти два ощущенія имѣютъся налицо въ первыхъ трехъ примѣрахъ усилія: фехтованія, гимнастикѣ съ гириями, напираніи на дверь. Присутствіе этихъ ощущеній въ другихъ упомянутыхъ нами явленіяхъ, повидимому, менѣе ясно.

Мы должны однако помнить, что ощущенія могутъ возникать въ центрѣ (вспоминаемая или воображаемая ощущенія) такъ же, какъ и на периферіи, и что они и въ первомъ, и во второмъ случаѣ одинаково заслуживаютъ названія ощущеній. Поэтому если ощущенія дѣйствительнаго движенія и дѣйствительнаго напряженія могутъ входить въ составъ усилія, то въ составъ его могутъ также входить ощущенія вспоминаемаго или во-

ображаемаго движенія и воспоминаемаго или воображаемаго напряженія. Пусть читатель анализирует свое сознание, когда въ ближайшій разъ подумаетъ: «Я бы желалъ, чтобы наступило скорѣе время обѣда». Онъ увидитъ, что въ желаніи этомъ заключается удовольствіе, соединенное съ идеею обѣда, и также различныя идеи о самомъ себѣ, отправляющемся на обѣдъ, т.-е. совершающемъ извѣстный тѣлесный моціонъ. Если это желаніе очень сильно, то онъ найдетъ въ немъ еще нѣчто большее: тѣло его начнетъ дѣйствительно двигаться, самъ онъ начнетъ подниматься со стула или направится къ умывальнику, или станетъ проводить рукою по волосамъ—воображаемаго движенія и воображаемаго ощущенія смѣшаются съ дѣйствительными движеніями и дѣйствительными ощущеніями, вызванными ими. Или представимъ себѣ, что кто-нибудь пишетъ картину для иллюстраціи фразы: «Я страстно желаю ѣхать въ Италію». Можно было бы изобразить фигуру, сидящую въ креслѣ, наклоняющуюся впередъ, сжавъ руки и пристально устремивъ глаза вдаль, т.-е. пишущій картину постарался бы изобразить, что данное лицо видитъ Италію «духовными очами», представляетъ себѣ путешествіе и, болѣе того, дѣйствительно собирается ѣхать, т.-е. дѣйствительно начинаетъ необходимыя движенія. Здѣсь мы имѣемъ также воображаемое движеніе, центральныя ощущенія напряженія и давленія, смѣшанныя съ дѣйствительными ощущеніями мускуловъ, сухожилій и суставовъ. Наклоненіе тѣла впередъ и пристальное устремленіе глазъ вдаль показываетъ, что идеи даннаго момента пріятны. Или же пусть читатель анализируетъ свое сознание, когда онъ въ ближайшій разъ скажетъ: «Если бы только я могъ вспомнить это имя». Онъ замѣтитъ, что все тѣло его напрягается, когда онъ старается вспомнить имя, что онъ морщитъ лобъ, сдвигаетъ брови, что глаза его блуждаютъ по всей комнатѣ, что, можетъ быть, онъ время отъ времени задерживаетъ дыханіе и закрываетъ глаза съ цѣлью избѣжать развлеченій извнѣ. вмѣстѣ со всѣмъ этимъ исчезаетъ непріятный аффектъ, возникающій благодаря сознанію своей неудачи.

Итакъ, всегда усиліе заключаетъ въ себѣ качество аффекта и совокупность органическихъ ощущеній, и главнымъ образомъ ощущеній сухожильнаго напряженія.

Но затѣмъ наше самонаблюденіе, открывъ эти составныя части усилія, вдругъ останавливается. Отнявъ отъ сложнаго явленія

ощущенія и аффектъ, мы видимъ, что отъ явленія усилія ничего болѣе не остается; ощущение и аффектъ—единственные процессы, которые можетъ обнаружить самонаблюденіе. Если же мы станемъ провѣрять анализъ синтезомъ и попытаемся вновь построить усиліе изъ органическихъ ощущений и аффекта, то придемъ къ тому же результату; этихъ составныхъ частей оказывается достаточно для того, чтобы вызвать усиліе. Поэтому намъ остается только придти къ заключенію, что усиліе не обнаруживаетъ существованія третьяго сознательнаго элемента, а именно предполагаемаго элементарнаго процесса активности.

Итакъ, отгѣнокъ активности, присущій всѣмъ состояніямъ сознания, оказывается съ этой точки зрѣнія не отгѣнкомъ, а цѣлымъ особымъ ощущеніемъ, и при томъ ощущеніемъ моторнымъ. Сразу чувствуется, что эта гипотеза, влетающая во всякій моментъ всякаго процесса нашей душевной жизни моторныя ощущения, невѣроятна. Легко догадаться, почему она явилась. Если сознание активности есть всеобщій отгѣнокъ душевныхъ процессовъ, отгѣнокъ, какъ и всѣ отгѣнки, неотдѣлимый реально отъ самого содержанія процессовъ (какъ тембръ неотдѣлимъ отъ тона), и если этотъ отгѣнокъ сильнѣе всего чувствуется въ связи съ моторными ощущениями, то въ психологіи должна была явиться гипотеза, цѣликомъ относящая сознание активности при мускульныхъ сокращеніяхъ за счетъ периферическихъ раздраженій и стремящаяся объяснить всякое сознание активности сокращеніями мускуловъ или, по крайней мѣрѣ, воспоминаніями о нихъ.

Чтобы убѣдиться въ ошибочности этой мысли, подвергнемъ анализу моторныя ощущенія. Какъ извѣстно, они складываются изъ ощущений осязательныхъ, получающихся отъ растяженія кожи, изъ ощущений въ суставахъ и сухожиліяхъ и, наконецъ, изъ мускульныхъ ощущений, получающихся, вѣроятно, отъ сдавливанія центростремительныхъ нервныхъ волоконъ, заканчивающихся въ мускулахъ, быть можетъ, въ соединительной ткани между мускульными волокнами. Сюда присоединяютъ еще «иннервационныя ощущенія», которыя прежде считались ощущеніями центральнаго происхожденія, но теперь обыкновенно, находятъ, что факты, приводимые въ пользу ихъ существованія (наблюденія надъ паралитиками и ампутированными) удовлетворительно объясняются воспоминаніями о прежнихъ движеніяхъ, предше-

ствующими и сопутствующими новому движению. Следовательно, этот элемент моторных ощущений по качеству ничего нового къ старымъ элементамъ не прибавляетъ¹⁾, и потому въ дальнѣйшемъ анализѣ мы можемъ разсматривать лишь три первые элемента. Чтобы получить ихъ въ чистомъ видѣ, отдѣлимъ отъ нихъ, хотя бы мысленно, всѣ постороннія примѣси. Во-первыхъ, выдѣлимъ сознаніе объективности, являющееся въ особенности въ связи съ ощущеніемъ твердости, вообще сопротивленія. Этотъ элементъ явственно примѣшивается не только къ ощущеніямъ моторнымъ, но и къ ощущеніямъ зрительнымъ и слуховымъ, и въ слабой, иногда очень слабой формѣ входитъ во всѣ другія ощущенія, даже ощущенія голода, жажды и т. п. Сдѣлавъ этотъ анализъ, уже нетрудно выполнить еще одну задачу, именно отдѣлить отъ моторныхъ ощущений представленія пространства (иногда даже по ассоціаціи идей представленія пространства, связанныя съ зрительными воспоминаніями, оказываются тѣсно сросшимися съ моторными ощущеніями). Мысленно сравнивая оставшіяся послѣ такого анализа ощущенія, мы найдемъ, что они все же рѣзко отличаются отъ другихъ ощущеній, напр. ощущенія тепла, прикосновенія, вкуса и т. п., своимъ элементомъ активности. Сознаніе активности въ такой же мѣрѣ отличается отъ ощущений, какъ и чувственный тонъ ощущений; если мы относимъ отгѣнокъ пріятности и непріятности, присущій всѣмъ состояніямъ нашего сознанія, въ особый отдѣлъ, приписывая ему болѣе субъективное значеніе, чѣмъ ощущеніямъ, то является предположеніе, что и сознаніе активности по ошибкѣ попало въ разрядъ ощущений. И въ самомъ дѣлѣ, особый характеръ этого чувствованія настолько замѣтенъ, что ни одному психологу не приходитъ въ голову относить его за счетъ осязательныхъ раздраженій отъ растяженія кожи при движеніи: слишкомъ хорошо извѣстно, что они ничего подобнаго дать не могутъ. Суставнымъ раздраженіямъ можно бы навязать эту роль, такъ какъ они менѣе извѣстны, однако сходство между процессами тренія кожи и суставныхъ поверхностей составляетъ многихъ (однако не всѣхъ) психологовъ воздержаться отъ мысли, будто *изъ суставовъ приходитъ въ наше сознаніе чувствованіе активности*. Итакъ, остается лишь прибѣгнуть къ му-

1) См. Wundt, *Physiol. Psychologie*, 4. изд., I. т., стр. 422—426.

скульному или сухожильному чувству, тѣмъ болѣе, что пассивныя движенія не сопровождаются чувствованіемъ активности въ его наиболѣе яркой формѣ. Процессы раздраженія въ мускулахъ по внѣшности менѣе напоминаютъ намъ осязаніе, наконецъ, представленіе о сокращеніи мускульнаго тѣла, какъ всѣ представленія о движеніи, живо связано у насъ съ идеею активности (почему это такъ, этотъ вопросъ должна рѣшать гносеология), и поэтому мы легко примираемся съ странною мыслью будто бы это чувствованіе возникаетъ у насъ отъ давленія мускула на периферію заканчивающихся въ немъ нервовъ. Однако и этотъ процессъ по существу ничѣмъ не отличается отъ осязанія; мускульныя ощущенія нерѣдко причисляются даже на ряду съ суставными къ внутреннимъ осязательнымъ ощущеніямъ. Поэтому если мы сомнѣваемся, что осязаніе можетъ быть источникомъ чувствованія активности, то намъ остается окончательно остановиться на предположеніи, что оно не есть ощущеніе, что оно зависитъ отъ центральныхъ процессовъ и путемъ болѣе тонкаго анализа могло бы быть отдѣлено отъ моторныхъ ощущеній. Для такого анализа можно создать также облегчающія его внѣшнія условія, именно наблюдать не акты сокращенія мускуловъ, а психическія состоянія, которыя являются тогда, когда мускульныя ощущенія возникаютъ у насъ, какъ и большинство осязательныхъ ощущеній, отъ раздраженій, *не зависящихъ отъ насъ*. Таковы рефлексъ или, напр., сокращенія мускуловъ отъ электрическаго тока.

Наблюденія надъ такими мускульными ощущеніями дѣлались въ экспериментальной психологіи, но всѣ они производились не для опредѣленія качества этихъ ощущеній, а съ иными цѣлями, напр. съ цѣлью опредѣлить, какъ оцѣнивается величина движенія на основаніи такихъ ощущеній. Поэтому я вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ врачомъ Василиемъ Федоровичемъ Ланге произвелъ рядъ опытовъ, задавшись лишь цѣлью сравнить въ отношеніи элемента активности такія мускульныя ощущенія съ ощущеніями отъ произвольныхъ движеній. При этомъ а priori можно было ожидать, что къ чисто периферическимъ мускульнымъ ощущеніямъ, хотя бы они были такъ же пассивны, какъ зрительныя ощущенія, могутъ присоединяться по ассоціаціи идей воспоминанія объ элементахъ произвольнаго движенія. Поэтому даже и въ томъ случаѣ, если бы результаты опытовъ прямо

противорѣчили мыслямъ, высказаннымъ въ этой статьѣ, это еще не значило бы, что онѣ опровергнуты фактами. Далѣе, такъ какъ чувствованіе активности входитъ также во всякое произвольное воспріятіе (въ формѣ сознанія усилія для воспріятія, хотя бы лишь для сосредоточенія вниманія) и, кромѣ того, входитъ въ очень многія воспріятія внѣшняго міра (напр. въ воспріятіе движенія, столкновенія двухъ тѣлъ и т. п.), въ формѣ сознанія внѣшней активности (активности не моей, а принадлежащей внѣшнему міру), то нужно было ожидать, что во всякомъ случаѣ въ какой-либо формѣ чувствованіе активности встрѣтится и при мускульныхъ сокращеніяхъ чисто периферического происхожденія, такъ что потребуетъ большая наблюдательность, во-первыхъ, чтобы отличить его отъ чувствованія внутренней активности («я дѣйствую») при произвольномъ движеніи, и, во-вторыхъ, чтобы опредѣлить, можетъ ли такое чувствованіе активности послужить первоначальнымъ источникомъ для развитія чувствованія внутренней активности. Эти предположенія и оправдались въ дѣйствительности.

Опытамъ подвергались шесть лицъ. Сокращеніе вызывалось электрическимъ токомъ, постояннымъ и переменнымъ. Чтобы уничтожить мѣшающія наблюденію кожныя ощущенія отъ электрическаго тока, мы въ нѣкоторыхъ опытахъ кокаинизировали кожу. Впрочемъ, особенной надобности въ этомъ не было, такъ какъ при нѣкоторомъ навыкѣ легко отвлечься отъ этихъ добавочныхъ ощущеній. Рефлекторное раздраженіе мышцъ оказалось менѣе подходящимъ для опытовъ: оно вызывается съ бѣльшимъ трудомъ, и къ тому же ударъ перкуссионнымъ молоточкомъ по сухожилию слишкомъ отвлекаетъ вниманіе. Впрочемъ, рефлекторное раздраженіе мышцъ брюшного пресса прикосновеніемъ быстро движущагося холоднаго предмета (металлической рукоятки молотка) даетъ хорошіе результаты. Болѣе подробнаго описанія этихъ опытовъ я не даю, такъ какъ нахожу, что количество ихъ было не достаточно велико для того, чтобы придавать имъ рѣшающее значеніе.

Опыты показали, что моторныя ощущенія отъ чисто периферического раздраженія дѣйствительно отличаются отъ моторныхъ ощущеній произвольнаго движенія; они болѣе похожи на органическія ощущенія вообще, однако сознаются не въ такой мѣрѣ пассивными, какъ большинство органическихъ ощущеній или

какъ зрительныя ощущенія, напр., потому что въ нихъ входитъ сознаніе внѣшней активности. Впрочемъ, этотъ элементъ присутствуетъ въ нихъ настолько, насколько, напр., въ боляхъ, называемыхъ колющими, рвущими, стрѣляющими. Онъ особенно повышается, если лицо, знакомое съ анатоміей, во время опыта представляетъ себѣ, что у него въ тѣлѣ сократилась и передвинулась значительная масса мускула. Наоборотъ, если такихъ добавочныхъ ассоціаций нѣтъ, сокращеніе дѣйствительно обширной массы мускула, напр., *vastus externus* даетъ широкое чисто органическое ощущеніе. Наблюдая такое ощущеніе, не удивляешься тому, что люди необразованные, почувствовавъ рядъ рефлекторныхъ сокращеній, быстро смѣняющихся другъ друга (напр., мускуловъ лица), говорятъ иногда: «это кровь переливается», т.-е. приравниваютъ свое состояніе къ *осязательнымъ ощущеніямъ* отъ прикосновенія движущагося предмета. Чувствованіе внѣшней активности, входящее въ составъ моторныхъ ощущеній отъ чисто периферическаго раздраженія, до такой степени отличается отъ чувствованія внутренней активности, сопутствующаго произвольнымъ движеніямъ (не «рука поднимается», а «я поднимаю руку»), что нельзя себѣ представить, чтобы изъ перваго получалось второе. Допуская такое происхожденіе чувствованія внутренней активности, пришлось бы допустить также, что изъ ощущенія колющей или рвущей боли можетъ развиваться идея активности я.

Надъ самимъ собою мнѣ удалось произвести болѣе сложныя наблюденія, именно удалось замѣтить сходство моторныхъ ощущеній, получившихся въ опытахъ, съ другими органическими ощущеніями пассивнаго характера; обсуждая причины такихъ ощущеній, я находилъ, что они или завѣдомо происходятъ отъ рефлекторнаго сокращенія мышцъ, или съ большою вѣроятностью могутъ быть объяснены такъ. Эти наблюденія не были подтверждены моимъ товарищемъ и другими подвергавшимися опытамъ лицами, но это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что они менѣе занимались этимъ вопросомъ, тогда какъ у меня въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ежесекундно часть вниманія была направлена на то, чтобы отмѣчать всѣ ощущенія, похожія на ощущенія, пережитыя во время опытовъ. Состояніями, сходными съ моторными ощущеніями отъ электрическаго раздраженія, оказались слѣдующія: легкое чувство голода, въ особенности тогда, когда желудокъ находится въ состояніи вполнѣ нормальномъ и, вѣроятно, пусть,

т.-е. не раздражается какими-либо застоявшимися остатками пищи; легкое чувство тошноты; рефлекторное чрезвычайно длительное сокращение мышц ноги, являющееся иногда во время сильной усталости (у человека, очень утомленного и сидящего на стуль, въ этихъ случаяхъ ноги нѣсколько приподнимаются, такъ что опираются лишь на пальцы и остаются въ этомъ положеніи иногда съ $\frac{1}{4}$ минуты; ощущеніе при этомъ получается настолько пассивное, напоминающее вообще чувство усталости, и движеніе ногъ совершается сравнительно такъ медленно, что нужно специальное наблюденіе надъ этимъ явленіемъ для того, чтобы признать въ немъ рефлекторное сокращеніе мышцъ); чувство физической усталости вообще (извѣстно, что во время физической усталости мышцы раздражаются продуктами разложенія и подерживаются въ напряженномъ состояніи); ощущенія отъ зѣвка, рефлекторнаго или начатаго произвольно, но продолжающагося, какъ это часто бываетъ, автоматически; ощущенія отъ потягиванія, когда оно, какъ это иногда бываетъ, переходитъ изъ произвольнаго въ какое-то какъ бы произвольное движеніе.

Изложенныя нами теоретическія соображенія, а также описанныя наблюденія, количество которыхъ, какъ мы сами это знаемъ, нужно все же увеличить, показываютъ, что актъ произвольнаго сокращенія мускуловъ заключаетъ въ себѣ не только воспоминанія о прежнихъ сокращеніяхъ, происшедшихъ рефлекторно, но и еще какой-то элементъ, именно чувство активности, необъяснимое центростремительными токами. Полученный выводъ можетъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что мы вернулись къ старой теоріи «иннервационныхъ ощущеній», допускавшей ощущенія, совершенно особаго характера, именно чисто центральнаго происхожденія. Однако такое сопоставленіе, несмотря на долю истины, заключающуюся въ немъ, нежелательно, потому что эта старая гипотеза возникла главнымъ образомъ вслѣдствіе анатомическихъ затрудненій въ истолкованіи мускульныхъ ощущеній (предполагалось, что въ мускулахъ нѣтъ центростремительныхъ нервовъ), а потому была слишкомъ узка и соединена съ заблужденіями; эта узость ея выразилась даже въ терминѣ «иннервационныя ощущенія». Приписывая этому состоянію сознанія чисто центральное происхожденіе, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что оно *не ощущеніе*, и даже если бы мы предполагали вмѣстѣ со сторонниками старой гипотезы, что сознаніе актив-

ности соотвѣтствуетъ нервному разряду, непосредственно влекущему за собою иннервационный токъ, мы должны были бы, какъ мы и дѣлаемъ это, утверждать, что *сознаваніе активности вовсе не находится въ какой-то наиболее тѣсной связи съ мускульными сокращеніями*, но что оно сопутствуетъ *всѣмъ перемѣнамъ* въ нашемъ сознаніи. Въ самомъ дѣлѣ, гипотетическая картина нервного разряда влекущаго за собою иннервационные токи, ничѣмъ не отличается отъ ассоціационныхъ токовъ, распространяющихся къ другимъ центрамъ мозга, напр., въ томъ случаѣ, когда мы сосредоточиваемъ вниманіе на идеѣ причинности и начинаемъ такимъ образомъ возбуждать въ воспоминаніи ряды связанныхъ съ нею идей, т.-е. начинаемъ мыслить. Если разряды, предшествующіе мускульному сокращенію, связаны съ чувствованіемъ активности, то и эти разряды должны сопровождаться тѣмъ же состояніемъ сознанія.

Мы пришли къ убѣжденію, что сознаніе активности не есть мускульное ощущеніе. Отсюда получается слѣдующій выводъ: упомянутые выше психологи, утверждающіе, что наше сознаваніе активности, истолковываемое нами какъ свидѣтельство нашей дѣйствительной активности, есть иллюзія, доказываютъ свою мысль тѣмъ, что сознаваніе активности есть мускульное ощущеніе; но этотъ аргументъ ложенъ, слѣдовательно, выводъ, опирающійся на него, не доказанъ. Изъ этого отрицательнаго результата получается очень важное положительное слѣдствіе. Мы можемъ теперь настаивать на томъ, что чувствованіе активности указываетъ не на иллюзорную, а на дѣйствительную активность нашего я. Мы имѣемъ право на это, потому что *opus probandi* лежитъ на нашихъ противникахъ, сомнѣвающихся въ правильности ежеминутно переживаемаго нами свидѣтельства нашего сознанія, которому мы, наоборотъ, доверяемъ. Наша задача состоитъ лишь въ томъ, чтобы опровергать аргументы своихъ противниковъ, если они явятся.

Конечно, кромѣ упомянутыхъ противниковъ, у насъ есть еще другіе, съ которыми намъ нужно справиться, если мы хотимъ отстаивать права непосредственнаго сознанія. Однако раньше, чѣмъ перейти къ нимъ, мы разсмотримъ еще одинъ вопросъ: почему такой *всеобщій* элементъ, какъ сознаваніе активности, отчасти отрицается совершенно психологами, отчасти въ тѣхъ случаяхъ, когда его замѣчаютъ, отождествляется съ другими состояніями сознанія.

Пожалуй, именно всеобщность этого элемента и вредитъ его изученію. Какъ извѣстно, мы различаемъ прежде всего тѣ элементы, которые сами облегчаютъ намъ эту работу, вступая въ различныя комбинаціи съ другими элементами сознанія, то встрѣчаясь въ соединеніи съ ними, то выходя изъ этого соединенія. Къ счастью еще, сознаніе активности, хотя и никогда не исчезающее вполнѣ, во-первыхъ, мѣняется по интенсивности, и, во-вторыхъ, сопутствуетъ самымъ разнороднымъ въ другихъ отношеніяхъ состояніямъ, а потому не остается совсѣмъ недифференцированнымъ, хотя и съ трудомъ различается. Къ тому же мы и не даемъ себѣ труда обращать вниманіе на этотъ элементъ сознанія. Повинуясь практическимъ потребностямъ, мы, какъ уже сказано выше, пропускаемъ всѣ подготовительныя промежуточныя стадіи всякаго процесса (воспріятія, припоминанія, размышленія) и обращаемъ вниманіе лишь на болѣе или менѣе устойчивый результатъ (отчетливое воспріятіе, воскресшую въ памяти идею, выводъ), сохраненіе котораго въ сознаніи уже не требуетъ большихъ усилій, такъ что достигнутое кажется намъ не актомъ, а состояніемъ. Если же мы и обратимъ вниманіе на эти стадіи душевныхъ процессовъ, мы впадаемъ въ еще худшую ошибку: замѣтивъ въ нихъ элементъ активности, мы называемъ эти стадіи процессовъ словами стремленіе, желаніе, влеченіе, намѣреніе, рѣшеніе и начинаемъ считать ихъ типичными и единственными образцами проявленія воли. Впослѣдствіи же, когда анализъ показываетъ, что эти стадіи процессовъ суть сложные комплексы состояній, что чувство и познаніе входятъ въ нихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и въ другіе конечные результаты дѣятельностей, возникаетъ ошибочная мысль, что состояній сознанія, подходящихъ подъ понятіе волевыхъ, вовсе нѣтъ, а потому и воли нѣтъ. Эта путаница возникаетъ тѣмъ естественнѣе, что и въ самомъ дѣлѣ особыхъ состояній сознанія, подходящихъ подъ понятіе воли, нѣтъ, но за то въ каждомъ состояніи сознанія есть элементъ, отгѣнокъ активности, приводящій къ понятію воли.

4. Воля и законъ причинности.

На основаніи обобщенія, установленнаго нами выше, понятіе воли можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: *воля есть активность сознанія, проявляющаяся въ томъ, что каждое состояніе со*

знанія, непосредственно чувствуемое, какъ «мое», причиняется «моими» стремленіями, и выражающаяся въ чувствованіи активности.

Итакъ, воля есть не что иное, какъ причинность сознанія. Съ точки зрѣнія волонтаризма слово воля можно было бы даже уничтожить и замѣнить выраженіемъ причинность сознанія или активность сознанія. Однако старое слово воля, влекущее за собою массу глубоко укоренившихся предразсудковъ и въ этомъ смыслѣ опасное, приходится все-таки ради удобства сохранить, потому что причинность сознанія есть одинъ изъ частныхъ видовъ причинности вообще и, какъ видъ своеобразный, онъ требуетъ особаго наименованія. Эта необходимость въ особомъ названіи тотчасъ же выяснится, если мы опредѣлимъ, какіе признаки мыслятся нами въ родовомъ понятіи причинности, по крайней мѣрѣ въ современной эмпирической наукѣ, и въ видовомъ понятіи волевой причинности.

При всякой точкѣ зрѣнія подъ причину разумѣется то условіе, при наличности котораго данный фактъ происходитъ съ необходимостью. Современная эмпирическая наука смотритъ на эту необходимость, обыкновенно, такъ, какъ будто бы она обнаруживается лишь въ формѣ необходимой связи во времени. Поэтому для изученія этой связи она пользуется научною индукціею, именно подборомъ фактовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ метода единственнаго совпаденія или различія. Большинство другихъ точекъ зрѣнія на необходимость причинной связи включаетъ въ себя и признаки, указываемые эмпирическою наукою. Поэтому можно сказать, что родовое понятіе причинности, общее для всевозможныхъ точекъ зрѣнія, заключаетъ въ себѣ признаковъ необходимой связи, а родовое понятіе причинности въ современной эмпирической наукѣ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе признаки: 1. необходимая связь, 2. обнаруживающаяся во временномъ порядкѣ, 3. открываемая методомъ единственнаго совпаденія или различія.

Въ нашемъ понятіи волевой причинности есть всѣ эти элементы, но къ нимъ присоединяются еще три очень важные признака. Во-первыхъ, волевая причинная связь обнаруживается не только во временномъ порядкѣ, но и *непосредственно сознается* въ чувствованіи активности. Во-вторыхъ, между причиною и дѣйствиемъ въ этой причинности всегда существуетъ своеобразное соотвѣтствіе, давшее намъ право называть всякое волевое

дѣйствиѣ *цѣлестремительнымъ актомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, причиною такого акта всегда служитъ стремленіе къ перемѣнѣ (часто не опознанное), а дѣйствиѣ есть перемѣна, наступающая съ чувствованіемъ удовлетворенія или неудовлетворенія, при чемъ въ первомъ случаѣ оно представляется намъ осуществленіемъ какого-либо стремленія, а во второмъ случаѣ неосуществленіемъ какого-либо стремленія. Въ-третьихъ, волевая причинность всегда отличается *творческимъ* характеромъ. Дѣйствиѣ заключаетъ въ себѣ здѣсь новые элементы въ сравненіи съ причиною, оно не есть простая перекомбинировка элементовъ причины, какъ это бываетъ въ причинныхъ рядахъ механическихъ явленій. Въ какой-нибудь, напр., картинѣ воображенія, рисующей горную страну, заключается нѣчто большее, чѣмъ то, что было въ стремленіи построить картину и въ отдѣльныхъ элементахъ (водопадъ, снѣжные вершины и т. п.), которыми мы воспользовались по воспоминанію.

Итакъ, причинность сознанія заключаетъ въ себѣ столько своеобразныхъ видовыхъ признаковъ, что должна быть выдѣлена въ особую группу волевой причинности, дѣятельности по цѣлямъ. Пользуясь словомъ воля въ такомъ смыслѣ, мы не злоупотребляемъ этимъ терминомъ. Въ самомъ дѣлѣ въ нашемъ понятіи причинности сознанія сохраняются два наиболѣе важные признака всѣхъ положительныхъ ученій о волѣ: *цѣлестремительность* волевыхъ актовъ и *свобода* ихъ, конечно, *относительная*, т.-е. зависимость ихъ не отъ внѣшнихъ условій, а отъ *самого сознанія* (отъ стремленій).

Въ то же время мы имѣемъ право называть волю причинностью сознанія, такъ какъ всѣ признаки понятія причинности заключаются въ нашемъ понятіи воли. Между этими двумя понятіями въ такой же мѣрѣ нѣтъ противорѣчій, какъ и между понятіемъ собаки и млекопитающаго. Вообще, между телеологією и причинностью вовсе нѣтъ той противоположности, которую предполагаютъ, обыкновенно, естествоиспытатели, не занимающіеся всестороннею критикою этихъ понятій. Всякій рядъ явленій, обусловливающихъ другъ друга, можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, или какъ рядъ причинъ и дѣйствій, или какъ рядъ средствъ и цѣлей ¹⁾. Но этого мало, если

¹⁾ См. Wundt, Logik, 2-е изд., 1. т., стр. 642—646.

согласиться съ волонтаризмомъ, то телеологическое и причинное разсмотрѣніе рядовъ событій суть не двѣ различныя, а одна и та же точка зрѣнія, по крайней мѣрѣ, въ психической жизни.

Такъ какъ причинная связь между явленіями психической жизни обнаруживается не только во временномъ порядкѣ ихъ, но и непосредственно усматривается благодаря чувствованію активности, то строить индуктивныя обобщенія въ психологіи легче, чѣмъ въ наукахъ о физическомъ мірѣ. Конечно, это не значить, что изучать связи психическихъ явленій можно безъ всякаго труда, просто наблюдая смѣну психическихъ явленій и сразу на основаніи одной пары явленій строя индуктивное обобщеніе. Въ нашей душѣ всегда сосуществуетъ множество стремленій, чувствъ и представленій, которыя не остаются безъ послѣдствій, и потому нерѣдко вслѣдствіе недифференцированности чувствованія активности и неравномѣрной опознанности душевныхъ состояній, а также вслѣдствіе плохого наблюденія мы невѣрно объясняемъ связь явленій въ своей душѣ. Напримеръ, человѣкъ, нашедшій потерянную вещь и, съ безпокойствомъ оглядываясь во всѣ стороны, припрятавшій ее, можетъ отдать ее по принадлежности изъ страха, но воображать, будто отдалъ ее изъ состраданія къ обезпокоенному владѣльцу. Для того, чтобы рѣшить, совершается ли поступокъ нѣкоторымъ я, поскольку оно боится или поскольку оно страдаетъ, нужно нѣсколько разъ наблюдать это я въ аналогичныхъ, удовлетворяющихъ требованіямъ метода различія или совпаденія положенійхъ. Пособіе при изслѣдованіи, оказываемое непосредственнымъ чувствованіемъ активности, состоитъ всего лишь въ томъ, что оно возбуждаетъ въ насъ *догадку*, какія пары психическихъ явленій причинно связаны, но эту догадку затѣмъ нужно провѣрить обычнымъ путемъ—методами индукціи. Однако, если бы у насъ не было чувствованія активности, у насъ никакъ не могла бы возникнуть догадка о томъ, какія явленія связаны между собою,—догадка, служащая исходнымъ пунктомъ индуктивнаго изслѣдованія. Если я сижу въ лѣсу, люблюсь красивымъ ландшафтомъ, слышу въ то же время свирѣль пастуха и вспоминаю игру пастуха въ «Тангейзерѣ», а потомъ, слышавъ шорохъ въ травѣ, подмѣчаю въ себѣ чувство страха, и оглядываясь во всѣ стороны, непонятно, какимъ образомъ я могъ бы выдѣлить изъ

сложнаго цѣлаго связь *именно послѣдней пары* явленій, если бы у меня не было непосредственнаго чувства ихъ связи.

Согласно этому теорія индуктивнаго умозаключенія о психическихъ связяхъ должна быть измѣнена. Мало того, индуктивное изслѣдованіе физическихъ явленій не можетъ кореннымъ образомъ отличаться отъ индуктивнаго изслѣдованія психическихъ процессовъ, и потому вслѣдъ за этимъ можно поставить вопросъ, нѣтъ ли у насъ непосредственнаго воспріятія также и причинной связи явленій внѣшняго міра. Однако всѣ эти вопросы относятся къ области гносеологіи, и потому должны составить особое изслѣдованіе, которымъ мы надѣемся заняться впослѣдствіи.

5. Волюнтаризмъ и интеллектуализмъ.

Слово волюнтаризмъ легко можетъ подать поводъ къ сопоставленію этого направленія съ интеллектуализмомъ, несмотря на то, что по существу никакой аналогіи здѣсь нѣтъ. Интеллектуализмъ утверждаетъ, что всѣ психическія состоянія суть модификаціи мышленія (раціоналисты XVII вѣка) или, по крайней мѣрѣ, полагаютъ, что познавательныя состоянія, напр. представленія, составляютъ основу всей душевной жизни, а явленія чувства и воли надстраиваются надъ ними, какъ побочный результатъ ихъ дѣятельности (гербартианцы). Ничего подобнаго не можетъ утверждать волюнтаризмъ уже потому, что психическое состояніе, въ которомъ обнаруживается воля, какъ причинность сознанія, есть однообразное, варьирующее лишь по интенсивности чувствованіе активности. Само собою разумѣется, изъ одного этого элемента никто еще не пытался построить душевную жизнь. Онъ важенъ лишь постольку, поскольку указываетъ на волю, какъ активность сознанія. Слѣдовательно, понятіе воли господствуетъ въ волюнтаристической психологіи, поскольку подъ волею мыслится *свойство* индивидуальнаго сознанія быть активнымъ, а не *особое состояніе сознанія*. Отсюда ясно, что никакой аналогіи между интеллектуализмомъ и волюнтаризмомъ нѣтъ.

Однако надобно сознаться, что сами волюнтаристы, пользуясь терминомъ воля въ различныхъ, неопредѣленныхъ точно значеніяхъ, даютъ поводъ къ такимъ сопоставленіямъ. Такъ какъ всякій актъ психической жизни зависитъ отъ стремленій, то волюнтаристы нерѣдко разумѣютъ подъ волею не только зави-

симость состояній сознанія отъ стремленій, но и самыя стремленія. Такая точка зрѣнія, во-первыхъ, вноситъ путаницу въ понятія, такъ какъ разумѣетъ подъ волею то причинность сознанія, то самую причину явленій личной жизни, и, во-вторыхъ, ставитъ волюнтаризмъ на одну доску съ интеллектуализмомъ, такъ какъ, выдѣляя стремленія въ особую группу воли, она признаетъ примать стремленій и считаетъ ихъ основой другихъ состояній сознанія совершенно такъ же, какъ интеллектуализмъ признаетъ примать представленій и считаетъ ихъ основой другихъ состояній сознанія. Между тѣмъ волюнтаризмъ, хотя онъ и въ самомъ дѣлѣ признаетъ примать стремленій, вовсе не придаетъ психологій того односторонняго характера, который она получаетъ въ интеллектуализмѣ. Стремленія вовсе не могутъ быть выдѣлены въ особую рубрику *рядомъ* съ чувствованіями, представленіями и т. п., потому что они заключаютъ въ себѣ всѣ эти элементы. Всякое опознанное стремленіе, напр., есть представленіе поставленной цѣли, но представленіе своеобразно окрашенное чувствованіемъ лишенія, недостатка и сознаніемъ о затрачиваемой энергіи для достиженія цѣли. Неопознанныя стремленія, наши влеченія, инстинкты и т. п., повидимому, составляютъ то активное недифференцированное цѣлое, изъ котораго впоследствии развиваются всѣ дифференцированные элементы высшей духовной жизни—отчетливое сознаніе активности, чувствованіе, знаніе и т. п. Поэтому признавая примать стремленій, волюнтаризмъ не выдвигаетъ на первый планъ ни одного изъ тѣхъ *элементарныхъ* явленій, которыя обособляются нами въ абстракціи при анализѣ высшихъ формъ душевной жизни. Однако, повторяю, поводъ къ такому обвиненію дали сами волюнтаристы, относя стремленія въ рубрику воли. Только этою ошибкою ихъ и можно объяснить то, что такой осторожный критикъ, какъ Освальдъ Кюльпе, заканчиваетъ свою оцѣнку волюнтаризма во «Введеніи въ философію» слѣдующими словами: «Результатомъ этой критики волюнтаризма является отнюдь не признаніе правоты интеллектуализма, а познаніе того, что ни одно изъ элементарныхъ явленій нашей психической жизни не можетъ быть признано безусловно первичнымъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, и интеллектуализмъ, и волюнтаризмъ—оба неправы» ¹⁾).

1) „Введеніе въ философію“, пер. подъ редакцію Струве, стр. 242.

6. Логически возможные учения о волѣ.

Перечисленіе логически возможныхъ ученій о волѣ намъ нужно для того, чтобы сопоставить ихъ съ волюнтаризмомъ и такимъ образомъ подчеркнуть его особенности. Поэтому, классификацію ученій о волѣ мы построимъ на основаніи существенныхъ признаковъ, входящихъ въ волюнтаристическое понятіе воли, и проведемъ рядъ подраздѣленій до конца лишь въ томъ классѣ и отдѣлѣ, къ которому относится волюнтаризмъ. Волюнтаризмъ разумѣтъ подѣ волею *свойство* индивидуальнаго сознания, *активность*, какъ способность осуществлять стремленія и соответствующее этому основному свойству особое основное *состояніе* сознания, *чувствованіе активности*. Опираясь на эти два признака, можно намѣтить слѣдующія формы ученій о волѣ:

I. Отрицательныя ученія о волѣ, именно ученія, отрицающія активность индивидуальнаго сознания, какъ способность осуществлять стремленія.

II. Положительныя ученія о волѣ, именно ученія, признающія активность индивидуальнаго сознания, какъ способность осуществлять стремленія.

Отрицательныя ученія могутъ быть подраздѣлены на два отдѣла:

1. Ученія о полной пассивности сознания.

2. Ученія о причинности индивидуальнаго сознания, но безъ цѣлестремительности, безъ способности ставить цѣли и осуществлять ихъ, т.-е. ученія о слѣпой причинности сознания.

Соответственно второму признаку волюнтаристическаго понятія воли эти отдѣлы отрицательныхъ ученій можно подраздѣлить такъ:

а) Ученія, отрицающія существованіе особаго класса состояній сознания, заносимыхъ въ рубрику воли.

б) Ученія, признающія существованіе особаго класса состояній сознания, заносимыхъ въ рубрику воли, хотя и не имѣющихъ значенія, приписываемаго имъ положительными ученіями.

Продолжать это дѣленіе отрицательныхъ ученій для нашихъ цѣлей нѣтъ надобности, и потому мы вернемся къ положительнымъ ученіямъ о волѣ. Ихъ можно разбить на два отдѣла:

а. Ученія о томъ, что волевые акты, т.-е. возникновеніе стремленій и осуществленіе ихъ, причинно обусловливается характеромъ индивидуальнаго сознания.

в. Ученія о безпричинности волевыхъ актовъ.

Послѣдній отдѣлъ не играетъ никакой роли въ эмпирической психологiи; поэтому мы не будемъ слѣдить за нимъ дальше, а займемся лишь первымъ отдѣломъ, который можно подраздѣлить на:

1. Ученія, признающія, что лишь нѣкоторыя состоянія сознания, относимыя нами къ нашему я, суть волевые акты.

2. Ученія, признающія, что всѣ состоянія сознания, относимыя нами къ нашему я, суть волевые акты (волонтаризмъ).

Для наглядности это дѣленіе ученій о волѣ можно вкратцѣ выразить слѣдующимъ образомъ:

Отрицатель- ныя ученія	{	пассивность сознания	{ волевыхъ состояній сознания нѣтъ.
		слѣпая причинность со- знанія	{ волевыхъ состояній сознания нѣтъ. волевыхъ состоянія существуютъ.
Положитель- ныя ученія	{	причинная зависимость волевыхъ актовъ отъ ха- рактера индивидуальнаго сознанія	{ всѣ душевныя явленія суть волевые акты. нѣкоторыя душевныя явленія суть волевые акты.
		безпричинность волевыхъ актовъ.	

Для поясненія этой классификаціи мы приведемъ примѣры ученій каждаго рода.

Ученіе о полной пассивности сознания нигдѣ не является въ такой рѣшительной формѣ, какъ въ послѣдовательномъ матеріализмѣ. Каждое состояніе сознания причиняется съ точки зрѣнія матеріализма какимъ-либо физическимъ процессомъ въ нервныхъ центрахъ, который, кромѣ того, согласно законамъ физики и химіи, причиняетъ еще другія физическія явленія. Итакъ, цѣпь физическихъ явленій развивается самостоятельно и надъ ними кое-гдѣ *надстраиваются* психическія явленія, вполнѣ ими обусловленныя и безсильныя произвести какое-либо измѣненіе въ мірѣ, начать новый рядъ событій. Обыкновенно, это ученіе отрицаетъ не только активность сознания, но даже и существованіе особаго разряда, хотя бы иллюзорныхъ, волевыхъ состояній: волевой актъ, съ точки зрѣній матеріалиста, есть своеобразная комбинація ощущеній и воспоминаній о прежнихъ ощущеніяхъ. Конечно, это вовсе не обязательно для матеріализма. Можно

придерживаться такой же точки зрѣнія на зависимость психическихъ явленій отъ физическихъ, но въ то же время утверждать, что всякому разряду физической энергіи въ нервныхъ центрахъ соотвѣтствуютъ не только ощущенія, но еще и особое чувствованіе активности, порождающее иллюзію воли. Такой матеріализмъ служилъ бы примѣромъ ученій, совершенно отрицающихъ активность сознанія, но допускающихъ существованіе особаго разряда волевыхъ состояній сознанія.

Ученіе о слѣпой причинности сознанія и отсутствіи особаго класса волевыхъ состояній сознанія рѣшительно выражено въ психологіи Спинозы. Что касается перваго пункта, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, а для поясненія втораго достаточно сослаться на теорему XLIX во второй части Этики: «Въ душѣ нѣтъ никакого желанія или утвержденія и отрицанія, кромѣ того, которое заключаетъ въ себѣ идея, поскольку она есть идея» ¹⁾. Королларій къ этой теоремѣ гласитъ: «воля и разумъ одно и то же».

Въ такой же мѣрѣ, какъ и у Спинозы, слѣпа причинность сознанія въ психологіи Гербарта; основное явленіе душевной жизни—представленіе—слѣпо обусловливается простотою реальной сущности, души, и ея самосохраненіемъ. Однако Гербартъ, въ противоположность Спинозѣ, признаетъ существованіе особаго класса волевыхъ состояній сознанія. Но эти состоянія онъ вовсе не считаетъ выразителями воли, какъ способности ставить цѣли и осуществлять ихъ. Онъ считаетъ эти состоянія, стремленіе, усиліе и т. п. побочнымъ результатомъ столкновенія между представленіями, а не источникомъ ихъ.

Примѣромъ положительныхъ ученій, признающихъ, что лишь нѣкоторыя душевныя явленія суть волевые акты, могутъ служить взгляды Лотце. По мнѣнію этого психолога, всѣ проявленія душевной жизни необходимо обусловливаются свойствами души, но въ большинствѣ случаевъ эта причинная зависимость слѣпа; въ ней нѣтъ ничего заслуживающаго названія воли. «Мы, конечно, слишкомъ щедро расточаемъ названіе воли и стремленія,—говоритъ онъ, и обозначаемъ имъ многіе такіе случаи, къ которымъ душа относится лишь, какъ наблюдающее сознаніе, а не какъ дѣятельное существо; движенія представленій и чувство-

¹⁾ Перев. подъ ред. Модестова, 3. изд., стр. 108.

ваній, происходящія въ насъ только по разнымъ поводамъ со стороны общаго психическаго механизма и подмѣчаемая нами по мѣрѣ ихъ совершенія, мы ошибочно принимаемъ за дѣятельности, будто бы пущенныя въ ходъ нашею рѣшительною волею или, пожалуй, хоть и менѣе настойчивымъ стремленіемъ нашего я»¹⁾. Однако не всегда бываетъ такъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ наше я созвательно ставитъ цѣли, стремясь къ осуществленію ихъ и на самомъ дѣлѣ осуществляя ихъ. Это бываетъ въ актахъ выбора, въ рѣшеніяхъ, «когда ясно сознаются влекущія къ поступку побужденія, а рѣшеніе, насчетъ того, слѣдовать имъ или нѣтъ, подлежитъ дальнѣйшему розыску и предоставляется не собственной силѣ влекущихъ побужденій, но опредѣленію свободнаго выбора независимаго отъ нихъ духа»²⁾. Иными словами, Лотце считаетъ волевыми актами только тѣ явленія, которыя Вундтъ называетъ сложными волевыми дѣйствіями. Въ отличіе отъ Лотце волютаризмъ и въ болѣе простыхъ перемѣнахъ (акты съ неопознанными стремленіями) находитъ постановку цѣлей и чувствованіе активности, а потому считаетъ всѣ перемѣны, *относимыя нами къ нашему я*, волевыми.

Наконецъ, нѣкоторыя ученія утверждаютъ, что личность, способная ставить цѣли и быть причиною ихъ осуществленія, въ самой постановкѣ цѣли абсолютно свободна, именно не опредѣляется при этомъ ни внѣшними условіями, ни внутренними своими свойствами, т.-е. характеромъ, выражающимся въ стремленіяхъ. Въ новѣйшее время такого рода взгляды высказываются, напр., Секретаномъ, который полагаетъ, что даже Божественное всевѣдѣніе безсильно въ отношеніи свободныхъ поступковъ, что Богъ можетъ знать ихъ только послѣ ихъ осуществленія.

Приведенная схема, составленная примѣнительно къ нашей узкой цѣли, конечно, слишкомъ обща для того, чтобы дать хотя бы приблизительное понятіе о безконечномъ множествѣ и разнообразіи ученій о волѣ. Не говоря уже о чисто психологическихъ различіяхъ, зависящихъ отъ того, напр., какія психическія состоянія (стремленія, желанія, чувствованіе активности и т. п.) относить въ рубрику воли тотъ или другой авторъ, безчисленныя варіаціи обусловливаются общимъ философскимъ

1) Лотце, Микрокосмъ, перев. Корша, I кн., II, гл. V. стр. 320.

2) Тамъ же, стр. 322.

міровоззрѣніемъ психологовъ. Напр., въ сферѣ самого волюнтаризма возможны варіаціи въ зависимости отъ того, придерживается ли психологъ дуализма или идеалистическаго монизма, примыкаетъ ли онъ къ теоріи причинности Канта, Юма, Вундта и т. п.

Перебирать всѣ безчисленныя теоріи воли и разсматривать, не опасны ли онѣ для волюнтаризма, невозможно, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Волюнтаризмъ—направленіе, сравнительно новое; онъ опирается на факты и отмѣнки состояній сознанія, отмѣченные во всей ихъ полнотѣ лишь недавно; онъ исходитъ изъ анализа фактовъ, углубленнаго до такой степени, какая не встрѣчалась въ прежней психологіи; въ особенности много онъ черпаетъ изъ новаго матеріала, доставляемаго сравнительно новымъ въ психологіи экспериментальнымъ методомъ, если разумѣть подъ нимъ не психо-физиологическое изслѣдованіе, и не механической подсчетъ однообразныхъ мелочныхъ цифръ и фактовъ, а *усовершенствованное внутреннее наблюденіе*. По крайней мѣрѣ, главный представитель волюнтаризма и въ то же время важнѣйшій основатель экспериментальнаго метода Вундтъ рѣшительно заявляетъ, что его направленіе въ психологіи обязано своимъ возникновеніемъ экспериментальному методу. Мы приведемъ здѣсь слѣдующія поучительныя слова его. «Если бы меня спросили, въ чемъ состояла и состоитъ еще для меня психологическая цѣнность экспериментальнаго наблюденія, я бы отвѣтилъ, что оно породило во мнѣ и все болѣе укрѣпляло совершенно новое воззрѣніе на природу и связь душевныхъ процессовъ. Когда я въ первый разъ приступалъ къ психологическимъ проблемамъ, я раздѣлялъ общій, распространенный среди физиологовъ предразсудокъ, что образованіе чувственныхъ воспріятій есть исключительно результатъ физиологическихъ свойствъ нашихъ органовъ чувствъ. Прежде всего на чувствахъ зрѣнія я научился понимать тотъ актъ творческаго синтеза, который постепенно сдѣлался моимъ руководителемъ и открылъ мнѣ глаза на развитіе высшихъ функций воображенія и разсудка, тогда какъ старая психологія не оказывала никакой помощи въ этихъ проблемахъ. Затѣмъ когда я приступилъ къ изслѣдованію отношеній во времени теченія представленій, мнѣ открылись новыя перспективы въ вопросѣ о развитіи волевыхъ функций, внѣшнихъ изъ внутреннихъ, сложныхъ изъ простыхъ, и въ то же время я усмо-

трѣль тѣсную связь всѣхъ психическихъ функцій, въ родѣ представленія, чувства, воли, раздѣленныхъ искусственными абстракціями и именами, однимъ словомъ увидѣлъ недѣлимость и внутреннюю однородность душевной жизни на всѣхъ ея ступеняхъ. Хронометрическое изслѣдованіе процессовъ ассоціаціи, обратившее мое вниманіе на отношеніе между образами воспоминанія и воспріятія, показало мнѣ, наконецъ, что понятіе «воспроизведеннаго» представленія есть одинъ изъ тѣхъ многихъ самообмановъ, которые, будучи выражены въ застывшихъ понятіяхъ, постоянно ставятъ для насъ на мѣсто дѣйствительности несуществующій призракъ. Я научился понимать «представленіе», какъ процессъ не менѣе измѣнчивый и преходящій, чѣмъ актъ воли и чувства, и понялъ, что вслѣдствіе этого старый ассоціационизмъ не выдерживаетъ критики, что онъ долженъ замѣниться допущеніемъ процессовъ, связующихъ ощущенія, и эта точка зрѣнія сама собою приводитъ къ ученію о постепенномъ переходѣ и близкомъ отношеніи между послѣдовательными и одновременными ассоціаціями. Но важнѣйшимъ результатомъ этихъ новыхъ воззрѣній я считаю то представленіе о принципахъ психической причинности, которое я попытался сформулировать выше¹⁾.

Безъ сомнѣнія, такое новое направленіе, опирающееся на богатый новый фактический матеріалъ, подкапываетъ старыя ученія и вызываетъ необходимость ихъ пересмотра, но не наоборотъ. Это замѣчаніе въ особенности относится ко всѣмъ ученіямъ, признающимъ причинность сознанія, такъ какъ всѣ эти ученія, даже спинозистическій слѣпой детерминизмъ, легко могутъ быть согласованы съ психологическимъ волонтаризмомъ и разногласіе ихъ можетъ быть объяснено, во-первыхъ, тѣмъ, что нѣкоторые факты прежде не были приняты въ расчетъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что, опредѣляя причинныя связи, психологи *не дѣлали*, чрезвычайно важнаго различенія между состояніями сознанія, *относимыми на основаніи непосредственнаго чувства къ нашему я*, и состояніями, которыя вполне или отчасти кажутся *данными*; если не дѣлать этого различенія, то, конечно, многія состоянія сознанія придется признать не зависящими отъ стремленій, а обусловленными, повидимому, слѣпою причинностью.

1) Wundt, Ueber psychische Causalität und das Princip des psycho-physichen Parallelismus. Philosophische Studien, 1897 г., 1 вып., стр. 122—124.

Въ иномъ положеніи находится волонтаризмъ въ отношеніи къ ученіямъ о полной пассивности сознанія: здѣсь указаніе на новыя психологическіе факты и новыя чисто психологическія различенія не можетъ устранить разногласія, потому что оно вызывается болѣе глубокою причиною, именно различіемъ въ теоріи познанія и онтологіи. Впрочемъ такихъ ученій немного. Они могутъ возникнуть или на почвѣ агностицизма, если онъ утверждаетъ полную пассивность и безсвязность явленій сознанія, и истинную подкладку этихъ явленій, причиняющую ихъ, считаетъ непознаваемою, или на почвѣ матеріализма, утверждающаго полную пассивность и безсвязность явленій сознанія, но указывающаго опредѣленную причину ихъ, именно дѣятельность матеріи. Какъ мы уже говорили, агностицизмъ можетъ принять факты и различенія, устанавливаемыя волонтаризмомъ, и только воздержаться отъ утвержденія, что указываемыя волонтаризмомъ послѣдовательности явленій относятся къ числу причинныхъ. Поскольку онъ ограничивается этимъ воздержаніемъ и не указываетъ настоящей причины явленій, онъ не вступаетъ въ столкновеніе съ волонтаризмомъ.

Наоборотъ, матеріализмъ, даже и согласившись съ волонтаристическимъ описаніемъ теченія душевныхъ процессовъ, можетъ утверждать, что эти процессы не обусловливаютъ другъ друга, что причина ихъ извѣстна, именно заключается въ дѣятельности матеріи, и что теченіе душевныхъ процессовъ рано или поздно будетъ выведено изъ законовъ механики или матеріальнаго міра вообще. Съ этимъ непримиримымъ принципиальнымъ противникомъ нужно познакомиться поближе. Мы займемся этимъ, какъ уже сказано, въ изслѣдованіи о «Связи между физическими и психическими явленіями».

Н. Лосскій.

Руссiй Фаустъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я прочелъ въ газетахъ о небывалой овацiи, вызванной въ Кiевѣ лекцiей господина Булгакова объ Иванѣ Карамазовѣ. (Лектора чуть ли даже не носили на рукахъ). Понятное дѣло, я заинтересовался и былъ счастливъ прочесть эту лекцiю, преисполнившую энтузиазмомъ сердца слушателей.

Лекцiя произвела на меня глубокое впечатлѣнiе. Глубокое и вполне отрицательное. И я не могу отрѣшиться отъ желанiя высказать нѣсколько мыслей по поводу своеобразныхъ утверждений лектора.

I.

Прочитавъ лекцiю господина Булгакова, я невольно задалъ себѣ вопросъ: въ чемъ причина ея необычайнаго успѣха? Каюсъ, рѣшительно ничего существенно новаго я въ лекцiи не нашелъ. Но присмотрѣвшись къ ней поближе, я понялъ въ чемъ ея очарованiе.

«Мы, русскiе, ничѣмъ почти не обогатили философской литературы... но сила нашей народи выразилась въ художественныхъ образахъ, и въ этомъ отношенiи мы идемъ впереди Европейской литературы и являемся для нея образцомъ».

Если русская публика удивляется, что Ив. Карамазова можно противопоставлять Фаусту Гете, то г. Булгаковъ дѣлаетъ это «сознательно и обдуманно» и считаетъ это сопоставленiе «вполне законнымъ», потому что онъ уже «привыкъ цѣнить свое национальное достоянiе по сравненiю съ Западомъ». Нѣмецкiй Фаустъ гносеологиченъ, а русскiй — этиченъ; онъ страдаетъ, «измученный совѣстью». — «Признаюсь, — говоритъ г. Булгаковъ, — я люблю и цѣню эту черту русской интеллигенцiи, отличающую ее, на мой

взглядъ, отъ Западно-Европейской. Она придаетъ ореолъ мученичества и нравственной чистоты, она исключаетъ самодовольство и культурную буржуазность, она одухотворяетъ. Такъ иногда лицо тяжело больного кажется красивѣе, интеллигентнѣе, благороднѣе здороваго румянаго лица». «Большая совѣсть, эта удивительная болѣзнь опредѣляетъ весь характеръ русской культуры¹⁾. Мы, русскіе, томимся постоянной религіозной и метафизической жаждой», даже «безсиліе наше» имѣетъ своимъ благороднымъ корнемъ все ту же удивительную болѣзнь, которую «любить и цѣнить» г. Булгаковъ. Совѣсть наша болитъ, «и пусть болитъ! — восклицаетъ г. Булгаковъ, — пусть болитъ, пока мы невластны научить «дите», не можемъ его накормить, пока оно «бѣдно и почернѣло отъ черной бѣды», пока «не обнимаются, не цѣлуются, не поютъ пѣсенъ радостныхъ».

Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло. Наконецъ-то насъ оцѣнили, оцѣнили наше достояніе, и оказалось, что мы нарочито добрые, что насъ слѣдуетъ любить и хвалить за то, чѣмъ мы отличаемся отъ Запада.

II.

Нѣсколько странно однако то, что въ концѣ-концовъ совѣсть должна болѣть лишь *до тѣхъ поръ, пока* «не поютъ пѣсенъ радостныхъ», т. е. пока не «рявкнуть осанну» по выраженію чорта; когда же загремитъ всеобщая осанна, — русскій интеллигентъ выздоровѣетъ отъ своей удивительной болѣзни», лицо его станетъ менѣе красиво, интеллигентно и благородно, но болѣе здорово и румяно. Не такъ ли? Или какъ понимать это «пока»? Но такой конецъ лекціи г. Булгакова идетъ совершенно въ разрѣзъ съ ея содержаніемъ. Вѣдь болѣзнь Ив. Карамазова совсѣмъ другая, — ее пѣснями радостными вылѣчить нельзя! Онъ знаетъ объ умильномъ финалѣ исторіи и все-таки «почтительнѣйше возвращаетъ билетъ». Г. Булгаковъ самъ не замѣтилъ, какъ подмѣнилъ гражданскимъ мотивомъ міровую скорбь Ивана. «Проблема социализма» дѣйствительно разрѣшается финаломъ, но «проблема теодицеи»?.. А именно она мучитъ русскаго Фауста. Вѣра въ прогрессъ, которая выражается въ послѣднихъ словахъ лекціи, можетъ не имѣть ничего общаго съ теодицеей. Великія

¹⁾ Ради Бога, хоть не веси! Не дѣлайте „большую совѣсть“ ответственной за все специфически русское!

слова Гете, которыя цитируетъ г. Булгаковъ, не заключаютъ въ себѣ теодицеи и не нуждаются въ ней. И именно потому, проблемы нѣмецкаго Фауста всѣ до одной глубоко реальны, а проблема русскаго Фауста просто плодъ горестнаго и болѣзненнаго недоразумѣнія.

Но г. Булгаковъ возражаетъ: «не нужно думать, будто этотъ вопросъ задавался только религіознымъ воззрѣніемъ, онъ остается и для атеистическаго, съ еще большею силой подчеркивающаго гармонію будущаго, которая покупается однако дисгармоніей настоящаго».

Право, это можно принять за милую шутку. Атеистическая теодицея! Очень хорошо.

Да, и «атеисты» думаютъ, что гармонія покупается дисгармоніей настоящаго, но они вовсе не желаютъ оправдывать такой порядокъ вещей съ нравственной точки зрѣнія. Если любвеобильный отецъ высѣчетъ «русскаго мальчика», то въ умѣ этого мальчика возникнетъ проблема—оправдать отца; но если разбойникъ нападетъ на меня съ крикомъ «la bourse ou la vie», то я, «покупая» у него жизнь, отнюдь не обязуюсь оправдывать его. Тутъ не можетъ быть никакой этической проблемы. У того самаго Ницше, о которомъ такъ рѣшительно судить г. Булгаковъ, онъ могъ бы найти ясно выраженную мысль, что между стихійными процессами и нравственностью нѣтъ и не можетъ быть рѣшительно ничего общаго. Позитивисты отнюдь не считаютъ міропорядокъ цѣлесообразнымъ. «Самъ найди цѣль для твоего существованія», говоритъ Ницше. Человѣчество могло бы сказать: «скверно намъ, братья, и очень скверно на этомъ шарикѣ, затерянномъ въ безконечномъ пространствѣ, но надо попробовать устроиться возможно лучше: ни на что, кромѣ какъ на свои силы, мы не можемъ надѣяться». Позитивисты не хотятъ

Sich über Wolken seinesgleichen dichten.

При чемъ же тутъ теодицея?

Г. Булгаковъ сильно перезабылъ основы марксизма: «гармонія социализма,—говоритъ онъ,—покупается здѣсь (т. е. по ученію Маркса) жертвой страданій капитализма. Муки родовъ неустрашимы, слѣдовательно съ полнымъ правомъ и съ полною силой можетъ быть поставленъ вопросъ Ивана о цѣнѣ этой будущей гармоніи» и т. д. Отчего же не «можетъ»? Всякая мыслящая

личность ставить для себя вопросъ «быть или не быть»? Но теодицея здѣсь не при чемъ. «Муки не устранимы», но развѣ это оправданіе ихъ, или осужденіе?—это констатированіе факта. Личность—устранима: если настоящее для тебя сплошное горе, а въ будущемъ ты не видишь достойной цѣли, — устранись; но этимъ ты осудишь себя, а не природу. Человѣчество же перенесетъ всѣ муки и «родитъ» гармонію; не хорошо это конечно, безъ мукъ бы лучше, но человѣчество лишь медленно измѣняетъ основы своего существованія, приспособляясь къ стихіямъ и приспособляя ихъ къ себѣ. Вотъ и все. Для позитивистовъ не существуетъ тутъ никакого вопроса, такъ какъ они не допускаютъ грубаго антропоморфизма нравственныхъ цѣлей въ своемъ представленіи о природѣ. Г. Булгаковъ вскользь обѣщаетъ разрѣшить и устранить эту проблему путемъ метафизическаго и религіознаго синтеза. Что жъ, разрѣшайте. Это будетъ тысяча первое рѣшеніе мнимой проблемы мнимыми средствами.

Съ точки зрѣнія позитивиста проблема русскаго Фауста, проблема теодицеи, есть недоразумѣніе.

Впрочемъ г. Булгаковъ еще иначе формулируетъ ее, а именно въ видѣ трехъ такихъ вопросовъ:

1. «Вопросъ относительно обязательности нравственныхъ нормъ, повелѣвающихъ жертвовать безличному прогрессу или благу другихъ людей своимъ личнымъ благомъ и интересами».

Этотъ вопросъ мы принимаемъ, но отчего не формулировать его проще: «долженъ ли я жить для цѣлей, лежащихъ внѣ круга моихъ личныхъ интересовъ?»

2. «Вопросъ относительно того, что можно назвать *цнной* прогресса, въ которомъ счастье будущаго поколѣнія покупается на счетъ несчастья настоящихъ».

Какъ метафизическій вопросъ о нравственной цѣнѣ такого порядка—онъ просто излишенъ: нравственно ли, что молнія убиваетъ иногда людей? и т. д.

Реальное же зерно въ немъ все то же: «долженъ ли я жить для другихъ, стоить ли того они и ихъ счастье?»

3. «Вопросъ относительно будущаго этого человѣчества, для котораго приносится столько жертвъ».

И опять, если въ такомъ вопросѣ есть практическій, жизненный смыслъ, то и онъ сводится къ первому: «стоитъ ли грядущее счастье жертвъ съ моей стороны?»

Стоить ли жить вообще? а если жить, то какъ—для себя, или для другихъ? Вотъ здоровое зерно Карамазовскаго вопроса, въ которомъ нѣтъ ничего общаго съ проблемой теодицеи.

Карамазовъ не думаетъ, чтобы слѣдовало жить для другихъ, потому что прогрессъ человѣчества вещь сомнительная, да и не можетъ считаться вознагражденіемъ за муки невинныхъ страдальцевъ, но онъ думаетъ, что можно жить «для клейкихъ листочковъ и голубого неба», и что тогда «все позволено», и можно, махнувъ рукой на золотыя дали, самому постараться быть человѣкобогомъ.

Какъ же отнесутся къ этимъ вопросамъ и этимъ отвѣтамъ позитивисты (не ученики Конта, а ученики Ницше, послѣдовательнѣйшаго позитивиста въ этикѣ).

Во-первыхъ, всякій вопросъ о долгѣ отпадаетъ для нихъ самъ собою. Г. Булгаковъ зачастую употребляетъ выраженіе: «мораль долга и любви»; про любовь мы пока помолчимъ, такъ какъ не усматриваемъ рѣшительно никакой связи между нею и долгомъ и памятуемъ, что еще ап. Павелъ *противоположилъ* эти двѣ морали,—но долгъ для позитивиста есть пустая фикція, зачастую превращающаяся однако въ тяжелую цѣпь. Кандалы хороши для полувѣря, но чѣмъ дальше тѣмъ болѣе тяготятъ человѣка.

Человѣкъ ничего не долженъ, ему «все позволено». И конечно надо стараться быть человѣкобогомъ, потому что всякое время само себя оправдываетъ

Im Weitersritten findet er Qual und Glück,

и жизнь, и свободу надо завоевывать ежедневно.

Отсюда ясно рѣшеніе вопросовъ относительно будущаго: оно вовсе не есть оправданіе настоящаго; нынѣшнее поколѣніе вовсе не «жертва вечерняя», цѣною которой покупается завтрашнее золотое утро, но сознательная и дѣятельная жизнь человѣчества есть цѣлесообразный процессъ (или становится имъ),—ein Weitersritten. Человѣкъ не удовлетворенъ, онъ страждетъ и творить идеалы, онъ идетъ впередъ и, умирая, передаетъ свои завѣты дѣтямъ и внукамъ, не ради оправданія міра и не въ силу мученій совѣсти, а потому что въ тяжелой борьбѣ за существованіе изъ него выработался творецъ и боець.

Да, неясны воспоминанія г-на Булгакова о марксизмѣ, неясны и неточны. Гдѣ онъ видѣлъ тамъ оправданіе настоящаго, покупку

будущаго? Мы видимъ тамъ теорію борьбы классовъ за преобладаніе и реальное счастье. Мы хотимъ принять участіе въ этой борьбѣ согласно нашимъ симпатіямъ.

«Симпатіямъ? Личному интересу, хотите вы сказать? Позитивисты разрушаютъ долгъ, отказываются отъ религіи, нравственности, самопожертвованія! Что же остается для ихъ «все позволено кромѣ распутства и черстваго эгоизма?» *Da ist der Hund begraben!*—Смердяковъ! Но мы не боимся Смердякова.

Въ этомъ существенная разница между Достоевскимъ и Ницше, которой мы еще коснемся.

Все дозволено. И упоительно строить Вавилонскую башню! Личные интересы? Да, это глубоко личный нашъ интересъ—эта война со стихіями и мракобѣсіемъ, война не на животь, а на смерть. «Клейкіе листочки, голубое небо?» но есть еще *творчество!* расширеніе своей личности до границъ возможнаго.

Соціальное творчество есть инстинктъ, который на высшихъ стадіяхъ является сознательнымъ оправданіемъ личной жизни, ея смысломъ и прелестью,—жажда власти надъ природой, жажда все расширяющейся жизни. Могучая жизнь не можетъ быть эгоистичной, она слишкомъ широка для этого, она захватываетъ другихъ, будить, зоветъ, она намѣчаетъ огромныя дѣла, потому что психика человѣка долговѣчнѣе и шире его тѣла И вотъ:

Er wandle so der Erdengang entlang.

Такъ что Карамазовскій вопросъ и въ этой его формѣ, въ формѣ вопроса личной жизни, не существуетъ, или самъ собою разрѣшается въ здоровой, творческой натурѣ,—существуетъ онъ только для ипохондриковъ, декадентовъ, которые все равно гибнутъ, либо запутавшись въ собственныхъ сѣтяхъ, либо устраняемые природой. Такъ думалъ Ницше ¹⁾.

Къ чему тутъ теодицея и вся російская фаустовщина? Побѣда не оправданіе, даже не цѣль, а результатъ. Если бы впереди и не было побѣды (и она сомнительна), то и тогда надо бы попытать силы, потому что ничего не подѣлаешь! либо борись, либо умирай.

Но г. Булгаковъ увѣряетъ, что позитивисты не менѣе другихъ

¹⁾ Мы прибавимъ, что вопросъ этотъ продолжаетъ существовать и для всякой консервативной психики, которая не можетъ отрѣшиться отъ стремленія отвѣчать на вопросы, ненужность которыхъ давно доказана.

заинтересованы въ томъ, чтобы былъ наконецъ отпертъ таинственный ларчикъ. Предоставьте лучше позитивистамъ самимъ судить объ этомъ.

III.

Теперь нѣсколько словъ по поводу замѣчаній г-на Булгакова о Ницше и относительно большой совѣсти, которую такъ «любить» г. Булгаковъ.

«Я сынъ моего времени,—говоритъ Ницше,—скажемъ декадентъ, но я наконецъ понялъ это и старался бороться противъ этого. Дѣйствительно, ничто не волновало меня такъ, какъ проблема декаденства... Добро и зло—это только манера разрѣшать эту проблему: если поймешь признаки упадка—поймешь и мораль, поймешь, что скрывается подъ ея священнѣйшими именами и формулами цѣнности: обнищавшая жизнь, жажда конца, великая усталость. Мораль отрицаетъ жизнь!»

Достоевскій былъ типичнѣйшій декадентъ. Его «осанна» прошла черезъ горнило сомнѣній, но прошла потому лишь, что любовь, примиреніе, умиротвореніе, покой и, замѣтьте, *подчиненіе авторитету*—это все, чего жаждала его больная, измученная душа. Достоевскій гениально формулировалъ «атеистическую критику», но отшатнулся отъ соотвѣтственной этики, *не въруа въ челоувѣка!* Г. Булгаковъ скажетъ: «я же и говорю, что тутъ дѣло вѣры!» Но мы говоримъ не о вѣрѣ,—религии, а о довѣрїи къ силамъ и социальному инстинкту людей. Смердяковъ испугалъ Достоевскаго. «Нельзя все дозволять,—пугливо шепчетъ онъ,—«вонъ Смердяковъ слушаетъ! Lampe muss einen Gott haben. Смердяковъ muss eine Moral haben». И въ себя самого не вѣритъ Достоевскій.

Иванъ Карамазовъ можетъ и хочетъ жить, но до 30 лѣтъ и считаетъ свою жажду жизни «неприличнѣйшею». Почему? Потому что видите ли: «нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія!» Мало того: «эгоизмъ, даже злодѣйство должно быть признано необходимымъ, самымъ разумнымъ и даже благороднѣйшимъ исходомъ»... т.-е. разъ *долгъ* перестанетъ тяготѣть надъ челоувѣкомъ. Вотъ гдѣ беспросвѣтный эгоизмъ: если «я» есть нѣчто преходящее, если послѣ смерти нѣтъ ни награды, ни кары,—то остается быть злодѣемъ! Такъ мыслить декадентъ о челоувѣкѣ. Было бы неприлично доказывать въ XX вѣкѣ, что возможенъ самый благородный идеализмъ помимо вѣры въ безсмертіе.

Жизнь и история даютъ примѣры въ изобиліи. Но Достоевскій впился въ свою „осанну“, какъ необходимый наркотикъ для его надорванной души, и намалевалъ чорта какъ можно страшнѣе, «дабы не прельститься». И что же такое романы великаго мученика, какъ не самозащита, не самоочищенія: — свои сомнѣнія, хулу свою онъ влагалъ въ уста другимъ и съ страдальческимъ сладострастіемъ распиналъ собственную свою критику.

Г. Булгаковъ конечно знаетъ, что все, что говоритъ Достоевскій о неминуемомъ „злодѣйствѣ“ нерелигіознаго человѣка—жупель. И потому намъ кажется очень страннымъ отношеніе г. Булгакова къ великому врагу декадентства, къ великому защитнику жизни, къ Фр. Ницше.

Бросивъ великому страдальцу истины упрекъ въ «сердечной пустотѣ», г. Булгаковъ раздражается такой тирадой:

«Душевная драма Ницше и Ивана Карамазова одна и та же,—теорія аморализма не совмѣщается съ моральными запросами личности. Величіе духа Ницше, на мой взглядъ, выражается именно въ страстности и искренности переживанія этой драмы, которая окончилась трагически—съумасшествіемъ Ницше. *Другую пути изъ философіи Ницше нѣтъ и быть не можетъ.*

Тутъ два громадныхъ, чудовищныхъ недоразумѣнія. Скажетъ ли г. Булгаковъ откуда почерпнулъ онъ свѣдѣнія, что аморализмъ Ницше былъ для него мучителенъ и не совмѣщался съ запросами его моральной природы? Г. Булгаковъ не скажетъ этого. Эта драма существуетъ только въ воображеніи г. Булгакова. Пусть г. Булгаковъ прочтетъ предисловіе Ницше къ „Радостной наукѣ“, тогда онъ увидитъ, что Ницше привѣтствовалъ свой аморализмъ, какъ освобожденіе, какъ выздоровленіе. «Изъ этой книги неизсякаемой струей бьетъ благодарность, это сатурналии духа, освободившагося отъ долгаго гнета»—«блеснула надежда на здоровье, опьянѣніе выздоровленіемъ», «это взрывъ радости (Frohlocken) по поводу воскреснувшей вѣры въ завтрашній и послѣзавтрашній день».

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи „Wille zur Macht“, Ницше готовился изложить свое положительное ученіе, и никогда онъ не былъ сильнѣе, вдохновеннѣе, радостнѣе!

Его злоба—злоба бойца въ побѣдоносномъ сраженіи.

И великій умъ угасъ. Причиною этому была наслѣдственность.

страшное напряженіе ума, потребовавшееся для переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, а главное то, что, по мнѣнію Ницше, свело въ могилу Клейста и Гельдерлина, да и Лессинга и Шиллера,—филистерская тупость современниковъ. Этотъ колоссальный умъ палъ въ борьбѣ, превосходившей даже его силы, горячее сердце разбилось—и вотъ г. Булгаковъ присоединяется къ хору тѣхъ, кто говоритъ дѣтямъ: «смотрите,—вотъ примѣръ для васъ, онъ гордъ былъ, не ужился съ нами» и сошелъ съ ума, и «не было другого выхода для него».

Что сказалъ бы г. Булгаковъ, если бы какой-нибудь досужій ораторъ, взгромоздившись на свѣжую могилу нашего чуднаго Успенскаго, заговорилъ бы: «вотъ результаты морали любви и долга: запой, сумасшествіе, смерть».

Но могила Ницше не менѣе дорога намъ.

«Нельзя быть счастливымъ, когда все вокругъ страдаетъ и само причиняетъ себѣ страданіе, нельзя быть нравственнымъ, когда ходъ человѣческихъ дѣлъ опредѣляется насиліемъ, обманомъ, несправедливостью, нельзя даже быть мудрымъ, пока все человечество не соревнуетъ въ стремленіи къ мудрости и не вводитъ личность въ жизнь и науку самымъ мудрымъ образомъ».

«Личность не можетъ жить прекраснѣе, чѣмъ созрѣвая для смерти, для жертвы собою во имя справедливости и любви».

Кто это говоритъ? Это говоритъ Ницше. Стало быть нечужда же ему была мораль любви? Правда, мораль долга была ему всегда чужда. Если г. Булгаковъ потрудится сравнить первыя произведенія Ницше, хотя бы «Schopenhauer als Erzieher» съ послѣднимъ «Der Antichrist» (Wille zur Macht), то онъ убѣдится, что къ концу жизни Ницше пришелъ все къ тому же, къ идеѣ культуры,—только совершенно отпали отъ него его пессимистическія убѣжденія, его буддизмъ, декадентщина. Страшная потеря для человечества, что послѣдняя, самая важная книга Ницше осталась незаконченной, потому что онъ все время шелъ впередъ, этотъ апостоль правдивости и смѣлости. Но конечно здѣсь не мѣсто для апологіи Ницше. А молодымъ доцентамъ, жаждущимъ славы, Ницше далъ прекрасный совѣтъ:

«Давайте, будемъ идеалистами! Если это не самое умное, то самое практичное, что мы можемъ сдѣлать. Давайте разгуливать по облакамъ, бесѣдовать съ безконечностью, окружать себя со всѣхъ сторонъ великими символами. Зурзумъ, бумбумъ!—прево-

сходный совѣтъ! Пусть нашимъ аргументомъ будетъ высоко поднятая грудь, нашими заступниками прекрасныя чувства!»

Болѣзнь есть болѣзнь, а больная совѣсть—болѣзнь гибельная, сопровождающаяся страшною растратой силъ. Цѣль Ницше—освободить челоѣка отъ этой болѣзни, въ которой онъ видѣлъ нѣчто унижительное и грязнящее. Но г-ну Булгакову нравится эта изнурительная болѣзнь. Люди съ ума сходятъ, близки къ самоубійству—ничего! зато лицо одухотвореннѣе!

Да, дитя плачетъ! Но при чемъ тутъ совѣсть? Мы не заставляли плакать дитя! Когда врачъ видитъ больного, онъ лѣчитъ его, но развѣ его мучитъ совѣсть оттого, что тотъ вообще заболѣлъ? Для облегченія страданія отнюдь не необходимо даже сострадать. «Состраданіе можетъ въ рѣшительный моментъ смутить врача, связать его ловкія, богатая помощью руки», говорить Ницше.

Если кто-нибудь бьетъ беззащитное существо—при чемъ тутъ моя совѣсть? Но если во мнѣ есть мужество и рыцарское чувство, я окажу защиту. Но могу ли я считать себя отвѣтственнымъ за зло, которое явнымъ образомъ не истекаетъ изъ меня? И бороться съ нимъ я не обязанъ, а любить кого бы то ни было—я отнюдь не обязанъ. Съ негодованіемъ отвергаемъ мы нелѣпое словосочетаніе «любовь и долгъ». Ненависть и любовь—свободны, онѣ вытекаютъ изъ самаго существа личности, изъ ея чувственной природы, а долгъ есть нѣчто привходящее со стороны, чему челоѣкъ подчиняется.

Wille zur Macht! и эта воля не должна быть непременно разрушительной и чрезвычайно рѣдко ею бываетъ. Хищники и разрушители въ конечномъ счетѣ слабы и недолговѣчны, потому что одиноки, но «рыцари духа» пребудутъ вѣчно. Быть творцомъ, осуществлять свой личный идеалъ, видѣть вокругъ себя цвѣтущую жизнь, вызывать радостныя чувства, любовь, ласку, благодарность и чувствовать цѣлесообразное и роскошное примѣненіе своей силы—вотъ счастье... Что такое счастье?—спрашиваетъ Ницше: «Чувство растущей мощи».

А оно конечно болѣе всего выражается въ творествѣ. Это также счастье второй части Фауста, которая неотдѣлима отъ первой, потому что обѣ онѣ даютъ отвѣтъ на вопросъ объ иллюзіяхъ и истинныхъ основахъ жизни. Поэтому пусть не болитъ совѣсть! Намъ не надо ея шпоръ, чтобы учить «дитѣ», потому

что мы хотимъ найти въ немъ поддержку въ борьбѣ, а борьба— наша жизнь... Быть человѣкобогомъ! развѣ это значить быть злодѣемъ, или банкиромъ, или добродѣтельнымъ филистеромъ! Полноте,—сказалъ бы Ницше, эгоизмъ человѣкобога благодѣтель, какъ гроза.

Мы глубоко уважаемъ даръ Достоевскаго, но считаемъ его клеветникомъ на жизнь. Мы кореннымъ образомъ расходимся съ Ницше во многомъ, но считаемъ его великимъ, радостнымъ освободителемъ.

IV.

Первая часть Фауста есть гносеологическая трагедія. Эту старую несообразность г. Булгаковъ повторяетъ вслѣдъ за многими другими. Но вся «гносеологическая трагедія» занимаетъ лишь часть первой сцены Фауста и не проявляется дальше на протяжении всей трагедіи (развѣ только г. Булгаковъ отнесетъ сюда недовѣріе Фауста къ медицинѣ). Но впрочемъ что за дѣло? Вѣдь «интрижка Фауста съ Маргаритой излишня для трагедіи и могла бы быть уступлена любому изъ второстепенныхъ персонажей» ¹⁾.

Сцена въ тавернѣ очевидно совершенно излишній эпизодъ, сцена у вѣдьмы—простая декорация. Словомъ, кромѣ первой сцены, все остальное написано бѣднымъ Гёте совершенно напрасно. Только теперь открылись у меня глаза. Очевидно Гамлетъ то же гносеологическая трагедія: припомните: «Есть много вещей, другъ Гораціо»... ну, а остальное несущественно. Не относиться же въ самомъ дѣлѣ серьезно къ «интрижкѣ» Гамлета съ Офеліей?

Но Фаустъ не есть гносеологическая трагедія, а трагедія всей человѣческой жизни въ совокупности. Правда, Фаустъ терзается тѣмъ, что абсолютное знаніе ему недоступно, онъ проклинаетъ схоластику, но онъ проситъ взамѣнъ—жизни, молодости, любви! Трагедія гносеологическая уже кончилась. Вотъ онъ, хилый старикъ, разочарованный, разбитый, котораго

Statt der lebendigen Natur
Umgiebt im Rauch und Moder nur
Das Thiergeripp und Todtenbein,

¹⁾ Кстати кому же собственно? Вагнеру? Валентину?

который проклинаетъ свою «собачью жизнь» и хочетъ

Von allen Wissensqualm entladen
Im Mondscheins Thau gesund sich baden,

но не имѣетъ силъ для этого.

И вотъ чудо возвращаетъ ему его силы, и онъ начинаетъ новую жизнь, не ради науки, а ради полного самоудовлетворенія. И тутъ начинается трагедія «Фаустъ»—Гете.

Г. Булгаковъ превозноситъ прологъ на небѣ. Дѣйствительно, это дивная увертюра къ величайшей трагедіи, но говорится ли тамъ хоть что-нибудь о познаніи? А между тѣмъ Гете самъ опредѣляетъ тамъ смыслъ своей трагедіи

Der Mensch dient auf besondere Weise,
Nicht irdisch ist des Thoren Trank und Speise,
Ihn treibt die Gährung in die Ferne,
Er ist sich seiner Tollheit halbbewusst,
Vom Himmel fordert er die schönste Sterne,
Und von der Erde jede schönste Lust
Und alle Nah und alle Ferne
Befriedigt nicht die tiefbewegte Brust.

Вѣчная неудовлетворенность, вѣчный порывъ, въ которомъ стремленіе къ познанію лишь частность.

И что же такое Мефистофель въ предполагаемой гносеологической трагедіи? Вотъ вопль души, или даже «обѣихъ душъ» Фауста:

«Oh, führt mich weg zu neuem bunten Leben».

Это жажда жизни, мощи, размаха, страсти,—на небѣ лучшую звѣзду и на землѣ величайшую радость хочетъ онъ. Но Мефистофель превращаетъ въ тлѣнъ его радости, заставляетъ померкнуть его путеводныя звѣзды. За порывомъ страсти, за полетомъ творческаго ума, за горячей иллюзіей человѣческаго существа идетъ разлагающій, холодный, скептическій, насмѣшливый разумъ, этотъ безпокойный спутникъ. И однакоже и онъ, этотъ мучитель, подливающій ядъ въ чашу радости—необходимъ, онъ толкаетъ человѣка вѣчно впередъ. И тотъ идетъ

Unbefriedigt jeden Augenblick.

Вотъ трагедія, г. Булгаковъ!

То, что вы считаете излишней «интрижкой» Фауста съ Маргаритой, есть божественное изображеніе сладкихъ, скоропрехо-

дящихъ иллюзій любви, ея жестокихъ, грубыхъ, ужасныхъ разочарованій. Шопенгауэръ умѣлъ понять это.

Г-нъ Булгаковъ считаетъ за лишнее все, что не виѣщается въ узенькія рамки его пониманія Фауста. «Излишняя интрижка!» Фаустъ долженъ познавать, какъ самый ординарный профессоръ, а всѣ остальные трагическія переживанія можно уступить «любому второстепенному персонажу».

И резюмируя мы скажемъ: русскій Фаустъ по значительности и реальной цѣнности своей внутренней драмы безконечно ниже нѣмецкаго; русскому моралисту можно бы было многому научиться у нѣмецкаго аморалиста; и *намъ* надо много учиться, вдумчиво читать и, стремясь возвеличить «свое», внимательно слѣдить за тѣмъ, не искажаемъ ли мы «чужого».

А. Луначарскій.

Плюшкинъ.—Психологическій разборъ его.

(По поводу рѣчи проф. В. Ф. Чижъ „Плюшкинъ, какъ типъ старческаго слабоумія“).

Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему *его же* ¹⁾ портретъ въ старости.

Гоголь.

Проф. Чижъ давно уже занимается изученіемъ психопатологическихъ типовъ въ произведеніяхъ классическихъ представителей отечественной литературы. Изъ-подъ его пера вышла работа о герояхъ Достоевскаго, подлежащихъ психологическому анализу психіатра; а не такъ давно онъ посвятилъ лекцію твореніямъ Тургенева, изъ которыхъ онъ выбралъ и изучилъ персонажей съ патологическими явленіями въ сферѣ психики. Теперь, по поводу Гоголевскаго дня—21 февраля 1902 г.—проф. Чижъ, насколько намъ извѣстно, первый осуществилъ чрезвычайно удачную мысль психологическаго изученія одного изъ тѣхъ дѣйствующихъ лицъ Гоголевскихъ твореній, имя котораго настолько воплощаетъ для насъ опредѣленный типъ, что, сдѣлавшись синонимомъ его, превратилось въ нарицательное. Рѣчь свою, произнесенную 21 февраля 1902 года, проф. Чижъ посвятилъ «Плюшкину, какъ типу старческаго слабоумія».

Цѣль, которую преслѣдовалъ проф. Чижъ, желая освѣтить типъ, принадлежащій, быть можетъ, лучшему творенію Гоголя, указывается имъ въ его рѣчи. По его мнѣнію, самъ авторъ «Мертвыхъ Душъ», съ такимъ мастерствомъ создавшій образъ Плюш-

---

¹⁾ Курсивъ мой.

кина, понималъ его невѣрно, а за нимъ, конечно, невѣрно толковали его и читатели. Съ точки зрѣнія психопатолога, проф. *Чижъ* не можетъ согласиться съ содержаніемъ тѣхъ строкъ Гоголя, въ которыхъ онъ, послѣдними штрихами дорисовавъ Плюшкина, объясняетъ намъ коротко, но художественно и сильно смыслъ имъ созданнаго образа, — цѣль той главы произведенія, которая недаромъ считается однимъ изъ драгоценнѣйшихъ перловъ литературы. «Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему *его же* портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ, въ суровое, ожесточающее мужество — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могла милосердіе ея: на могилѣ напишется: «Здѣсь погребенъ человѣкъ»; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости».

Проф. *Чижъ*, считающій Плюшкина типомъ старческаго слабоумія, думаетъ, что Гоголь воспроизвелъ образъ *больного* человѣка, что «старость сама по себѣ можетъ быть прекрасна», что страшна не она, а страшна болѣзнь; но ни Гоголь, ни другіе, къ сожалѣнію, не считали Плюшкина больнымъ человѣкомъ, впадая въ ошибку, которая всегда дорого стоитъ и которая повторяется въ жизни всякій разъ, когда психически больного человѣка окружающіе принимаютъ за здороваго. Ошибка эта, несомнѣнно, ужасна, и ведетъ къ тяжкимъ послѣдствіямъ: она не проходитъ безнаказанно.

Вотъ въ краткихъ словахъ та точка зрѣнія, на которую становится проф. *Чижъ* при разборѣ гоголевскаго типа.

Какъ и всегда въ своихъ лекціяхъ и рѣчахъ, проф. *Чижъ* умѣетъ возбудить любовь и интересъ къ затрогиваемому имъ вопросу, освѣтить его съ новой точки зрѣнія, вызвать на размышленія. Съ сознаниемъ этого приступаешь всегда къ чтенію того, что принадлежитъ перу проф. *Чижъ*. И на сей разъ мы должны быть особенно благодарны ему за то, что онъ своей рѣчью имѣлъ въ виду содѣйствовать уясненію гоголевскаго типа. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что рѣчь проф. *Чижъ* будетъ способствовать болѣе близкому знакомству какъ специалистовъ-психопатологовъ, такъ и обширнаго круга читающей публики

съ тѣмъ литературнымъ типомъ, къ которому теперь впервые пробужденъ интересъ съ совершенно особой, важной, но еще никѣмъ не затронутой точки зрѣнія.

Психіатры должны быть чрезвычайно признательными проф. *Чижю* за разборъ гоголевскаго типа съ точки зрѣнія, которая даетъ въ изобилии пищу уму психіатра при изученіи явленій повседневной жизни, знаніе которыхъ — одна изъ прекраснѣйшихъ и насущнѣйшихъ его обязанностей. И пусть именно глубокой интересъ, который пробудила во мнѣ его рѣчь, оправдаетъ желаніе подвергнуть типъ Плюшкина психологическому анализу съ точки зрѣнія, не вполне отвѣчающей мнѣнію проф. *Чижа*.

Начну съ разбора рѣчи проф. *Чижа* ¹⁾, при чемъ буду останавливаться на отдѣльных мѣстахъ ея въ томъ порядкѣ изложенія, котораго держался авторъ.

По его мнѣнію, Плюшкинъ не типъ скряги, а *типъ старческаго слабоумія*, который можетъ быть правильно истолкованъ только съ специальными свѣдѣніями по психіатріи. И самъ Гоголь, «съ удивительной отчетливостью нарисовавшій Плюшкина, страдающаго старческимъ слабоуміемъ», и критика и публика, «всегда считали» Плюшкина, какъ думаетъ проф. *Чижъ*, «скупцомъ, такъ же, какъ считаютъ здоровыми скрягами всѣхъ Плюшкиныхъ, которыхъ встрѣчаютъ въ жизни». Это «объясняется незнаніемъ психіатріи».

«Старческое слабоуміе, — говоритъ далѣе авторъ, — описано Гоголемъ такъ ясно, такъ вѣрно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ художественно, что къ сказанному о Плюшкинѣ нужно добавить лишь очень немного, чтобы объяснить, насколько психіатрія можетъ подтвердить подмѣченное и нарисованное Гоголемъ». Гоголь, у котораго всѣ остальные герои люди психически здоровые, «съ гениальною чуткостью уловилъ главные признаки старческаго слабоумія и далъ намъ въ Плюшкинѣ типъ несчастнаго, страдающаго старческимъ слабоуміемъ».

«Какъ это обыкновенно бываетъ при старческомъ слабоуміи, первое проявленіе болѣзни состояло въ притупленіи нравственныхъ чувствованій», слѣдствіемъ чего была безучастность къ

¹⁾ В. Ф. *Чижъ*. Плюшкинъ, какъ типъ старческаго слабоумія. «Врачебная Газета», 1902, № 10.

сѣмьѣ. «Притупленіе нравственныхъ чувствованій съ годами прогрессировало»: утратились соціальныя чувствованія, наступило суженіе интересовъ, исчезло даже «элементарное чувство чести». «Плюшкинъ не стыдился ни лгать, ни красть». «Простыя эгоистическія чувствованія», какъ, напр., вкусовыя и эстетическія потребности—все рушилось. «Грязь и неряшливость, жалкая пища дворовыхъ, заплеснѣвшій сухарь»—все это не вызвало въ *больномъ* отвращенія. «*Душевная боль* настолько разрушила душевныя силы Плюшкина, что онъ уже не могъ ни сильно радоваться, ни глубоко страдать; притупленіе чувствованій сдѣлало его безучастнымъ ко всему въ мірѣ. Ничто уже не могло серьезно обрадовать и глубоко огорчить *слабоумнаго* старика». «У него сохранилось, какъ и у многихъ, страдающихъ старческимъ слабоуміемъ, одно лишь чувство — любовь къ собственности». Однако, «Плюшкинъ былъ настолько уже слабоуменъ, что не понималъ относительной цѣнности приобретаемыхъ имъ вещей».

Рука объ руку съ упадкомъ чувствованій шло ослабленіе умственныхъ способностей: «память настоящаго у Плюшкина была ослаблена настолько, что онъ уже не могъ вести хозяйства»; «произвольное мышленіе стало невозможнымъ»; «онъ не могъ направлять свое вниманіе, не могъ обсуждать своихъ дѣлъ»; «сложныя сужденія о причинѣ и цѣли были не по силамъ *слабоумному* старику». «Старческое слабоуміе было настолько рѣзко, что онъ уже не могъ обнимать сознаніемъ всѣ обстоятельства, и потому не могъ руководствоваться отдаленными цѣлями. Онъ дѣйствовалъ, думалъ и говорилъ лишь о ближайшемъ настоящемъ». «Отдаленныя цѣли для него какъ бы не существовали, потому что онъ не могъ живо и ясно представить себѣ будущее и, слѣдовательно, жилъ всецѣло настоящимъ».

«Мы еще не вполне понимаемъ,—говоритъ проф. *Чижъ*,—почему при старческомъ слабоуміи обыкновенно развивается бредъ преслѣдованія; эти большыя крайне подозрительны, недоувѣрчивы, думаютъ, что ихъ обманываютъ, обкрадываютъ и даже замышляютъ на ихъ жизнь». Страхъ, боязливость, недоувѣрчивость и подозрительность—«всѣ эти обычные симптомы старческаго слабоумія» — налицо у Плюшкина. «Идеи бреда» и «подозрительность Плюшкина», какъ выражается проф. *Чижъ*, «натурально не лѣпы, что онъ упрекалъ Мавру: «На страшномъ судѣ черти

припекутъ тебя за это желѣзными рогатками», потому только, что не нашель кусочка чистой бумаги».

«Старческое слабоуміе разрушаетъ всѣ душевныя способности и потому у Плюшкина воля была ослаблена настолько же, насколько чувствованія и умственная дѣятельность»: слабость воли выразилась въ «быстромъ разстройствѣ образцоваго хозяйства», державшагося крѣпкой волей «хорошаго хозяина», какимъ былъ Плюшкинъ до *болѣзни*. «Ослабѣвающая воля не могла осуществить стремленій заболѣвшаго». Мѣсто разумной воли заступаетъ сила привычки. «Силой привычки и *старческимъ слабоуміемъ* объясняется безтолковая скупость Плюшкина, объясняется все его поведеніе. Скупость Плюшкина—не страсть, не психологическое, а чисто патологическое явленіе, и въ этомъ смыслѣ мы должны понимать безсмертный типъ великаго художника». «*Плюшкинъ долженъ считаться типомъ старческаго слабоумія*»¹⁾.

Проф. *Чижевъ* не соглашается только «съ мнѣніемъ Гоголя о старости». «Старческое слабоуміе,—говоритъ онъ,—какъ и всякая душевная болѣзнь, грозна, страшна, но старость сама по себѣ можетъ быть прекрасна, что доказалъ намъ нашъ великій мыслитель и художникъ Л. Н. Толстой».

Я почти дословно воспроизвелъ изъ рѣчи проф. *Чижева* все то, что, въ основныхъ чертахъ, служить для него матеріаломъ при оцѣнкѣ психическаго состоянія Плюшкина, какъ старческаго слабоумія.

Какъ же представляетъ себѣ проф. *Чижевъ* развитіе у Плюшкина того психическаго состоянія, которое онъ называетъ старческимъ слабоуміемъ? Какъ понимаетъ онъ всю исторію *болѣзни*¹⁾ Плюшкина?

«Старческое слабоуміе, какъ преждевременная, ранняя старость,—отвѣчаетъ проф. *Чижевъ*,—развилась у Плюшкина, какъ и у многихъ подобныхъ лицъ, безъ всякой причины».

Мнѣ кажется, что проф. *Чижевъ* упускаетъ изъ виду содержаніе того отрывка изъ посвященной Плюшкину главы «Мертвыхъ душъ», который, на мой взглядъ, является лучшимъ, по тонкости психологическаго анализа, мѣстомъ ея. Онъ представляетъ собою замѣчательно вѣрный, въ клиническомъ и психологическомъ смыслѣ, «анамнезъ», воспроизводя все теченіе «болѣзни»

¹⁾ Во всѣхъ приводимыхъ цитатахъ изъ рѣчи проф. *Чижева* — курсивъ мой.

Плюшкина вплоть до того момента, когда съ нимъ встрѣчается Чичиковъ. И почему проф. Чижъ ни однимъ словомъ не обмолвился объ этомъ прекрасномъ отрывкѣ и такимъ образомъ лишилъ себя необходимаго условія для правильного пониманія психологіи Плюшкина? Между тѣмъ вотъ что мы узнаемъ изъ этого отрывка.

«А было время, когда онъ (Плюшкинъ) только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости»... «Вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины.

Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностью и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать». «Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. *Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе... Старшая дочь Александра Степановна скоро убѣжала съ штабс-ротмистромъ... Въ домъ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ ея стѣжина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться... Сынъ, вмѣсто палаты, опредѣлился въ полкъ... Наконецъ, послѣдняя дочь умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мельли ежеминутно и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ».*

Изъ этого отрывка слѣдуетъ, что Плюшкинъ и въ лучшіе годы своей жизни не отличался глубиной и силой человѣческихъ чувствъ, другими словами, что обнаружившіяся впоследствии въ немъ перемѣны должны быть поставлены въ прямую связь и нѣкоторую зависимость отъ этихъ свойствъ, отличавшихъ его въ зрѣлости. Гоголь наглядно показываетъ намъ, какъ, въ виду этихъ свойствъ, всегда присущихъ Плюшкину, онъ неминуемо долженъ

былъ дать въ періодъ, когда психическія силы человѣка обычно подвергаются процессу регрессивнаго развитія, картину того состоянія, которое мы у него и наблюдаемъ. Наступившія въ условіяхъ жизни перемѣны опять-таки обычны для многихъ. Многихъ постигаетъ ударъ, къ которому Гоголь приурочиваетъ поворотъ въ психическомъ складѣ Плюшкина, и, если не всѣ вдовцы расходятся съ дѣтьми такъ, какъ Плюшкинъ, то все же многие остаются одинокими, вдали отъ своихъ дѣтей. Гоголь, слѣдовательно, поставилъ Плюшкина въ условія не исключительныя, а такія, какія въ жизни встрѣчаются нерѣдко. Сами по себѣ они не могутъ повліять на психику человѣка кореннымъ образомъ, и Гоголь понималъ это. Они лишь рельефнѣе очерчиваютъ и выпуклѣе отбѣняютъ тяжелую картину и безъ того нарастающаго психическаго упадка человѣка. Гоголь поступилъ вполнѣ согласно съ жизненною правдой, *соединивъ художественнымъ чутьемъ своимъ условія, которыя съ извѣстнаго возраста обычны въ жизни человека, съ тѣми измѣненіями, которыя происходятъ въ немъ самомъ.*

Стало быть, выводъ изъ этого отрывка не соотвѣтствуетъ тому, къ которому приходитъ проф. Чижъ. Гоголь, скажемъ мы, основываясь на разборѣ указаннаго отрывка, *вовсе не считалъ Плюшкина только обыкновеннымъ скупцомъ.* Если бы онъ имѣлъ въ виду воплотить въ Плюшкинѣ типъ скряги, ему не зачѣмъ было бы прибѣгать къ тонкому анализу постепенно нарастающихъ въ психикѣ Плюшкина измѣненій, не зачѣмъ было бы выяснять условія, при которыхъ совершались они, не зачѣмъ было бы, наконецъ, пользоваться опредѣленнымъ—старческимъ—періодомъ жизни своего героя. Для того, чтобы создать типъ, въ которомъ скупость, какъ говоритъ проф. Чижъ, была бы страстью, явленіемъ психологическимъ, Гоголю не зачѣмъ было бы останавливаться на Плюшкинѣ, какъ на объектѣ неподходящемъ. Если я вѣрно понялъ проф. Чижъ,—Гоголь, по его мнѣнію, желая создать типъ скряги, съ «удивительной отчетливостью» нарисовалъ типъ «старческаго слабоумія», или, другими словами, облекъ свою мысль въ неподходящій конкретный образъ. И, наоборотъ, выхвативъ изъ жизни и воспроизведя съ рѣдкой ясностью и правдивостью слабоумнаго старика, самъ того не зная, совершенно невѣрно толковалъ подмѣченное явленіе. Такъ полагаетъ проф. Чижъ, и, конечно, тѣмъ самымъ оказы-

ваецъ Гоголю, великому и проникновенному знатоку человѣческаго ума и сердца, плохую услугу. Гоголь, какъ слѣдуетъ изъ разсужденій проф. *Чижъ*, не понималъ того, что такъ правдиво описывалъ, или, — придется сказать, развивая дальше мысль проф. *Чижъ* — преслѣдовалъ опредѣленную цѣль, желалъ нарисовать извѣстный типъ, но выбралъ для этого неудачный при мѣръ. Но такъ ли это?

Уже вышеприведенный отрывокъ творенія Гоголя подсказываетъ намъ, какой отвѣтъ мы должны дать. Отвѣтъ этотъ отрицательный.

Невѣрно толкуютъ типъ Плюшкина, по мнѣнію проф. *Чижъ*, и критика, и публика. Твердо установившееся пониманіе этого типа, думаетъ проф. *Чижъ*, неправильно. Я полагаю, что и это не вполне такъ. Дѣло въ томъ, что между Плюшкинымъ — синонимомъ скряги и Плюшкинымъ-героемъ Гоголя критика не можетъ не дѣлать разницы, тѣмъ болѣе, что на разницу эту указываетъ самъ Гоголь. «И до какой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться?» Эти слова резюмируютъ намъ образъ Плюшкина, если можно такъ выразиться, съ чисто симптоматической стороны. Этотъ симптомо-комплексъ, эту совокупность опредѣленныхъ чертъ человѣка мы можемъ синонимизировать словомъ «Плюшкинъ»; мы можемъ считать эти черты типичными для скряги. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Степанъ Плюшкинъ, герой «Мертвыхъ душъ», представлялъ собой не что иное какъ скрягу. Чтò представлялъ Степанъ Плюшкинъ, мы узнаемъ изъ словъ того, кто создалъ этотъ образъ, и не должно имѣть мѣста неправильное толкованіе критика тамъ, гдѣ самъ авторъ, не ограничиваясь однимъ лишь воспроизведеніемъ образа, мастерски, однимъ штрихомъ, истолковываетъ его намъ. Степанъ Плюшкинъ, говоритъ Гоголь, — портретъ пламеннаго юноши въ старости, портретъ, отъ котораго онъ отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы *ему* показали *его*. Употребляя еще разъ приведенное выше сравненіе, мы должны заключить: *съ внѣшней, чисто симптоматической стороны Плюшкинъ типъ скряги; на самомъ же дѣлѣ онъ — портретъ старости.*

Умѣстно будетъ пояснить только что высказанную мысль слишкомъ хорошо извѣстными примѣрами изъ психопатологіи. При врожденномъ слабоуміи у больного часто проявляется стремленіе къ поджигательству, стремленіе, когда-то называвшееся особымъ именемъ «пироманія». При нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ

нерѣдко наблюдаются эксцессы in Baccho aut Venere. Если бы, пользуясь такого рода патологическимъ примѣромъ, авторъ литературнаго произведенія далъ художественное описаніе его, легко могло бы статься, что образъ, нарисованный авторомъ, сдѣлался бы синонимомъ поджигателя, развратника или пьяницы. Но изъ этого не слѣдовало бы, что данный герой литературнаго произведенія по-просту поджигатель, развратникъ или пьяница: онъ больной человѣкъ, котораго болѣзнь сдѣлала такимъ. Совершенно то же и съ Плюшкинымъ. Рисуя типъ «ничтожности, мелочности и гадости», Гоголь вовсе не считалъ Плюшкина лишь образцомъ этихъ отрицательныхъ чертъ. Онъ зналъ, что это не «психологическая» ничтожность, мелочность и гадость, а результатъ измѣненія личности, обусловленнаго старостью. Я никакъ не могу понять, почему проф. Чижъ полагаетъ, что Гоголь не понималъ описаннаго имъ типа и что за авторомъ не поняла его ни публика, ни критика?!

Итакъ, Гоголь, какъ слѣдуетъ изъ вышеприведенныхъ разсужденій, поставилъ себѣ цѣлью дать «портретъ старости», которая, согласно его характеристикѣ, «грозна, страшна и ничего не отдаетъ назадъ и обратно». Что же хотѣлъ изобразить Гоголь? Откуда долженъ былъ заимствовать онъ первообразъ своего героя? Долженъ ли онъ былъ воспользоваться картиной здоровой, физиологической старости, или же изобразить случай патологически измѣненной старости? Какова разница между той и другой? Отвѣчаетъ ли созданный имъ типъ Плюшкина поставленной задачѣ? Вотъ вопросы, напрашивающіеся на разрѣшеніе.

А ргіоі исходя изъ поставленной Гоголемъ цѣли, надо думать, что онъ стремился къ изображенію того, что часто оставалось на себѣ его вниманіе. Все произведеніе, въ которомъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является Плюшкинъ, заключаетъ въ себѣ цѣлую галерею образовъ, являющихъ, по своей законченности, цѣльности и полнотѣ, настоящіе «типы». Типъ, каждая отдѣльная черта котораго заимствована у какого-либо первообраза, частности котораго коренятся въ жизни и взяты у нея, въ совокупности своихъ свойствъ обычно суммируетъ разрозненныя явленія природы, превосходя своею полнотою то, что встрѣчается въ жизни. Это одна отличительная черта типа. Другая состоитъ въ томъ, что типичное не можетъ быть рѣдко: «типичность» и «рѣдкость» исключаютъ другъ друга. Слѣдова-

тельно, анализируя Плюшкина, мы должны себѣ сказать: Гоголь встрѣчалъ нерѣдко отдѣльныя черты, совокупность которыхъ представляетъ образъ Плюшкина, и имѣлъ въ виду дать въ лицѣ Плюшкина типъ того, что заурадно. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія автора, его герой долженъ былъ воплотить собой частое явленіе, воспроизвести то, что видѣлъ авторъ чуть ли не на каждомъ шагу, но мимо чего обыкновенные люди, неударенные «всецѣдѣніемъ» Гоголя, проходили мимо. Гоголь, говоря кратко, наблюдалъ измѣненія, происходящія въ психической сферѣ человѣка въ старости, подмѣтилъ типичныя черты и задался пѣлью вылить ихъ въ форму. Относительно рѣдкія болѣзненные измѣненія не могли, слѣдовательно, отвѣчать задачѣ Гоголя.

Сравнительная психологія возрастовъ изучена еще очень мало. Объясняется это тѣмъ, что мы вообще мало знакомы пока съ психологіей отдѣльныхъ возрастовъ. Болѣе того, недостаточное знакомство съ предѣлами психологической нормы дѣлаетъ труднымъ уловить переходъ въ область патологическаго. Вотъ почему особенно трудно въ психопатологіи рѣшеніе вопросовъ, касающихся тѣхъ аномалій душевной дѣятельности, которыя незамѣтно сливаются съ областью нормальнаго, физиологическаго. Гораздо легче поддаются психопатологическому анализу тѣ разстройства душевной дѣятельности, которымъ ничто не соответствуетъ въ области нормальнаго: когда мы говоримъ про одного человѣка, что онъ психически здоровъ, а про другого, что онъ представляетъ признаки прогрессивнаго паралича, то здѣсь одно утвержденіе отдѣлено отъ другого рѣзкой гранью: тамъ здоровье — здѣсь болѣзнь, упадокъ и смерть. Не то мы должны сказать про человѣка съ врожденнымъ или старческимъ слабоуміемъ: неуловимая постепенность ведетъ отъ обыкновенной глупости и ограниченности къ настоящему врожденному слабоумію; измѣненія, обычно свойственныя старческому возрасту, незамѣтно вырастаютъ въ настоящее старческое слабоуміе. Поэтому-то особенно трудна задача психіатра при распознаваніи именно этихъ состояній, поэтому-то особенно важно для него имѣть въ рукахъ надежныя основанія, дающія возможность разобраться. Центръ тяжести лежитъ въ этихъ случаяхъ не въ діагностицированіи опредѣленнаго заболѣванія, а въ дифференцированіи болѣзни отъ нормы, патологіи отъ физиологіи. Второе всегда труднѣе перваго.

Въ предыдущихъ строкахъ мы намѣтили ту область нормальной и патологической психологіи, которой коснулся Гоголь, выводя Плюшкина.

Что же такое Плюшкинъ? является ли онъ образъ, имѣющій цѣлю воспроизвести физиологическія или же патологическія измѣненія, претерпѣваемые психикой въ старости?

Исходя изъ разсужденій о чисто литературной задачѣ автора, мы склонны думать, что Гоголь, какъ онъ самъ выясняетъ это, преслѣдовалъ цѣль, заключающуюся въ изображеніи обычнаго постепеннаго старческаго упадка душевныхъ силъ.

Къ такому заключенію приводятъ насъ предположительныя разсужденія. Посмотримъ, согласуется ли съ этимъ самое описаніе, — образъ, нарисованный Гоголемъ.

Мы, дѣйствительно, находимъ у Плюшкина притупленіе чувствованій, упадокъ умственныхъ способностей и ослабленіе воли—симптомокомплексъ, указывающій на общее пониженіе душевныхъ силъ. Но констатированіе его не даетъ еще само по себѣ права признавать это пониженіе душевныхъ силъ патологическимъ, въ томъ смыслѣ, чтобы считать его болѣзнью. Конечно, никто не сомнѣвается въ томъ, что всякій упадокъ психики—результатъ лежащихъ въ основѣ его соматическихъ измѣненій. Нельзя, однако, въ силу одного этого относить къ патологіи всѣ отрицательныя измѣненія, присущія опредѣленному возрасту и наступающія съ неумолимой закономѣрностью. Обычное постѣдѣніе—не болѣзнь, хотя и можетъ наступать въ различномъ возрастѣ, въ различной степени и даже вовсе не наступать до очень глубокой старости. Поэтому то важно выяснить, находится ли картина, рисуемая Гоголемъ, въ предѣлахъ физиологическаго или же уклоняется отъ него настолько, что вступаетъ всецѣло въ область патологическаго и должна быть отнесена къ старческому слабоумію. Проф. *Чижевскій* считаетъ картину, нарисованную Гоголемъ, *типичной* для старческаго слабоумія, а Плюшкина человѣкомъ, страдающимъ этой болѣзнью.

Противъ такой рѣшительной оцѣнки наблюдаемыхъ у Плюшкина явленій, противъ такого возведенія его образа въ *типъ старческаго слабоумія*, т. е. въ типичный случай опредѣленной болѣзни, нельзя не возражать.

Психопатологія не можетъ и не должна, какъ мы уже выше сказали, считать всѣ тѣ измѣненія, которыя характеризуютъ стар-

ческое увяданіе душевныхъ силъ—старческимъ слабоуміемъ. Подъ послѣднимъ наука разумѣетъ такой упадокъ психики, который достигъ извѣстной степени и проявляется явно-патологическими симптомами. Конечно,—и на это было уже указано мною—опредѣленіе границы между той степенью измѣненій, которая причисляется еще къ области фізіологическаго, и той, которая принадлежитъ области патологіи—вещь трудная и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, условная, произвольная. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ психопатологія была вправѣ ограничиваться указаніемъ на существованіе у даннаго субъекта ослабленія всѣхъ психическихъ отправленій и называть это старческимъ слабоуміемъ. Чтобы признать въ конкретномъ случаѣ старческое слабоуміе, т. е. такую болѣзнь, которая наблюдается отнюдь не у всѣхъ стариковъ, а сравнительно рѣдко, между тѣмъ какъ старческой упадокъ психики явленіе заурядное, необходимо, съ одной стороны, *въ извѣстной степени выраженное количественное отступленіе* отъ нормы, съ другой стороны—*качественныя нарушенія* хода психическихъ отправленій. Къ перваго рода отступленіямъ отъ минимума, свойственнаго психически здоровому человѣку, относится притупленіе чувствованій, расстройство способности сохраненія впечатлѣній, оскудѣніе памяти и мышленія, нарастающая ограниченность кругозора и цѣлый рядъ родственныхъ явленій. Ко втораго рода симптомамъ относятся такіе, которые, указывая на глубокое, несомнѣнно болѣзненное пораженіе психики, заключаются въ приступахъ возбужденія, иллюзіяхъ, галлюцинаціяхъ и бредѣ. Вотъ почему картина выраженного старческаго слабоумія характеризуется настолько типичнымъ комплексомъ симптомовъ, что даетъ возможность видѣть въ немъ своеобразную, достаточно опредѣленную въ смыслѣ симптоматологіи, самостоятельную нозологическую единицу. Эпитетъ «старческой», какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ *Ноче* ¹⁾, указываетъ не на принадлежность извѣстныхъ измѣненій психики къ точно ограниченному періоду человѣческой жизни, а на опредѣленную фізіономію этихъ отклоненій. Одно изъ явленій, наблюдаемыхъ въ болѣе слабой степени и въ здоровой старости и составляющее отличительную черту собственно старческаго слабоумія—*глубокое* расстройство способности со-

1) *Ноче*. Handbuch der gerichtlichen Psychiatrie. 1901.

хранять впечатлѣнія, на ряду съ уцѣлѣвшей памятью о давно прошедшемъ, придаетъ старческому слабоумію совершенно особый отпечатокъ и отличаетъ типичные случаи его отъ случаевъ всякаго другого душевнаго страданія. Старческія черты психики, представляющія физиологическую принадлежность опредѣленнаго возраста—упрямство, недостаточная эластичность мышленія, утомляемость его, упадокъ способности сохранять впечатлѣнія, притупленіе высшихъ чувствованій и, какъ слѣдствіе этого, эгоистическая ограниченность душевныхъ движеній, склонность къ ипохондрическимъ проявленіямъ, подозрительность, недовѣрчивость и т. д.—все это явленія, которыя до тѣхъ поръ нельзя истолковывать какъ болѣзненные нарушенія душевной дѣятельности и дѣлать имъ соотвѣтствующую оцѣнку, пока къ нимъ не присоединятся болѣе крупныя расстройства, изъ которыхъ наиболѣе существеннымъ оказывается прогрессирующій упадокъ интеллекта. Какое значеніе имѣетъ дифференцированіе физиологическихъ старческихъ отступленій отъ патологическихъ уклоненій для рѣшенія социальныхъ и судебныхъ вопросовъ—очевидно само собой. Оно и подчеркивается проф. *Чижомъ* въ его «Частной патологіи помѣшательства»¹⁾: «ослабленіе памяти, значительное замедленіе умственныхъ процессовъ еще не лишаютъ стариковъ возможности вполне вѣрно судить о своихъ дѣлахъ»... «только идеи бреда, обманы чувствъ, меланхолическія и маниакальныя состоянія являются доказательствами тяжелой душевной болѣзни».

Имѣемъ ли мы въ Плюшкинѣ дѣйствительно типичную картину старческаго слабоумія?

Я позволяю себѣ дать отрицательный отвѣтъ.

По мнѣнію проф. *Чижя*, «старческое слабоуміе описано Гоголемъ такъ ясно, такъ вѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ художественно, что къ сказанному о Плюшкинѣ нужно добавить лишь очень немного, чтобы объяснить, насколько психіатрія можетъ подтвердить подмѣченное и нарисованное Гоголемъ». Это едва ли такъ. Если бы Гоголь, дѣйствительно, далъ намъ типичную картину старческаго слабоумія, проф. *Чижъ* въ своей «Частной патологіи помѣшательства», вѣроятно, скорѣе рѣшился бы указать на это описаніе, чѣмъ на «Войну и Миръ» Толстого и «Дя-

1) В. Ф. *Чижъ*. Частная патологія помѣшательства. 1898.

дюшкинъ сонъ» Достоевскаго. Однако онъ этого не дѣлаетъ. Да это и вполне понятно, такъ какъ желающій ознакомиться съ типичной картиной старческаго слабоумія едва ли нашелъ бы подходящій для этого объектъ въ описаніи Гоголя. Измѣненія, наступившія въ психикѣ Плюшкина, слишкомъ незначительны для этого; слишкомъ близко стоитъ она для этого къ физиологически измѣненной психикѣ старца и слишкомъ слабо намѣчены въ Плюшкинѣ тѣ измѣненія, которыя кладутся въ основу научнаго выдѣленія старческаго слабоумія въ особую болѣзнь. Въ его психикѣ совершенно отсутствуютъ качественныя измѣненія и столь важное глубокое измѣненіе способности сохранять впечатлѣнія.

При оцѣнкѣ наблюдавшагося у Плюшкина упадка душевныхъ силъ, проф. *Чижъ* упускаетъ, по моему мнѣнію, изъ виду три важныхъ соображенія. Прежде всего, личность Плюшкина въ годы его «суроваго, ожесточающаго мужества». Складъ этой личности въ зрѣломъ возрастѣ можетъ объяснить намъ многое изъ того, что наблюдалось у него въ старости и при томъ лучше, чѣмъ ссылка на его болѣзнь, въ которой ищетъ объясненія проф. *Чижъ*. Во-вторыхъ, не слѣдуетъ забывать закона исторической перспективы: видѣть въ упрекѣ Плюшкина по адресу Мавры доказательство нелѣпыхъ «бредовыхъ идей» значитъ игнорировать современныя Плюшкину понятія психически здоровыхъ людей. «Подозрительность Плюшкина достигаетъ той степени, что нельзя и сомнѣваться въ его болѣзни», говоритъ проф. *Чижъ*. Однако, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что недовѣрчивость и подозрительность стариковъ является «выраженіемъ чувства нарастающей несостоятельности», которое «въ этомъ возрастѣ даетъ себя знать то болѣе, то менѣе сильно и здоровому человѣку» (*Kraepelin*). Поэтому нельзя видѣть въ проявленіяхъ, встрѣчающихся у Плюшкина, «нелѣпый бредъ», настоящія «бредовыя идеи»: всякій изъ насъ встрѣчалъ у нормальныхъ старцевъ подозрительность и недовѣрчивость въ такихъ предѣлахъ, какъ у Плюшкина, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ всегда отличался нѣкоторой подозрительностью. Въ-третьихъ, заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что, выводя въ лицѣ Плюшкина опредѣленный «типъ», Гоголь долженъ былъ сгустить краски и сконцентрировать замѣченное у многихъ отдѣльныхъ лицъ въ одинъ образъ, совершенно такъ, какъ

это сдѣлано имъ по отношенію къ другимъ «типамъ», въ психическомъ здоровьи которыхъ никто не сомнѣвается.

Умственная дѣятельность въ собственномъ смыслѣ, т.-е. интеллектъ Плюшкина и въ частности способность сохранять впечатлѣнія—тоже едва ли пострадала настолько, чтобы безъ всякихъ околнностей считать его слабоумнымъ старикомъ. Что Плюшкинъ «позабывалъ самъ, сколько у него было чего» неудивительно при прогрессивномъ нарастаніи его богатствъ, такъ какъ «мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, а главныя части хозяйства все болѣе и болѣе уходили изъ вида его». И эта-то мелочность, суженіе интересовъ, непониманіе широкихъ задачъ и принесеніе ихъ въ жертву болѣе будничнымъ, эгоистическимъ, даже исключительно растительнымъ потребностямъ—встрѣчаются сплошь и рядомъ въ здоровой старости. «Dem Greise erscheint das Nächstliegende, die Mahlzeit, der Sorgenstuhl, die Pfeife viel wichtiger, als grosse ideale Aufgaben»—чрезвычайно мѣтко выражается *Weygandt* ¹⁾. «Сложныя сужденія о причинѣ и цѣли были не по силамъ слабоумному старику. Только простыя описательныя сужденія были доступны ослабѣвшимъ умственнымъ способностямъ Плюшкина», говоритъ далѣе проф. *Чижъ*. Но развѣ другіе, психически здоровые помѣшчики, у которыхъ Чичиковъ покупалъ мертвыя души, въ достаточной степени ясно ставили себѣ вопросъ, «почему и съ какой цѣлью» онъ это дѣлаетъ? Что скупость, будь она «психологическимъ» или чисто патологическимъ явленіемъ, предполагаетъ ослабленіе критики, видно уже изъ пословицы: «скупой два раза платитъ». Ясно, что если бы умъ скупца обладалъ большей сочтательной способностью, онъ понималъ бы, что скупость всегда оказывается въ сущности самой безразсудной расточительностью.

Разборомъ нѣсколькихъ отрывковъ я хотѣлъ показать, что если не все, то большинство изъ того, что входитъ въ описаніе образа Плюшкина, укладывается въ рамки наблюдаемыхъ въ старости физиологическихъ измѣненій психики.

Я не стану отрицать, что въ Плюшкинѣ мы наталкиваемся на нѣкоторыя черты, которыя указываютъ на упадокъ его психики, болѣе глубокой, чѣмъ при обыкновенной физиологической старости: особенно сильно поражены у него чувствованія, и пре-

¹⁾ *Weygandt*. Grundriss der Psychiatrie. 1902.

жде всего нравственныя. Но долженъ еще разъ замѣтить, что при истолкованіи этого явленія необходимо считаться съ психологіей Плюшкина въ годы зрѣлости. И мы вправѣ заключить, что смыслъ литературнаго образа Плюшкина, центръ тяжести его, если можно такъ выразиться, заключается не въ тѣхъ чертахъ Плюшкинской психологіи, которыя представляютъ уклоненія физиологическихъ старческихъ измѣненій въ сторону патологіи и приближаютъ ее къ картинѣ старческаго слабоумія, а въ тѣхъ, въ которыхъ художникъ изображаетъ мощными размахами кисти незамѣтное, постепенное измѣненіе человѣка, у котораго въ лучшіе годы жизни хотя и «не отражались слишкомъ сильныя чувства въ чертахъ лица, но въ глазахъ былъ виденъ умъ». Человѣческія чувства «мелѣютъ ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивается въ изношенной развалинѣ». Въ изображеніи этого, какъ говоритъ авторъ, и состояла цѣль его, и образъ Плюшкина представляетъ безсмертное изображение дѣйствительно «грознаго и страшнаго, идущаго впередъ старости». Если бы Гоголь поставилъ себѣ задачей — нарисовать старческое слабоуміе, мы должны были бы считать эту задачу не только чрезвычайно узкой, но и непонятной съ точки зрѣнія идеи, лежащей въ основѣ всего творенія Гоголя. Напротивъ, то, что далъ намъ Гоголь въ поэтической, чрезвычайно художественной и рѣдкой по правдивости и выпуклости формѣ, захватываетъ жизнь гораздо шире и глубже. Оно воплощаетъ то, что мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу, что мало однако привлекаетъ наше вниманіе и мимо чего мы проходимъ, не оцѣнивая въ достаточной мѣрѣ грустнаго, но неотвратимаго закона природы, вѣрное пониманіе котораго столь важно для нашихъ житейскихъ и социальныхъ отношеній.

Огромное значеніе той главы «Мертвыхъ душъ», въ которой мы знакомимся съ Плюшкинымъ, обусловливается, какъ мы видимъ, описаніемъ не тѣхъ чертъ его психологіи, которыя могли бы указывать на развитіе душевной болѣзни въ видѣ старческаго слабоумія, а тѣхъ, которыя съ такимъ мастерствомъ выхвачены изъ повседневной жизни и краснорѣчиво рисуютъ обычную картину психической старости. Вотъ почему считать безсмертный образъ Плюшкина иллюстраціей къ главѣ изъ психопатологіи значить умалять значеніе его и великую заслугу Гоголя. Гоголь заимствовалъ свои образы у повседневной жизни, у физиологіи,

а не у патологии, и это остается справедливымъ даже для тѣхъ изъ нихъ, къ которымъ, какъ къ образу Плюшкина, примѣшивается патологическій элементъ. *Психологія старости, вотъ область, которую освѣщаетъ намъ Гоголь, рисуя Плюшкина.*

Какъ неминуема инволюція физическаго здоровья человѣка, какъ неосновательно предположеніе о томъ, что человѣкъ, стоящій на какой бы ни было недосыгаемой высотѣ физическаго развитія, можетъ избѣгнуть упадка силъ въ старости, — такъ неминуемъ тотъ же процессъ и въ психикѣ человѣка и неосновательно предполагать, что гени и великіе мыслители могутъ избѣгнуть общаго всѣмъ закона. Правда, психическая инволюція не всегда идетъ параллельно физической, и многіе великіе люди до глубокой старости сохраняютъ удивительную продуктивность ума, но изъ этого все же не слѣдуетъ, чтобы старческое увяданіе не накладывало печати и на ихъ мозгъ. Былая мощь ихъ психическихъ силъ, подкрѣпленная тѣми преимуществами опыта, которыми снабжаетъ длинный жизненный путь, продолжаетъ существовать и въ старости и въ ней незамѣтно тонуть признаки упадка, которые, конечно, кажутся тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ крупнѣе была первоначальная сила. Но все же старость одинаково грозна для всѣхъ, для простаго смертнаго и великаго гени: она всегда ведетъ къ большей или меньшей «прорѣхѣ», какъ выражается Гоголь.

Современный намъ и популярный поэтъ А. М. Жемчужниковъ въ краткой и сильной поэтической формѣ характеризуетъ психологію старости. Одно названіе его стихотворенія — „Превращенія“ уже даетъ какъ бы указаніе на физиологическій, по мнѣнію поэта, характеръ инволюціи психики въ старости:

. . . . . какъ зато мнѣ больно,
 Когда приходится увидѣть старика
 Еще здороваго, который даже въ силахъ
 И тяжкій трудъ подъять, ...
 Но ужъ носителя и чувствъ, и мыслей хилыхъ!
 По жизненной стезѣ осмысленно онъ шелъ;
 Когда-то былъ уменъ и съ сердцемъ былъ нечестивымъ,
 И различать умѣлъ причины благъ и золь.
 . . . . .
 Вдругъ — превращенія. Великій въ жизни даръ,
 . . . . .
 Даръ прозорливости смѣнился почему-то

Въ немъ дальновидностью дѣвицъ изъ института.

.....

Блеснетъ ли свѣта лучъ, — ручьемъ онъ слезы точить,

Гдѣ плакать надо бы, — онъ чуть что не хохочетъ.

Онъ въ смерти видитъ жизнь, онъ въ камнѣ видитъ хлѣбъ...

Такъ сердцемъ онъ заглохъ! Такъ умственно ослѣпъ...

Что, ежели и мнѣ... О! Боже сохрани!..

И мнѣ на старости вдругъ станетъ неизвѣстно...

Что глупо, что умно, что честно, что безчестно?

Я. Ф. Капланъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Контрасты и симметрія.

(G. Tarde. L'Opposition universelle. Essai d'une théorie des contraires.)

I.

Въ предлагаемой статьѣ читатели не найдутъ подробнаго изложенія содержанія книги Г. Тарда, заглавіе которой приведено: авторъ хотѣлъ лишь представить краткій очеркъ идей, которыя положены извѣстнымъ французскимъ социологомъ въ основаніе одного изъ его послѣднихъ произведеній. Объемистая книга «L'Opposition universelle» (445 стр. in quarto) не скоро, вѣроятно, дождется русскаго переводчика. Между тѣмъ она заслуживаетъ того, чтобы ее прочитали, и кто рѣшится сдѣлать это, не пожалѣетъ о потраченномъ времени.

«L'Opposition universelle» — непосредственное и логическое продолженіе хорошо извѣстныхъ русскою публикѣ «Законовъ подражанія». Идеи отчасти намѣченныя, отчасти развитыя въ послѣднихъ (а также и въ «Соціальной логикѣ»), находятъ въ «L'Opposition universelle» свою окончательную отдѣлку, образуя стройную философскую систему, и хотя въ этой системѣ мы встрѣчаемся съ рядомъ сложныхъ вліяній: здѣсь и спиновскій пантеизмъ, но не холодный и мертвый, а полный жизни и движенія, и гегелевская діалектика, и карлейлевскій культъ героевъ, и, главнымъ образомъ, возрожденіе лейбнической теоріи монадъ,—все же эта система въ совокупности представляетъ собой цѣльное своеобразное ученіе, продуктъ оригинальной мысли и увлекательно искренняго убѣжденія.

Въ «Законахъ подражанія» Тардъ, какъ извѣстно, доказываетъ, что въ мірѣ все повторяется: волны звука и свѣта, движенія небесныхъ тѣлъ, колебанія молекулъ, удары нашего сердца, движенія мускуловъ, сложныя движенія души, общественные обычаи, религиозные обряды,—все какъ будто говоритъ объ одномъ непрерывномъ стремленіи природы къ самоповторенію; въ своемъ новомъ произведеніи авторъ предлагаетъ намъ посмотреть на происходящее вокругъ насъ и въ насъ самихъ съ иной точки зрѣнія, столь же объемлющей и глубоко захватывающей. Мы увидимъ тогда, говоритъ авторъ, нѣчто обратное, властное господство иного принципа: вездѣ контрасты, противоположныя полюсы, антиподы, столкновеніе противоположныхъ элементовъ, борьба интересовъ и стремленій. Въ мірѣ физическомъ—частицы, притягивающіяся и отталкивающіяся, силы борющіяся и другъ друга нейтрализующія; въ мірѣ органическомъ—дивная симметрия формъ, проходящая по всей біологической лѣстницѣ, борьба за существованіе; въ мірѣ социальномъ—враждующія партіи, противоположныя стремленія и страсти и, наконецъ, грозная эмблема всевозможныхъ контрастовъ и противоположностей, — война, возведенная на пьедесталъ божества. «И вотъ,—говоритъ Тардъ,—когда я посмотрѣлъ на вселенную съ этой точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія универсальной противоположности заключающихся въ ней элементовъ и силъ,—мнѣ все представилось въ манихейскомъ, если не сатанинскомъ свѣтѣ. И я подумалъ: не здѣсь ли слѣдуетъ искать настоящей образъ природы, ея основную черту, и тѣ ничтожныя слѣды добра, любви и братской солидарности, встрѣчающіеся то тутъ, то тамъ, не обязаны ли и они своимъ проявленіемъ долгой борьбѣ, не выросли ли они на почвѣ алчной вражды, всеобщей ненависти и соперничества?» Подобныя размышленія, какъ объясняетъ самъ Тардъ въ предисловіи къ своему труду, заставили его подвергнуть идею контраста, противоположности и симметріи тщательному анализу, для того, чтобы опредѣлить ихъ роль въ природѣ и отвести подобающее имъ мѣсто въ человѣческихъ отношеніяхъ. Мы не будемъ шагъ за шагомъ слѣдить за Тардомъ въ его экскурсіяхъ въ различныя области человѣческаго знанія; ограничимся лишь указаніемъ тѣхъ главныхъ чертъ, которыми авторъ характеризуетъ противоположность какъ міровой феноменъ.

Приведенные нами выше примѣры противоположностей (разно-

именныя электричества, полюсы магнита, враждебныя партіи) представляют собой контрасты сосуществующіе, но не они, говоритъ Тардъ, раскрываютъ предъ нами истинную природу вещей, такъ какъ за этими одновременно существующими противоположностями, если углубимъ нашъ анализъ, мы увидимъ другой рядъ противоположностей, несравненно болѣе важный по своему значенію, противоположностей послѣдовательныхъ, контрастовъ ритмически колеблющихся. И, открывая эти колебанія, эти ритмы, мы глубже вникаемъ въ то, что происходитъ въ нѣдрахъ элементовъ и силъ. Такъ, въ электрической и магнитной полярности общепринятая гипотеза видитъ внѣшнее проявленіе внутри происходящихъ колебаній молекулярныхъ волнъ; такія же волнообразныя колебанія скрываются за взаимнымъ притяженіемъ и отталкиваніемъ молекулъ, за функціями нашихъ органовъ. Если же отъ сравнительно простыхъ физическихъ процессовъ мы обратимся къ сложнымъ проявленіямъ психической жизни, къ сферѣ индивидуальнаго сознанія, то увидимъ, что ритмическій процессъ не только не теряетъ въ своей очевидности, а наоборотъ становится еще болѣе выразительнымъ и яркимъ. Правда, общественная жизнь допускаетъ и даже предполагаетъ *сосуществованіе* политическихъ партій, оспаривающихъ другъ у друга власть, религіозныхъ сектъ, проникнутыхъ взаимно нетерпимостью, классовъ, раздираемыхъ враждой, научныхъ теорій, другъ друга исключаящихъ; но не ясно ли, что это сосуществованіе, это «подвижное равновѣсіе» нейтрализующихся противоположныхъ силъ, стремленій и желаній въ основѣ своей подразумеваетъ другой рядъ противоположностей, послѣдовательно смѣняющихся, ритмически колеблющихся? Въ каждомъ изъ индивидуумовъ, составляющихъ данное общество, нѣтъ и не можетъ быть, говоритъ Тардъ, сосуществованія противоположностей. Каждый изъ насъ попеременно то любитъ, то ненавидитъ, то презираетъ, то страстно жаждетъ. Какъ удары сердца, какъ дыхательныя движенія, періодичны состоянія нашего ума и влеченія нашей души. Вся жизнь индивидуума есть сплошной ритмъ: въ періодахъ выливается его рѣчь, періодичны его религіозныя обряды, его музыкальныя пьесы съ ихъ повышеніями и пониженіями, его танцы съ ихъ мѣняющимися тактами; все, что онъ ни дѣлаетъ, есть волнообразное колебаніе, такъ какъ слагается изъ противоположныхъ мускульныхъ движеній, изъ актовъ созиданія

и разрушенія. Впрочемъ, нѣтъ нужды распространяться о значеніи ритма. Тардъ справедливо указываетъ на то, что ученые и мыслители всѣхъ вѣковъ проявляли необыкновенное пристрастіе къ идеѣ о правильномъ волнообразномъ ритмѣ и стройныхъ колебаніяхъ, лежащихъ въ основѣ явленій; скорѣе, говоритъ онъ, этимъ терминомъ слишкомъ злоупотребляли, чѣмъ не воздали ему должнаго. Въ самомъ дѣлѣ, указанная распространенность ритма доказываетъ ли его универсальность? Должны ли мы, иными словами, признать вмѣстѣ со Спенсеромъ, что ритмъ— это все, что онъ есть основной процессъ мірозданія, что въ мірѣ существуютъ лишь вихри, постоянно волнующіеся и фатально возвращающіеся къ своему исходному пункту, что вещество и жизнь, земля и вся солнечная система должны въ теченіе вѣковъ вернуться снова по пройденному нѣкогда пути къ тому, чѣмъ онѣ были въ безконечномъ прошломъ; къ той разсѣянной туманности, откуда возникло все сущее? Это понятіе о круговомъ ритмѣ возвращаетъ насъ къ системамъ древнихъ философовъ: Гераклита и Эмпедокла, учившихъ, что кругъ есть господствующій принципъ, властвующій надъ веществомъ и составляющими его элементами. Идея о ритмѣ и симметрической гармоніи, очевидно, обладаетъ для человѣческаго ума особенной прелестью, если она могла одинаковымъ образомъ плѣнить трезвую мысль англійскаго эволюціониста и поэтическое воображеніе древняго эллина. Но соотвѣтствуетъ ли эта идея истинѣ и дѣйствительно ли ритмъ послужилъ въ рукахъ Великаго Мастера фономъ для его грандіозной картины, канвой, на которой онъ набросалъ свои прихотливые узоры? Тардъ рѣшительно отрицаетъ это. Волны рѣки, говоритъ онъ, непрерывно опускаются и поднимаются, неся на себѣ другія, но самое теченіе неизмѣнно стремится впередъ, по проложенному руслу и вспять не возвращается; точно такъ же и міровые процессы: и у нихъ есть свое теченіе, несущееся впередъ къ невѣдомому берегу и никогда не возвращающееся по однажды пройденному пути. Среди повтореній и противоположностей, раскрывающихся предъ нами въ столь многообразныхъ формахъ, есть нѣчто, что не повторяется и не имѣетъ себѣ противоположнаго, и это *нѣчто* есть именно то, что придаетъ вещамъ и явленіямъ ихъ своеобразность, что кладетъ на нихъ неизгладимую печать особеннаго, единственнаго въ своемъ родѣ, что составляетъ ихъ сущность, ихъ оригинальную фізіономію,

ихъ душу. Изъ множества примѣровъ, которыми Тардъ иллюстрируетъ свою мысль, мы приведемъ лишь нѣкоторыя. На землѣ и въ ея нѣдрахъ, говоритъ онъ, происходятъ измѣненія, подверженныя ритмическимъ колебаніямъ (вулканическія изверженія, приливы и отливы, колебанія почвы), но самый *порядокъ* этихъ измѣненій никогда не повторяется и невозможно себѣ и представить, чтобы обнаженіе геологическихъ пластовъ происходило въ порядкѣ обратномъ ихъ наслоенію. Далѣе, жизнь индивидуума состоитъ изъ ритмически смѣняющихся процессовъ окисленія и раскисленія, ассимиляціи и диссимиляціи, но было бы нелѣпо утверждать, что *серія* метаморфозъ, приводящихъ зародышевое яйцо къ состоянію зрѣлости, а затѣмъ смерти, что эта *серія* имѣетъ въ природѣ что-либо обратное себѣ. Равнымъ образомъ и жизнь общества изобилуетъ ритмами, можно даже сказать, что она слагается изъ нихъ, но подобно тому, какъ рябь на поверхности рѣки волнуетъ лишь, но не измѣняетъ ея теченія, неизмѣнно несущагося къ безграничному морю, такъ и ритмы эти придаютъ лишь временный колоритъ, но не въ состояніи нарушить теченія жизни націи или общества, катящаго свои волны въ безбрежное море общечеловѣческой жизни.

Нація можетъ попеременно переживать періоды вѣры и безвѣрія, увлеченія наукой и разочарованія въ ней, расцвѣта искусствъ и ихъ упадка, нравственнаго подъема и упадка, блестящаго развитія промышленности и экономическаго банкротства,—но за всѣмъ этимъ чувствуется нѣчто шествующее торжественно впередъ, никогда не возвращающееся по своимъ пятамъ, нѣчто не повторяющееся и придающее жизни каждой націи особый отпечатокъ ей одной свойственной оригинальности, рѣзко отличающей ее отъ другихъ.

Глубокія перемѣны въ нравахъ и *серія* смѣняющихся идей и потребностей, вызываемыхъ открытіями и изобрѣтеніями геніевъ и, что самое главное, *серія* самихъ изобрѣтеній—вотъ что составляетъ истинное русло національной жизни, сущность ея развитія. Римъ цезарей не вернулся въ своемъ паденіи къ суровой доблести временъ республики. Франція мѣняла въ теченіе вѣка много разъ формы правленія, переходя отъ монархіи къ революціонному террору, отъ террора къ диктатурѣ, отъ послѣдней снова къ монархіи и т. д.; но *идеи* и потребности прокладывали медленно дорогу впередъ, къ неизвѣстному будущему и, каково

бы ни было правительство, порядокъ *старая* режима не возвращался уже и никогда не вернется.

И этого не хотѣть знать, восклицаетъ авторъ, социологи извѣстной школы, придумывающіе свои прямолинейныя формулы развитія, обязательныя для всѣхъ націй и всѣхъ временъ, желающіе уложить въ узкія рамки своихъ законовъ все многообразіе социальной жизни, какъ будто она всюду совершается по одному шаблону!

Въ разбираемомъ вопросѣ, продолжаетъ Тардъ, есть еще одна сторона, до сихъ поръ мало привлекавшая вниманіе изслѣдователей. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣется ритмъ, лишь при исключительныхъ условіяхъ противоположныя колебанія, образующія его, вполнѣ симметричны. Морскія волны рѣдко поднимаются и опускаются съ одинаковой силой; подобно горной цѣпи Кордильеровъ, круто падающихъ къ Тихому Океану и отлого спускающихся къ Атлантическому, такъ и всюду, въ мірѣ ли физическомъ или социальномъ, мы замѣчаемъ неравномѣрность въ ритмическихъ колебаніяхъ: медленное повышеніе и обрывистое паденіе или обратно — быстрое повышеніе и постепенное пониженіе волны. И затѣмъ, если мы ограничимся жизнью органической, какая рѣзкая разница между ея ростомъ и развитіемъ съ одной стороны и разложеніемъ и исчезновеніемъ съ другой! Все, что есть лучшаго въ этомъ мірѣ, весь интересъ бытія, вся прелесть существованія сосредоточены въ первомъ періодѣ, періодѣ образованія и роста, между тѣмъ какъ второй періодъ деформации—блѣденъ и скоротеченъ. Напрасно, говоритъ Тардъ, во имя симметріи Спенсеръ старался придать разложенію одинаковое значеніе съ развитіемъ; его собственная книга, въ которой рядъ длинныхъ главъ посвященъ эволюціи и лишь немногія страницы разложенію, свидѣтельствуетъ противъ него ¹⁾. Почему, спрашиваетъ нашъ авторъ, такое неравенство? Почему подъемъ въ гору жизни такъ сладостенъ, а спускъ полонъ грусти и сознанія тщеты? Почему молодости принадлежитъ привилегія красоты, счастья и блеска,

¹⁾ Справедливости ради слѣдуетъ отмѣтить, что обвиненіе, возводимое здѣсь Т. противъ знаменитаго англійскаго философа не совсѣмъ справедливо: въ „Основныхъ Началахъ“, которыя Т. имѣетъ въ виду, есть ясное указаніе на то, что и Спенсеръ не придаетъ *разложенію* одинаковаго значенія съ развитіемъ (см. „Осн. Нач.“, 1886 г., стр. 342).

а старость осуждена на безцвѣтное прозябаніе? Мы не задаемъ себѣ никогда этихъ вопросовъ лишь потому, что свыклись съ существующими условіями жизни и считаемъ ихъ вполне нормальными, и Тардъ не находитъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что существуютъ міры въ этомъ смыслѣ противоположные нашему, гдѣ заря жизни печальна, а закатъ отличается невыразимой прелестью, гдѣ юность суетна и бесплодна, а старость течетъ съ плѣнительной медленностью, которая заставляетъ страстно жаждать ея.

Эта нѣсколько сентиментальная экскурсія въ область фантазіи приводитъ Тардъ къ неожиданнымъ и довольно любопытнымъ заключеніямъ. Особенность нашего существованія, говоритъ онъ,—и, можетъ быть, особенность свойственная жизни только на нашей землѣ,—бросаетъ свѣтъ на происхожденіе нѣкоторыхъ основныхъ понятій, принятыхъ какъ въ обыденной жизни, такъ и въ наукѣ. Антитезы большого и малаго, сильнаго и слабаго, быстрого и медленнаго, тяжелаго и легкаго, продолжительнаго и скорогаго, полезнаго и негоднаго, антитезы, съ которыми сталкиваетъ насъ повседневный опытъ съ первыхъ дней существованія, даютъ начало одной какой-либо идеѣ. Въ этихъ противоположностяхъ, къ которымъ можно было бы прибавить много другихъ, одинъ терминъ всегда какъ бы поглощается другимъ, но замѣчательно то, что торжествуетъ вездѣ тотъ терминъ, который выражаетъ увеличеніе, который содержитъ въ себѣ понятіе о большемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ физикѣ мы встрѣчаемся съ понятіемъ о скорости, силѣ, тяжести, а не медленности, слабости и легкости; въ математикѣ—съ понятіемъ о величинѣ, а не малости, продолжительности, а не быстротечности, хотя послѣдняя, повидимому, лучше выражала бы сущность времени; въ политической экономіи—съ понятіемъ о цѣнности, а не негодности. И вотъ, это постоянное предпочтеніе, которое мы оказываемъ болѣе богатому содержаніемъ термину, Тардъ ставитъ въ связь съ тѣмъ, что утро нашего бытія, то время, когда мы наблюдаемъ и изучаемъ природу, есть вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ накопленія въ насъ жизненныхъ силъ, періодъ роста и расцвѣта, и нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Тардъ, совсѣмъ иначе было бы, если бы «на закатѣ дней распускались цвѣты жизни, если бы въ позднюю осень созрѣвали ея лучшіе плоды».

II.

Медленно и съ большимъ трудомъ научная мысль освобождается отъ оковъ симметріи. Ученые и мыслители лишь постепенно и весьма неохотно расстаются съ излюбленными ими идеями о царящей въ мірѣ борьбѣ контрастовъ и ихъ примиреніи на почвѣ гармонической симметріи. Такъ, въ химіи господствовавшія до послѣдняго времени теоріи были насквозь проникнуты этими идеями: мы здѣсь встрѣчались съ такими терминами, какъ элементы положительный и отрицательный, кислота и соль. Только въ наши дни стали раздаваться иные голоса и въ науку сталъ проникать новый взглядъ, по которому основнымъ камнемъ при построеніи вещества послужилъ лишь одинъ элементъ (или одна какая-либо опредѣленная группа) ¹⁾.

Математика и физика даютъ намъ также не мало примѣровъ односторонняго увлеченія симметрическими концепціями, искусственными построениями ума, значительно затемняющими истинную природу изучаемыхъ явленій. Такъ, наприм., знаменитая школа пифагорейцевъ, строившихъ свое философское міровоззрѣніе на математикѣ, учила, что вселенная зиждется на десяти основныхъ контрастахъ: четъ и нечетъ, конечное и безконечное, единство и множество, свѣтъ и тьма, мужеской и женскій, правая сторона и лѣвая, прямой и кривой, добро и зло, прямоугольникъ и четырехугольникъ: за исключеніемъ весьма немногихъ, приведенные контрасты, очевидно, лишь плодъ поверхностнаго анализа. Въ самомъ дѣлѣ, почему покой, спрашиваетъ Тардъ, слѣдуетъ противопоставлять движенію? Противопологаются другъ другу, говоритъ онъ, могутъ лишь явленія однородныя и притомъ такія, которыя при переходѣ одного въ другое должны пройти черезъ нейтральное или (по терминологіи Тардъ) «нулевое состояніе». Покой, слѣдовательно, отнюдь не противоположенъ движенію, а лишь «нулевое состояніе» между двумя противоположными по направленію движеніями; точно такъ же прямоугольникъ не противоположенъ четырехугольнику, а частный случай его и т. д.

¹⁾ Тардъ ссылается здѣсь на извѣстнаго французскаго химика Гримо. Тотъ же взглядъ, съ большой правдой осторожностью, высказываетъ и Менделѣевъ. Въ болѣе рѣзкой формѣ эта гипотеза выставляется знаменитымъ англійскимъ ученымъ-мистикомъ Круксомъ (см. его „О происхожденіи химическихъ элементовъ“, пер. Столятова, 1886 г.).

Если отъ этихъ ребяческихъ противопоставленій, созданныхъ зарождающейся наукой, мы перейдемъ къ воззрѣніямъ современныхъ физиковъ, то и у нихъ, утверждаетъ Тардъ, мы встрѣтимъ правда болѣе глубокія и болѣе плодотворныя въ практическомъ отношеніи концепціи, но столь же искусственно придуманныя въ угоду идеалу симметріи. Не одни математики придумали ради симметріи своихъ формулъ *мнимыя величины*. Мнимыя понятія и мнимыя представленія, не имѣющія въ реальности ничего соответствующаго себѣ, можно найти во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія. Въ своемъ воображаемомъ абстрактномъ пространствѣ современные физики размѣстили безчисленное множество бесконечно малыхъ молекулъ, взаимно притягивающихся и отталкивающихся, сталкивающихся и соединяющихся. И они хотятъ увѣрить насъ, восклицаетъ нашъ авторъ, что изъ этого міра пигмеевъ могъ возникнуть видимый міръ гигантовъ, что бесконечно малое можетъ стать бесконечно большимъ—путемъ простого присоединенія бесконечно малыхъ элементовъ, безъ внутренняго измѣненія въ ихъ природѣ! Въ придуманномъ ими «чистомъ» пространствѣ разъ возникшее движеніе, говорятъ они, никогда не прекращается, возникшая форма можетъ бесконечно расти и развиваться. Какъ будто размѣры вещи или ростъ и размноженіе особи и вида опредѣляются и ограничиваются лишь внѣшними условіями, какъ будто они не зависятъ прежде всего отъ ихъ собственной природы, отъ того, что можно назвать стремленіемъ къ распространенію, жаждой власти, жаждой жизни! Но этого живого духа, говоритъ Тардъ, не хотятъ знать люди «точной» науки, въ своей догматической узости предписывающіе законы природѣ и воображающіе порядокъ тамъ, гдѣ царствуетъ анархія. Потому-то такъ блѣдны и мертвы ихъ формулы, такъ мало онѣ говорятъ намъ и такъ бессильны передать сущность вещей.

Основной законъ или вѣрнѣе постулатъ механики, гласящій, что всякое дѣйствіе равно и противоположно своему противодействию, также заподозривается Тардъ въ нѣкоторой искусственности, подсказанной человѣческому уму желаніемъ угодить непреоборимому влеченію нашего духа къ симметріи. Этому закону слѣдовало бы дать, по мнѣнію Тардъ, толкованіе нѣсколько отличное отъ общепринятаго. Луна, говорятъ намъ, притягиваетъ землю съ такой же силой, съ какой она сама притягивается по-

слѣдней; взрывъ пороха, выбрасывающій пулю, производитъ противоположное давленіе на стѣнки ружья, обуславливая явленіе противоудара; магнитъ и желѣзо въ одинаковой степени притягиваются другъ другомъ. Въ истолкованіи этихъ примѣровъ, приводимыхъ такъ часто для иллюстраціи указаннаго закона, Тардъ находитъ что то недосказанное, недоговоренное: намъ показываютъ, говоритъ онъ, скелеть и скрываютъ духъ, оживляющій его. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь луна обнаруживаетъ свое вліяніе не на одну нашу землю, а на всѣ небесныя тѣла; взрывъ пороха производитъ давленіе по всѣмъ направленіямъ, на все окружающее, и только въ угоду симметріи мы говоримъ, что желѣзо притягивается магнитомъ съ такой же силой, съ какой оно само притягивается послѣднимъ, такъ какъ, по словамъ Курно, «нѣтъ ничего недопустимаго въ томъ, что магнитъ притягиваетъ желѣзо, самъ не испытывая притяженія».

Очевидно, сущность разсматриваемыхъ явленій не въ противоположности двухъ вліяній, а въ стремленіи, присущемъ всякому движенію и всему въ природѣ, безконечно распространяться. непрерывно повторяться, видоизмѣняясь, и въ своихъ видоизмѣненіяхъ снова повторяться. Какъ особь стремится не только къ самосохраненію, но и къ возможно большому размноженію, какъ всякій видъ жаждетъ наполнить собой міръ, какъ человѣческая мысль изъ мозга, гдѣ она впервые зародилась, спѣшитъ съ неуловимой быстротой передаться тысячамъ окружающихъ, такъ и всякая реальность въ природѣ властно побуждается ея скрытой отъ насъ сущностью къ возможно болѣе яркому проявленію вовнѣ, къ возможно большому распространенію ея повтореній, и повторенію ея измѣненій. Пусть все это метафизика, — допускаетъ Тардъ, но найдется лихоть одинъ ученый, спрашиваетъ онъ, который нашель бы другой языкъ для объясненія истиннаго смысла, разбираемаго закона?

Обыкновенная логика не въ состояніи раскрыть, почему, какими силами влекомая цѣпь мыслей превращается въ стройную дедукцію, а цѣпь идей — въ научную или религиозную систему, имѣющую своимъ центромъ одинъ какой-либо господствующій принципъ; равнымъ образомъ и законы обыкновенной механики не въ состояніи выразить истинный характеръ тѣхъ ненасытныхъ алачностей, которыя скрыты во всѣхъ вещахъ.

Законъ дѣйствія равнаго и противоположнаго противодѣйствію

есть измѣненное выраженіе болѣе широкаго принципа, служащаго фундаментомъ всѣхъ человѣческихъ знаній, принципа сохранения или постоянства энергіи. Этотъ принципъ недоказуемъ, такъ какъ онъ, какъ выражается Спенсеръ, есть первоосновной постулатъ нашего мышленія, послѣдняя инстанція достовѣрности, къ которой мы апеллируемъ и на которой опираемся во всѣхъ нашихъ изысканіяхъ. Тардъ не задумывается подвергнуть и эту общепризнанную истину критикѣ. Ученые, говоритъ онъ, изъ всѣхъ возможныхъ представленій о вселенной оказываютъ предпочтеніе тому, которое рисуетъ проявляющуюся въ ней реальность или, какъ они называютъ ее, силу или энергію неизмѣнно пребывающей, неспособной ни увеличиваться, ни уменьшаться, остающейся неподвижной въ безконечной цѣпи вѣковъ. Но почему, спрашиваетъ Тардомъ, должны мы согласиться съ такимъ чисто метафизическимъ взглядомъ, проповѣдуемымъ тѣми, которые такъ усердно отрещиваются отъ всякой метафизики? Вьжется ли наше представленіе о творческой мощи природы съ этой уздой, наложенной на нее, съ этой искусственно воздвигнутой преградой? Одно изъ двухъ, говоритъ Тардъ, или въ мірѣ существуетъ одна лишь количественная субстанція, или же помимо количественныхъ превращеній, въ немъ происходятъ и качественные измѣненія. Если вѣрно первое предположеніе, то можемъ ли мы представить себѣ такую количественную реальность не увеличивающейся, не уменьшающейся, когда основная черта количества есть способность возрастать и убывать? Если же мы будемъ придерживаться второй гипотезы, то ясно, что всякому *видимому* качественному измѣненію—исчезновенію или зарожденію, должно соответствовать измѣненіе и въ мірѣ реальномъ, и такъ какъ феномены, разсматриваемые съ ихъ качественной стороны, разнородны и несоизмѣримы, то нѣтъ никакого основанія для того, чтобы признать количественное соответствіе между тѣмъ, что исчезаетъ, и тѣмъ, что рождается и заступаетъ его мѣсто. Мы должны, слѣдовательно, заключаетъ Тардъ, отказаться отъ гипотезы неподвижной Реальности и закону сохранения энергіи придать тотъ смыслъ, что природа обладаетъ неизсякаемымъ источникомъ силъ, откуда постоянно притекаетъ видимо неизмѣняющійся избытокъ приобрѣтеній и накопленій въ предметахъ надъ ихъ беспрестанными потерями. Вотъ почему все созданное есть лишь ничтожная часть

возможнаго, все осуществленное лишь слабый намекъ на осуществимое!

Подобно тому, какъ въ физикѣ и химіи, точно такъ же и въ области отвлеченной мысли, логикѣ и философіи, Тардъ подвергаетъ тщательной критикѣ термины, признаваемые противоположными. Но мы не будемъ слѣдить за его анализомъ, изобилующимъ нерѣдко діалектическими тонкостями¹⁾. Мы приведемъ лишь изъ этой области одно его разсужденіе, заслуживающее, на нашъ взглядъ, вниманія. Рядомъ съ необходимостью и невозможностью есть ли и, особенно, было ли въ природѣ мѣсто случайности? Иными словами, возможно ли примирить детерминизмъ съ окказіонализмомъ? Вотъ вопросъ, который волновалъ и не перестаетъ волновать философскіе умы. Детерминизмъ, отвѣчаетъ Тардъ, потому такъ дорогъ и близокъ человѣческому уму, что въ немъ онъ видитъ воплощеніе идеала, къ которому стремится въ теченіе вѣковъ человѣческое знаніе, идеала непреложной увѣренности, категорическаго утвержденія или отрицанія.

«Приходится сожалѣть, — продолжаетъ авторъ, — что идею случайности связали съ вопросомъ о свободѣ воли и ее отстаивали лишь тѣ, кто видѣлъ въ ней опору для этого пресловутаго ученія; между тѣмъ и тотъ, кто считаетъ свободу воли иллюзорной, легко бы могъ безъ внутреннихъ противорѣчій принять ученіе, по которому не всѣ законы природы въ одинаковой степени повелительны и непреложны». Очевидно, Тардъ желалъ бы подчинить и самые законы природы вліянію эволюціи. «Они развились, — говоритъ онъ, — исподволь, а не вышли во всеоружіи своей мощи изъ головы божества, и если теперь мы не наблюдаемъ исключеній изъ этихъ законовъ, то лишь потому, что Вселенная, имѣя на своихъ плечахъ столько вѣковъ, успѣла осуществить идеаль необходимости»²⁾.

Вообще, ученые съ излишнимъ усердіемъ стараются всюду въ природѣ водворять строгій порядокъ: успѣхи знанія постепенно расфѣиваютъ образъ строгой симметріи, который мыслители хотѣли придать вселенной, и чѣмъ какая-либо гипотеза становится болѣе обоснованной, чѣмъ болѣе она превращается въ закончен-

1) Ср. напр., его „Тріады безконечности“ (стр. 292—299).

2) Ср. „Законы подражанія“, стр. 124.

ную теорію, тѣмъ она дѣлается естественнѣе, освобождаясь отъ искусственныхъ концепцій. Еще недавно астрономы утверждали, что въ небесахъ во взаимномъ отношеніи свѣтилъ и ихъ движеніяхъ можно видѣть осуществленіе идеальнаго порядка и гармоніи. Лапласъ, настаивавшій на совершенномъ однообразіи движеній планетъ, выразилъ эту мысль такъ: «можно биться,—говоритъ онъ,—объ закладъ, поставивъ двѣсти тысячъ миллиардовъ противъ одного, что это явленіе (движеніе планетъ) не представляетъ случайности, а что нѣкоторая единая первоначальная причина направляетъ эти движенія»¹⁾. Изученіе движенія Урана, а также Нептуна и его спутниковъ, имѣющихъ обратное вращеніе, не замедлило разрушить увѣренность Лапласа и нанести сильный ударъ его славной гипотезѣ. Идея о «множественности міровъ» выходитъ изъ области поэтической фантазіи и выставляется, какъ серьезная научная гипотеза, такимъ авторитетомъ въ астрономіи какъ Фей. Астрономія все болѣе обнаруживаетъ, что въ небесахъ разлитъ скорѣе духъ романтизма, чѣмъ строгаго классицизма. «Все,—говоритъ Тардъ,—если существуетъ это таинственное *Все*, свидѣтельствуетъ намъ о гигантскомъ хаосѣ, о капризной фантазіи, а не о лояльномъ порядкѣ или догматической законченности».

III.

Нельзя однако сказать, чтобы въ своемъ пристрастіи къ антитезамъ и симметріи ученые и мыслители не имѣли подъ собой никакой почвы. Нашъ умъ, всюду усматривающій однообразное царство закона и гармоніи, въ свое оправданіе могъ бы сослаться на дѣйствія самой природы, на ея безчисленные созданія. Не проходитъ ли почти по всей біологической лѣстницѣ, отъ нисшей ступени до высшей, красной нитью одна черта—дивная симметрія формъ въ видѣ ли лучистой симметріи у низшихъ органовъ или двухсторонней у высшихъ? Тотъ, кто задался цѣлью доказать ограниченную роль симметріи и контрастовъ въ природѣ, ихъ подчиненность другому принципу, не можетъ пройти мимо этого вопроса, этой «тайны изъ тайнъ», какъ назвалъ его Дарвинъ. И

¹⁾ Мы заимствуемъ эту цитату изъ книги Вольфа „Космогоническія гипотезы“ (стр. 7).

Тардъ подробно останавливается на этой странной загадкѣ, которую тщетно пытались разгадать такіе умы, какъ Платонъ и Дарвинъ, Биша и Спенсеръ. Глава, носящая названіе «Симметріи жизни», принадлежитъ къ лучшимъ въ разбираемомъ сочиненіи и читается съ захватывающимъ интересомъ.

Прежде всего Тардъ старается доказать, что когда природа осуществляетъ въ своихъ твореніяхъ идеаль симметріи, это не означаетъ еще, что она достигаетъ тогда высшаго совершенства. Факты свидѣтельствуютъ объ обратномъ. Кристаллъ, это идеальнѣйшее воплощеніе симметрической гармоніи, представляетъ собою вещество, какъ бы застывшее въ своихъ стремленіяхъ, неспособное принимать новыя разнообразныя формы: онъ бесплоденъ въ сравненіи съ веществомъ коллоиднымъ, единственно жизненнымъ. Кромѣ того, тѣ кристаллы, которые образуются какъ продуктъ жизнедѣятельности растительной клѣтки, согласно изслѣдованіямъ Пастѣра, въ своемъ строеніи диссимметричны, и такимъ образомъ на живую клѣтку, выражаясь словами Дюкло, можно смотрѣть какъ на лабораторію диссимметрическихъ силъ. Въ животномъ царствѣ развитіе и совершенствованіе знаменуется переходомъ скорѣе отъ симметріи къ асимметріи, чѣмъ обратнымъ. Лучистая симметрія, геометрически совершенная, превращается у низшихъ организмовъ въ двустороннюю и въ неполную у высшихъ. У человѣка мы видимъ уже рѣзкую разницу въ функциональномъ отношеніи между отправленіями правой и лѣвой половины тѣла (правой руки въ сравненіи съ лѣвой), которую ростъ цивилизации постепенно углубляетъ. Наконецъ, если мы обратимся къ высшимъ проявленіямъ психической жизни, то увидимъ торжество асимметріи въ анатомической локализациі центра рѣчи въ одномъ лѣвомъ полушаріи. Но въ такомъ случаѣ, если въ своемъ развитіи природа такъ охотно отказывается отъ симметріи, для чего же она такъ страстно жаждала ея и эту жажду запечатлѣла въ столь безчисленныхъ гармоническихъ формахъ? Дарвинъ высказываетъ предположеніе, что симметрія біологическихъ формъ быть можетъ свидѣтельствуетъ о происхожденіи индивидуума изъ сліянія двухъ половинъ,—эту гипотезу, какъ извѣстно, уже предвосхитилъ Платонъ. Спенсеръ, опредѣляющій жизнь какъ непрерывное приспособленіе внутреннихъ силъ организма къ воздѣйствію на него внѣшнихъ силъ, не можетъ объяснить намъ происхожденія симметріи формъ, такъ какъ внѣшнія

силы, очевидно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ должны дѣйствовать асимметрично.

Предлагая свое оригинальное объясненіе для возникновенія симметріи органическихъ формъ, Т. прежде всего замѣчаетъ, что въ лучистой симметріи у растений и низшихъ животныхъ можно видѣть безъ особой натяжки особую форму повторенія, нанизыванія такъ сказать однородныхъ элементовъ, выраженіе того феномена всеобщей повторяемости, который такъ свойственъ природѣ и такъ распространенъ въ ней. Но если и принять это объясненіе, говоритъ авторъ, остается все-таки непонятнымъ, что вызвало появленіе двусторонней симметріи? Отвѣтъ, который даетъ Тардъ на этотъ вопросъ, мы постараемся изложить, придерживаясь оригинала, такъ какъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы видимъ выраженіе основной мысли лежащаго предъ нами сочиненія.

«Почему, — спрашиваетъ авторъ, — жизнь вмѣсто того, чтобы пробивать себѣ путь впередъ въ одномъ направленіи, повинуюсь напору обстоятельствъ, разбивается во всѣ стороны. Почему она, не довольствуясь повтореніемъ и размноженіемъ, для осуществленія своихъ скрытыхъ отъ насъ цѣлей создаетъ сплоченныя группы, противопоставляетъ себя самой себѣ и въ каждомъ существѣ создаетъ его самоотраженіе? Если въ симметрическихъ формахъ организмовъ нужно видѣть характерное проявленіе живого духа природы, то ясно, что этотъ духъ стремится прежде всего къ Единству, этой мечтѣ, которую лелѣяли еще метафизики востока и которую лелѣетъ и современная наука. Если же въ живой природѣ мы будемъ видѣть лишь размноженіе индивидуумовъ, побѣдное шествіе выживающихъ видовъ, тогда жизнь намъ представится, какъ неутолимая жажда безконечности, ненасытная жажда власти. Но не мечта ли и это? Соединимъ же обѣ точки зрѣнія и мы увидимъ, что жизнь прежде всего стремится къ цѣлостности, она ищетъ наиболѣе совершенной законченности и постепенно достигаетъ ея. Выражаясь опредѣленнѣе, мы скажемъ, что *жизнь жаждетъ въ одно время властвовать надъ всѣмъ и чѣмъ-нибудь овладѣть всецѣло, безраздѣльно*» Отсюда повтореніе и размноженіе, какъ средство наполнить собой міръ, отсюда симметрія, какъ высшее проявленіе законченности, изолированности, замкнутости въ самомъ себѣ.

Духъ - жизни, говоритъ Тардъ, есть духъ ненасытной алчно-

сти ¹⁾), это—духъ революціонный по преимуществу, и думать, что смыслъ жизни заключается въ приспособленіи, въ умѣннй подчиняться и принаравливаться, значить мало понимать ея властолюбивый, повелительный характеръ.

Въ безграничномъ властолюбіи жизни и кроется тайна ея любви къ совершенному порядку и гармонической симметріи. Тѣ же черты мы находимъ и въ высшихъ созданіяхъ жизни, въ вѣнцахъ ея творенія. Таковъ Наполеонъ съ его мечтой о всемірномъ владычествѣ и строго централизованной администраціей; таковъ Спиноза съ его вѣрой въ безграничную власть разума и геометрическимъ построеніемъ его «Этики»; таковы, наконецъ, творцы французской революціи, съ ихъ мечтами о перерожденіи челоувѣчества и страстью къ точнымъ опредѣленіямъ и разграниченіямъ и подведенію всего подъ одинъ шаблонъ.

Опредѣляя жизнь, какъ жажду безграничной власти и безраздѣльнаго обладанія, Тардъ далекъ, однако, отъ мысли утверждать, что она въ борьбѣ находитъ средство для достиженія этой власти и обладанія. Наоборотъ, даже въ мірѣ физическомъ онъ отводитъ *столкновенію* (молекулярныхъ силъ) ничтожную созидательную роль и признаетъ плодотворнымъ главнымъ образомъ мирное сожительство и сотрудничество. Въ области же умственной и особенно соціальной столкновеніе или споръ, по мнѣнію Тардъ, несравненно чаще является тормазомъ на пути къ совершенствованію, чѣмъ способствуетъ ему: война и экономическая борьба имѣетъ въ немъ непримиримаго врага и во многихъ мѣстахъ своей книги онъ съ ѣдкимъ сарказмомъ обрушивается на «соціальныхъ дарвинистовъ», возводящихъ борьбу на пьедесталь божества.

Великія изобрѣтенія и открытія, возвысившія челоувѣка надъ животнымъ міромъ и обезпечившія ему господствующее мѣсто въ природѣ, такія изобрѣтенія, какъ плугъ, водяная мельница, паровая машина, ткацкій станокъ, были сдѣланы, говоритъ Тардъ, не вслѣдствіе конкуренціи первобытныхъ земледѣльцевъ или купцовъ: они зародились, какъ результатъ мирной работы, въ геніальныхъ умахъ. Точно такъ же новые горизонты для челоувѣческой мысли открывали не споры ученыхъ, а великія идеи, рождавшіяся въ каждомъ изъ нихъ: Декартъ, Ньютонъ, Па-

¹⁾ Ср. „Зак. подраж.“, 347 стр.

стеръ, Лейбницъ, вотъ кому человѣчество обязано своими величайшими приобрѣтеніями, а не спорамъ картезіанцевъ и ньютоніанцевъ о притяженіи или Пастёра и Пушэ—о самопроизвольномъ зарожденіи. Чтò поразительнѣе всего—сама война не доставляетъ никакихъ выгодъ наукѣ о войнѣ и трудно, говорить Тардъ, указать на какую-нибудь войну, которая бы *сама по себѣ* способствовала прогрессу военного искусства. Природа для осуществленія своихъ цѣлей не нуждается въ потокахъ крови и столкновеніи враждебныхъ силъ и нѣтъ сомнѣнія, что прогрессъ человѣчества пошелъ бы болѣе быстрымъ темпомъ, если бъ не было ни войнъ, ни экономической борьбы, ни костровъ инквизиціи ¹⁾).

IV.

Природа, говоритъ Тардъ, подобно великимъ мастерамъ слова, чтобы запечатлѣть свои идеи и стремленія, чаще прибѣгаетъ къ повторенію, чѣмъ. противоположности. Антитеза—форма быстро утомляющая и приѣдающаяся и природа хотя и пользуется контрастами и симметрией, но не злоупотребляетъ ими. Въ концѣ концовъ, и противоположность и повтореніе играютъ лишь второстепенную роль, подчиненную другому высшему принципу. Дѣйствительно, нѣчто въ мірѣ повторяется и противопоставляется, то сочетаясь въ однообразныя, монотонныя группы, то принимаемая гармонически симметрическія очертанія; что же такое это нѣчто?

На всемъ въ природѣ, говоритъ Тардъ, лежитъ неизгладимая печать рѣзкой своеобразности: каждый предметъ и явленіе, каждая социальная группа, каждый шагъ и мысль индивидуума таятъ въ себѣ черты имъ однимъ свойственныя, носятъ обликъ, не имѣющій себѣ въ природѣ подобнаго. Безпрестанно создавать эти оригинальности, отливать ихъ въ бесконечно разнообразныя формы и въ безчисленныхъ экземплярахъ распространять новыя варіаціи, новыя темы, новые типы, являя ихъ каждый разъ

¹⁾ Ср. А. Loria. «Problèmes sociaux contemporains». Въ интересной главѣ «Le darvinisme social» авторъ съ необыкновенной силой доказываетъ невозможность распространить принципы теории Дарвина на явленія социальной жизни, такъ какъ здѣсь ничѣмъ не ограничиваемая борьба за существованіе способствовала бы, при современномъ строе, скорѣе переживанію низшихъ (въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ) членовъ, чѣмъ вымиранію слабыхъ.

въ иномъ освѣщеніи, выдвигающемъ дотолѣ невѣдомыя черты,— вотъ въ чемъ выражается истинный характеръ творческой силы природы. Повтореніе и противоположность—лишь орудія для созданія измѣненій. Для иллюстраціи своей мысли Тардъ ссылагается на драму. Въ чемъ, спрашиваетъ онъ, заключается глубокой интересъ драмы? Передъ нами раскрывается борьба страстей,— столкновение противоположныхъ идей и враждебныхъ стремленій, но не на этихъ борьбѣ и столкновенияхъ сосредоточивается наше вниманіе. *Личность*, развертывающаяся въ этой борьбѣ, ея оригинальныя черты, неожиданные переходы и тонкіе ньюансы ея душевныхъ настроеній—вотъ что властно приковываетъ насъ къ себѣ въ теченіе всего драматическаго дѣйствія. *Дѣйствіе* и борьба—лишь арена для проявленія индивидуальности во всемъ ея многогранномъ блескѣ: дѣйствіе создано для характера, а не характеръ для дѣйствія. Не то же ли мы видимъ и въ той грандіозной драмѣ, которую мы называемъ исторіей человѣчества и не то же ли зрѣлище чарующей оригинальности раскрывается передъ нами на великой аренѣ природы? Одинъ принципъ господствуетъ всюду и онъ отчетливо выступитъ передъ нами, когда мы съ достаточной высоты окинемъ взглядомъ совершающіеся въ мірѣ процессы. «Мы увидимъ тогда,—такъ заключаетъ Тардъ свой трудъ,—какъ на фонѣ вѣчной борьбы между созидателемъ Брамой и разрушителемъ Шивой, среди безпрестанной смѣны жизни и смерти, угасанія и возрожденія, всегда въ каждое мгновеніе рѣзко вырисовывается нѣчто новое, не имѣющее себѣ въ мірѣ ни противоположности, ни примѣненія: оно ничему не служитъ, ничему не подобно и ни съ чѣмъ не соизмѣримо, потому что оно—конечная цѣль вещей! Каждый мигъ всякій изъ насъ—эфемерныхъ существъ—въ пылу любви или борьбы переживаетъ состояніе, единственное въ своемъ родѣ, испытываетъ наслажденіе, котораго никогда не испыталь и никогда ужъ не испытаетъ, или терпитъ муки, никѣмъ до него невыстраданныя, никому дотолѣ невѣдомыя, ни даже ему самому. Въ каждое мгновеніе что-то происходитъ въ насъ, чего никогда еще не было, что не повторится и что составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ живую душу всего, что повторяется, приспосабливается и взаимно противоплагается. И что особенно поразительно, въ нѣдрахъ этого «нѣчто» всегда чувствуется дыханіе жизни, алчное стремленіе къ безконечному, платоническая страсть къ недостижимому идеалу полноты, совер-

шенства и законченности. Черезъ цѣпь суетныхъ явленій жизнь стремится къ воплощенію невозможнаго».

Е. Аркинъ.

L'année psychologique, publiée par *A. Binet*, avec collaboration de *H. Beaunis* et *Th. Ribot*. Secrétaire de la Redaction *Victor Henri*. Septième année. Paris, 1901.

7-й выпускъ «Психологическаго Ежегодника», въ своей оригинальной части, довольно разнообразенъ по содержанию. Здѣсь есть работы, относящіяся къ области біологіи; есть нѣсколько изслѣдованій изъ сферы теоретической психологіи; тутъ же мы находимъ двѣ небольшія статьи, имѣющія своимъ предметомъ вопросы индивидуальной психологіи. Но большинство работъ затрагиваетъ вопросы психофизиологіи и трактуетъ проблему объ отношеніи между физическимъ и психическимъ, въ особенности поскольку это взаимоотношеніе наблюдается въ процессахъ болѣе или менѣе интенсивной дѣятельности (мускульный трудъ и умственное утомленіе, интеллектуальная работа и физическая усталость). Наконецъ, довольно большое количество работъ посвящено вопросамъ антропометріи или, вѣрнѣе, кефалометріи, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь объ измѣреніи головъ у дѣтей школьнаго возраста и, главнымъ образомъ, съ ясно выраженными дефектами въ области психической жизни. Такимъ образомъ, эти работы могутъ быть отнесены и къ области патологической антропологіи, если только такъ можно выразиться.

Біологическаго характера одно изслѣдованіе—это монографія Бувье (*Bouvier*) объ образѣ жизни мухоѣдокъ (*Les habitudes des Bembex*). Она представляетъ интересъ не только для біолога, но и для психолога, поскольку даетъ достаточный матеріалъ для сравнительной психологіи, при чемъ цѣнность ея увеличивается благодаря приложенному къ ней библиографическому указателю.

Что касается теоретической психологіи, то помѣщенные въ этомъ выпускѣ труды имѣютъ своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, анализъ познавательной дѣятельности и именно—изслѣдованіе ощущеній. Такъ, сюда относится статья Клаппареда о томъ, имѣемъ ли мы специфическія ощущенія положенія нашихъ членовъ. Здѣсь авторъ оспариваетъ взглядъ Бонье (*Bonnier*), признающаго особое чувство позы (*sens des attitudes*), и вскры-

ваетъ сложность тѣхъ психо-физиологическихъ процессовъ, которые имѣютъ мѣсто при выработкѣ представленій о положеніи нашего организма въ пространствѣ.—Вопросу объ ощущеніяхъ же посвящена и слѣдующая статья—Laureys о томъ, какія различныя данныя относительно объема тѣлъ доставляютъ намъ глазъ и рука. На основаніи собственныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій авторъ приходитъ къ заключенію, что именно зрѣніе даетъ намъ самое вѣрное представленіе объ объемѣ тѣлъ, между тѣмъ какъ показанія чувства осязанія отличаются гораздо меньшею точностью. Этому же вопроса касается слѣдующая за этимъ маленькая замѣтка Biervliet. Этотъ отдѣлъ теоретической психологіи заканчивается статьей Larguier des Bangeles объ окрашенныхъ поверхностяхъ, гдѣ авторъ, опираясь какъ на собственные изслѣдованія, такъ и на работы Piers'a и Quantz'a, показываетъ, какое важное значеніе имѣетъ цвѣтъ для опредѣленія размѣра той или другой поверхности. При обзорѣ работъ характеризуемаго отдѣла нельзя не упомянуть о двухъ статьяхъ Бинэ, гдѣ этотъ ученый описываетъ изобрѣтенный имъ эстезіометръ (для измѣренія осязательныхъ ощущеній).

Къ области индивидуальной психологіи нужно отнести двѣ статьи Бинэ: о двухъ типахъ дѣтей—склонномъ къ тонкому наблюденію и одаренномъ живою фантазіей—и о новомъ аппаратѣ для измѣренія внушаемости. Въ первой изъ этихъ статей Бинэ возвращается къ вопросу, затронутому имъ въ 3 выпускѣ Ежегодника. Онъ кратко говоритъ теперь о своихъ новыхъ работахъ изъ области индивидуальной психологіи, которыя хотя еще не закончены, но нисколько не опровергають, а, напротивъ, подтверждаютъ и дополняютъ его воззрѣнія относительно типичныхъ различій въ умственныхъ или, шире, духовныхъ физиономіяхъ учениковъ. Подчеркивая важность этого факта въ глазахъ учителя, авторъ въ ближайшемъ будущемъ общаетъ сообщитъ болѣе подробныя свѣдѣнія о своихъ изслѣдованіяхъ въ затронутой области. Вторая статья того же автора содержитъ описаніе изобрѣтеннаго имъ аппарата, при помощи котораго можно опредѣлять внушаемость по отношенію къ двигательной сферѣ.

Психофизиологической проблемы касаются, прежде всего, двѣ работы Ферэ: объ измѣненіи возбудимости въ состояніи утомленія и о влияніи пріятныхъ и непріятныхъ возбужденій на про-

цессъ работы. Болѣе интересна послѣдняя статья. На основаніи собственныхъ, довольно многочисленныхъ экспериментовъ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Всякія возбужденія, пріятныя или непріятныя, вызываютъ въ извѣстный моментъ увеличеніе произвольной работы. Это увеличеніе сопровождается специальнымъ чувствомъ легкости или пріятности труда (eupragie), которое быстро исчезаетъ, разъ прекращается возбужденіе. Такимъ образомъ обнаруженіе усталости, прерванное благодаря возбужденію, снова возвращается, какъ скоро пропадаетъ упомянутое чувство легкости. Сенсоріальныя возбужденія, повидимому, имѣютъ мало значенія для общей продуктивности труда, но онѣ способны вызвать кратковременный подъемъ дѣятельности, который можетъ отразиться на количествѣ и качествѣ работы. Нѣкоторые индивидуумы склонны испытывать вліяніе специальныхъ сенсоріальныхъ возбудителей и извлекать пользу изъ такого рода возбужденій; это именно тѣ, которые предпочитаютъ порывистую форму дѣятельности. Наоборотъ, имѣющіе въ виду регулярный и нѣсколько однообразный трудъ, для продуктивности послѣдняго не нуждаются въ такого рода воздѣйствіяхъ. Этотъ же авторъ помѣстилъ здѣсь еще двѣ небольшія статьи. Это—замѣтка о перемѣнной работѣ обѣихъ рукъ и о сравнительной возбудимости полушарій. Вторая статья не совсѣмъ удобна для изложенія вслѣдствіе крайней детализаціи опытовъ и связанныхъ съ ними выводовъ; что же касается первой, то авторъ приходитъ къ результатамъ уже почти извѣстнымъ, именно—констатируетъ благотѣльное вліяніе перемѣннаго труда, которое уменьшается по мѣрѣ удлинненія сроковъ отдыха. Двѣ слѣдующія работы затрогиваютъ вопросъ объ отношеніи между физическимъ и психическимъ, поскольку это имѣетъ мѣсто въ явленіяхъ усталости (умственной и физической). Первая изъ этихъ работъ, принадлежащая Ioteyko, трактуетъ объ участи нервныхъ центровъ въ явленіяхъ мускульнаго утомленія. Послѣ опытовъ надъ различными видами усталости (при помощи эргографа) авторъ приходитъ къ заключенію, что начальная стадія усталости имѣетъ отношеніе къ периферіи. Что касается нервныхъ центровъ, то они способны производить продолжительный трудъ безъ усталости. Явленія двигательной усталости обязаны своимъ происхожденіемъ остановкѣ функціи интрамуральныхъ нервныхъ окончаній. Съ биологической точки зрѣнія

усталость является защитительнымъ средствомъ для организма противъ возбужденій очень сильныхъ или продолжительныхъ, и въ этомъ заключается ея кинезилогическая, выражаясь языкомъ автора, роль. Аналогичнаго характера статья Aars et L. des Bangels о мускульномъ напряженіи и объ утомленіи нервныхъ центровъ, хотя авторы ея не приходятъ къ строго опредѣленнымъ выводамъ и только замѣчаютъ, что въ указанномъ ими направлении существуетъ еще обширное поле для изслѣдованія. — Слѣдующая за этимъ работа посвящена вопросу объ отношеніи между интеллектуальнымъ трудомъ и мускульною силою, измѣряемую при помощи динамометра. Въ результатѣ своихъ продолжительныхъ изслѣдованій надъ работою учениковъ въ классѣ и во время приготовленія уроковъ авторъ (Clavière) приходитъ къ выводу, что интенсивному и продолжительному (въ теченіе 2-хъ часовъ) труду соотвѣтствуетъ замѣтное уменьшеніе мускульной силы, опредѣляемое при помощи динамометра; но въ отношеніи средней умственной работы нельзя констатировать никакого замѣтнаго ослабленія мускульной энергіи.

Что касается антропометрическихъ или, вѣрнѣе, кефалометрическихъ изслѣдованій, имѣющихъ своими объектами дѣтей преимущественно школьнаго возраста, то здѣсь на первомъ мѣстѣ нужно поставить работы Бинэ. Первая изъ нихъ подробно излагаетъ техническую сторону изслѣдованій (различные виды головныхъ измѣреній). Вторая посвящена изложенію кефалометрическихъ изслѣдованій, которыя были произведены надъ 100 учениками начальной школы, представляющими различныя степени умственныхъ дарованій. Наконецъ, третья статья представляетъ сводъ подобныхъ же изслѣдованій тоже надъ учениками начальной школы, но только двухъ опредѣленныхъ категорій — надъ учениками выдающихся дарованій и совершенно неуспѣвающими. Что касается выводовъ, къ которымъ приходитъ изслѣдователь, то нельзя сказать, чтобы они отличались желательною опредѣленностью. Такъ, крайнія цифры (какъ maximum, такъ и minimum въ данныхъ измѣреніяхъ) чаще всего встрѣчаются у менѣе интеллигентныхъ. Въ общемъ, въ отношеніи къ большей части измѣреній, болѣе интеллигентные стоятъ выше менѣе одаренныхъ, но одни измѣренія болѣе благопріятны даровитымъ ученикамъ, другія — менѣе способнымъ. Что касается отношеній между очень способными и совершенно

отставшими, то здѣсь наблюдается такой фактъ: ученики съ исключительными способностями, въ отношеніи къ кефалометрическимъ измѣреніямъ, стоятъ гораздо выше просто способныхъ, между тѣмъ какъ разница между мало способными и совершенно неуспѣвающими очень незначительна. Подобнаго же характера обширныя изслѣдованія Симона, произведенныя надъ совершенно неспособными дѣтьми колоніи Воклюзъ. По мнѣнію послѣдняго изслѣдователя, характеристическою чертою идиота, съ кефалометрической точки зрѣнія, является рѣдкость средняго типа: чаще всего головныя измѣренія выше или ниже измѣреній у просто слабоумныхъ. Тому же автору принадлежатъ еще двѣ работы, касающіяся также слабыхъ (въ умственномъ отношеніи) дѣтей. Это опыты съ копированіемъ и толкованіе осязательныхъ ощущеній у слабоумныхъ. Въ первой изъ этихъ работъ авторъ настаиваетъ на важности копирования (списыванія цифръ, фразъ и т. п.) для опредѣленія степени умственного развитія, а во второй отмѣчаетъ большую тонкость осязательныхъ ощущеній у дѣтей относительно интеллигентныхъ. Къ области дѣтской же патологии относится и послѣдняя работа «Ежегодника», имѣющая своимъ предметомъ изученіе нѣсколькихъ ненормальныхъ дѣтскихъ индивидуумовъ (въ Брюсселѣ), которые были признаны нетерпимыми въ обычной школѣ. Статья эта, принадлежащая Демоог'у и Daniel'ю, любопытна особенно съ педагогической точки зрѣнія: она выясняетъ, между прочимъ, какое благотворное вліяніе имѣетъ иногда ручной трудъ по отношенію къ такимъ дѣтямъ, которыя не поддаются никакому воспитательному воздѣйствію среди обыкновенной школьной обстановки.

Вторая часть «Ежегодника» посвящена анализу выдающихся трудовъ изъ области психологіи, вышедшихъ въ теченіе 1900 и отчасти 1899 гг. Особеннаго вниманія заслуживаетъ подробное изложеніе В. Анри замѣчательной работы Мюллера и Пильцеккера, содержащей въ высшей степени оригинальныя изслѣдованія относительно памяти.

Послѣдняя часть содержитъ библиографическій перечень 2624 книгъ и статей по разнымъ отдѣламъ психологіи и смежнымъ съ нею дисциплинамъ.

Н. Виноградовъ.

Уильямъ Джемсъ, профессоръ Гарвардскаго Университета. Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Переводъ съ англ. приватъ-доцента Московскаго Университета В. Н. Ивановскаго. Москва, 1902. XIII + 164 (in 12).

Имя Джемса, одного изъ самыхъ выдающихся современныхъ психологовъ, не безызвѣстно русской публикѣ. Его «Учебникъ психологіи» выходитъ у насъ уже четвертымъ изданіемъ, а въ послѣдніе два года переведено и нѣсколько его «Опытовъ». Извѣстны также и далеко незаурядныя интеллектуальныя особенности этого психолога, которыми объясняется такой быстрый успѣхъ его произведеній: это глубокія познанія въ области психологіи и смежныхъ съ нею дисциплинахъ; сильный критическій умъ и въ то же время выдающаяся синтетическая способность, проявляющаяся въ созданіи очень оригинальныхъ психологическихъ концепцій; наконецъ, яркій литературный талантъ, выражающійся часто въ художественно-увлекательномъ изложеніи, повидимому, очень абстрактныхъ вещей. Эти положительныя черты духовнаго облика упомянутаго мыслителя съ замѣтною силою отражаются и въ только что названномъ произведеніи.

«Психологія въ бесѣдахъ съ учителями» представляетъ собою обработку курса публичныхъ лекцій по психологіи, прочитаннаго авторомъ кембриджскимъ учителямъ. Такъ какъ слушателямъ, по замѣчанію самого Джемса, меньше всего нравилась аналитическая, специальная часть и ихъ больше всего интересовали конкретныя практическія примѣненія, то лекторъ, выражаясь его словами, свелъ на нѣтъ теоретическую часть, оставивъ и развѣвъ практическую, такъ что настоящія лекціи стали до послѣдней степени конкретными и популярными (VII). Но эту книжку проф. Джемса нельзя назвать цѣльнымъ и систематическимъ курсомъ психологіи или, частнѣе, педагогической психологіи; «настоящія «Бесѣды», по справедливому замѣчанію переводчика, не учебникъ психологіи: это рядъ чрезвычайно интересно написанныхъ небольшихъ этюдовъ по философіи психологіи; въ нихъ освѣщены лишь нѣсколько вопросовъ этой науки, однако такихъ, которые всегда болѣе въ состояніи заставить работать мысль читателя и представить ему въ правильномъ освѣщеніи и то, что прямо въ книгѣ не затронуто. Это элементарная книга для чтенія по психологіи, не замѣняющая учебника, а служащая къ нему введеніемъ». (V). Переводчикъ въ своемъ предисловіи очень

удачно подмѣчаетъ и основную точку зрѣнія въ обработкѣ и изложеніи трактуемаго матеріала, обусловливающуюся специальною задачею сочиненія. Если цѣли воспитанія ставятся такими науками, какъ этика, социологія и т. п., то средства для достиженія этихъ цѣлей даются педагогической психологіей. Последняя отвѣчаетъ на такіе вопросы, какъ: что такое ребенокъ? и какъ на него вліяютъ всевозможныя воздѣйствія, съ которыми онъ можетъ встрѣтиться въ жизни или которыя къ нему можно примѣнить въ школѣ. Такимъ образомъ, вопросъ педагогической психологіи сводится къ взаимодействию живого дѣятельнаго организма со средою—въ широкомъ смыслѣ этого термина. Отсюда вполне понятно, что Джемсъ въ своемъ сочиненіи становится на точку зрѣнія законмѣрности духовной жизни, намѣчаетъ и прослѣживаетъ то, что можно назвать ея механизмомъ. Такъ онъ изучаетъ врожденныя стремленія и инстинкты члвчскаго организма, слѣдитъ за тѣмъ, какъ они осложняются, ассоціируются, становятся привычными, какъ складываются и, въ свою очередь, начинаютъ оказывать вліяніе—интересъ и вниманіе, какъ слагается воля и т. п. (IV).

Вся книжка состоитъ изъ 15 главъ, при чемъ нельзя сказать, чтобы расположеніе ихъ отличалось желательною систематичностью.

Указывая, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе каждой отдѣльной главы, мы постараемся отмѣтить болѣе существенныя мѣста книжки, которыя важны и для характеристики психологическихъ взглядовъ Джемса и въ то же время представляютъ наибольшій интересъ и съ педагогической точки зрѣнія.

Въ первой главѣ «Психологія и воспитаніе» авторъ выясняетъ значеніе психологіи въ дѣлѣ воспитанія и обученія, вооружаясь противъ увлеченій изслѣдованіями дѣтской души, которыя такъ усердно культивировались въ послѣднее время въ Америкѣ. По мнѣнію Джемса, знаніе законовъ, по которымъ протекаютъ психическіе феномены, еще не обезпечиваетъ полнаго успѣха воспитательской дѣятельности. «Вы глубоко ошибаетесь,—говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ,—если думаете, что психологія, въ качествѣ науки о законахъ духа, есть нѣчто такое, изъ чего вы можете вывести опредѣленныя программы, схемы и методы преподаванія для непосредственнаго примѣненія въ школьной практикѣ. Психологія есть наука, обученіе—искусство, а науки никогда не порожд-

даютъ изъ себя прямо искусствъ. Для приложенія науки нуженъ посредствующій членъ — творческій, свободно изображающій духъ» (4—5). Но этимъ нисколько не отрицается важная роль психологіи для воспитателя и учителя. «Значеніе психологическихъ принциповъ въ томъ, что они суживаютъ для насъ область экспериментовъ и попытокъ, дѣлая ее обозримой... Далѣе, психологія, предохраняя насъ отъ ошибокъ, уясняетъ намъ то, что мы дѣлаемъ: мы начинаемъ довѣрять всякому примѣняемому нами методу, какъ только убѣждаемся, что за него говоритъ не только практика, но и теорія... Наконецъ, психологія развиваетъ въ насъ самостоятельное отношеніе къ дѣлу и поддерживаетъ въ насъ интересъ, представляя предметы, такъ сказать, подъ двумя различными углами зрѣнія, давая какъ бы стереоскопическій взглядъ на молодой организмъ, являющійся въ данномъ случаѣ нашимъ противникомъ: теорія позволяетъ намъ, обходясь съ нимъ со всею тактичностью и внимательностью, представить себѣ въ то же время любопытные внутренніе элементы его духовнаго механизма» (7). Указать элементы этого механизма и выяснить способъ ихъ дѣйствія, по мнѣнію Джемса, легко, и такъ какъ, далѣе, учителю болѣе важно знаніе именно самыхъ общихъ элементовъ и дѣйствій духа, то отсюда и вытекаетъ, что для всѣхъ учителей нѣтъ необходимости въ большомъ количествѣ свѣдѣній по психологіи и для громаднаго большинства достаточно общаго представленія о предметѣ, лишь бы оно было правильно (8). Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, Джемсъ переходитъ къ характеристикѣ основнаго содержанія душевной жизни, которое онъ здѣсь, какъ и въ своихъ предшествующихъ трудахъ, опредѣляетъ, какъ «потокъ сознанія» (10—11). Потокъ сознанія имѣетъ двѣ основныя функціи: познаніе и дѣйствіе. Сравнивая значеніе каждой изъ этихъ функцій, Джемсъ становится на биологическую точку зрѣнія и отдаетъ предпочтеніе дѣйствію, ибо, выражаясь его словами, человекъ, чѣмъ бы онъ ни былъ, есть прежде всего дѣйствующее существо, назначеніе его духа — помогать ему приспособляться къ жизни на землѣ (19). Отсюда и «воспитаніе, въ конечномъ своемъ анализѣ, есть организація силъ человека и тѣхъ тенденцій его поведенія, которыя должны приспособить его къ окружающему его общественному и физическому міру» (23). Такъ какъ, далѣе, по даннымъ современной психологіи, нѣтъ воспріятія безъ реакціи, нѣтъ впе-

чатлѣнія безъ соотвѣтствующаго ему выраженія (26), то наше воспитаніе, въ концѣ концовъ, сводится къ накопленію возможностей реакцій (31). Реакціи обычно раздѣляются на врожденныя и приобретенныя, и воспитаніе имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ послѣдними, хотя въ дѣйствительности между тѣми и другими нѣтъ глубокой пропасти, которую можно предположить съ перваго взгляда. «Всякая приобретенная реакція представляетъ собою, какъ общее правило, либо усложненіе, либо замѣну той врожденной реакціи, которую съ самаго начала жизни организма имѣлъ тенденцію вызывать въ немъ тотъ же самый объектъ. Отсюда искусство учителя состоитъ въ томъ, чтобы произвести эту замѣну или усложненіе, а успѣхъ его дѣла непременно предполагаетъ съ его стороны проникнутое симпатіей знакомство съ прирожденными рефлекторными тенденціями организма» (31). Далѣе Джемсъ кратко останавливается на характеристикѣ такихъ инстинктивныхъ стремленій или первичныхъ реакцій, какъ страхъ, любопытство, соревнованіе, честолюбіе, подражаніе, самостоятельность, творчество и т. п., и выясняетъ ихъ педагогическое значеніе, при чемъ онъ отгѣняетъ большую роль такихъ стимуловъ воспитанія, какъ чувство соревнованія и эмоція сознанія собственной силы (44). Болѣе подробно трактуетъ авторъ о приобретенныхъ реакціяхъ, которымъ онъ посвящаетъ цѣлую главу («Законы привычки»). Воспроизводя въ этой главѣ тотъ матеріалъ, который уже былъ разработанъ имъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ «Учебника психологіи», Джемсъ подробно выясняетъ громадную роль привычки какъ экономизирующаго принципа, независимо отъ самаго содержанія привычныхъ дѣйствій, и ея большое значеніе, поскольку она способствуетъ закрѣпленію въ нашемъ организмѣ именно положительныхъ тенденцій. «Вся наша жизнь,—говоритъ онъ,—есть не что иное, какъ совокупность разнаго рода привычекъ—привычекъ дѣйствія, эмоциональныхъ и умственныхъ, систематически организованныхъ намъ на благо или на горе и неудержимо несущихъ насъ къ нашей «судьбѣ», какова бы она ни была» (52). Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на исчисляемыхъ Джемсомъ законахъ привычки, хотя всѣ они очень любопытны и представляютъ интересъ именно съ педагогической точки зрѣнія. Область привычки не ограничивается сферою движеній: этому закону—по преимуществу волевой дѣятельности—подлежать, по мнѣнію

автора и наши процессы мышления и чувства, и поэтому далѣе Джемсъ подвергаетъ психологическому анализу (опять больше въ педагогическихъ цѣляхъ) ту особенность душевной дѣятельности, которая обыкновенно называется ассоціаціей идей. «Натура» или «характеръ» индивидуума,—говоритъ авторъ,—обозначаютъ не что иное, какъ привычную для него форму его ассоціацій. Главная заслуга воспитателя—разорвать дурныя или неправильныя ассоціаціи, сформировавъ вмѣсто нихъ хорошія и направивъ ассоціативныя стремленія на тѣ пути, которые оказываются наиболѣе полезными и плодотворными» (68—69). Слѣдующія двѣ главы посвящены анализу такихъ формъ душевной дѣятельности, гдѣ преобладающимъ элементомъ является активный. Это интересъ и вниманіе. По отношенію къ первой области Джемсъ пытается установить общій фактъ, обнимающій обширную сферу врожденныхъ и приобретенныхъ интересовъ. «Всякій предметъ, говоритъ онъ, не интересный самъ по себѣ, можетъ стать интереснымъ, если онъ ассоціируется съ какимъ-либо предметомъ, который уже возбуждаетъ интересъ. Оба ассоціированные такимъ образомъ предмета какъ бы растутъ вмѣстѣ: интересная для насъ часть цѣлаго дѣлаетъ интереснымъ все цѣлое» (76—77). Что касается вниманія, то авторъ подвергаетъ подробному анализу эту особенность душевной дѣятельности, воспроизводя также въ значительной степени аналогичный отдѣлъ изъ «Учебника» и дѣлая въ то же время гораздо больше очень цѣнныхъ замѣчаній педагогическаго характера. Не совсѣмъ послѣдовательно, вслѣдъ за отдѣлами объ интересѣ и вниманіи, Джемсъ обращается къ вопросу о памяти. Стоя на точкѣ зрѣнія современной психологіи, отрицающей память, какъ отвлеченно-общую способность, независимо отъ содержанія запоминаемаго, авторъ дѣлаетъ слѣдующее педагогическое приложеніе: «нельзя улучшать общую или элементарную способность памяти: можно развить только памятьливость по отношенію къ отдѣльнымъ, специальнымъ системамъ ассоціированныхъ другъ съ другомъ вещей» (102). Отрицательно относясь къ ухищреніямъ мнемотехники, Джемсъ подчеркиваетъ громадную важность логической связи для успѣшнаго запоминанія, когда самое искусство запоминанія называетъ «искусствомъ мышленія» (119).

Двѣ слѣдующія главы («Образованіе идей» и «Апперцепція») имѣютъ своимъ предметомъ анализъ нѣкоторыхъ сложныхъ

формъ умственной дѣятельности. Здѣсь авторъ намѣчаетъ стадіи интеллектуальнаго роста, попутно дѣлая замѣчанія педагогическаго характера (напр., о вредѣ исключительно словеснаго обученія), и даетъ характеристику той формы душевной дѣятельности, которая обозначается именемъ апперцепціи. Послѣднюю онъ понимаетъ въ гербартовскомъ смыслѣ, допуская, впрочемъ, нѣкоторыя уклоненія отъ ортодоксальнаго гербартіанства. «Всякое впечатлѣніе, — говоритъ Джемсъ, — понимается каждымъ человѣкомъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ. Онъ обрабатываетъ его соотвѣтственно сложившимся въ немъ умственнымъ тенденціямъ и наклонностямъ. Этотъ способъ усвоенія предмета и есть апперцепція» (132). «Во всѣхъ апперцептивныхъ процессахъ мы можемъ констатировать одинъ общій законъ—законъ экономіи, такъ какъ при всякомъ воспріятіи мы обнаруживаемъ инстинктивное стремленіе возможно меньше разстраивать уже существующій у насъ порядокъ идей» (183). Послѣдняя глава посвящена анализу воли. Констатируя присутствіе волевого элемента во всѣхъ сферахъ душевной дѣятельности, Джемсъ особенно подчеркиваетъ взаимодѣйствіе между волевой и интеллектуальной областями нашей психики. Что касается значенія этого факта для педагогики, то, по мнѣнію Джемса, необходимо сдѣлать господствующими въ душѣ ученика такія идеи, осуществленіе которыхъ въ дѣйствіи исполнѣ желательно, и, наоборотъ, нужно искоренять или задерживать мысли, переходъ въ дѣятельность которыхъ можетъ повести къ какимъ-нибудь отрицательнымъ послѣдствіямъ. Все это свидѣтельствуетъ о громадной важности содержанія интеллектуальной сферы для нашей нравственной дѣятельности, ибо «моральный актъ, если его привести къ наиболѣе элементарной формѣ, состоитъ въ усилии вниманія, при помощи котораго мы удерживаемъ въ сознаніи такую идею, которая безъ этого была бы изгнана изъ нихъ другими находящимися въ немъ стремленіями» (155). «Имѣя въ виду воспитаніе характера, вы, — говоритъ въ заключеніе Джемсъ, обращаясь къ педагогамъ, — прежде всего должны внушить ученикамъ извѣстный запасъ соотвѣтствующихъ идей; затѣмъ вы должны развить въ нихъ способность къ напряженію произвольнаго вниманія для того, чтобы они были въ состояніи удерживать въ сознаніи правильныя идеи, хотя бы эти послѣднія были имъ даже непріятны; наконецъ, вамъ надо

содѣйствовать образованію у нихъ привычки къ тому, чтобы поступать опредѣленнымъ образомъ на основаніи этихъ хорошо ими усвоенныхъ идей» (157).

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, содержаніе новаго произведенія Джемса. Изъ приведеннаго краткаго обзора можно видѣть, что не всѣ явленія, съ которыми имѣеть дѣло педагогическая психологія, освѣщены здѣсь съ надлежащей полнотой, а иногда даже и просто затронуты. Особенно это нужно сказать относительно эмоциональной жизни, которая имѣеть такое важное значеніе и въ дѣлѣ воспитанія и въ процессѣ обученія. Эта сфера душевной жизни почти совсѣмъ игнорируется Джемсомъ, и онъ слишкомъ мало мѣста удѣляетъ ей въ анализѣ даже такихъ формъ душевной дѣятельности, гдѣ присутствіе эмоциональнаго элемента особенно замѣтно (таково, напр., состояніе интереса и т. п.). Правда, у Джемса встрѣчаются замѣчанія объ эмоціяхъ, какъ первичныхъ реакціяхъ, гдѣ авторъ обсуждаетъ педагогическое значеніе такихъ чувствованій, какъ страхъ, соревнованіе и т. п., но замѣчанія эти слишкомъ кратки; а между тѣмъ подробное трактованіе этого вопроса желательно было бы именно въ устахъ Джемса: вѣдь онъ является главнымъ защитникомъ периферической теории эмоцій, которая открываетъ довольно большой просторъ воспитательному вліянію въ области чувствованій (пробужденіе или подавленіе эмоціи путемъ воздѣйствія на тѣ или другія фізіологическія функціи). Упуская изъ виду громадное значеніе эмоциональной жизни въ дѣлѣ воспитанія (въ широкомъ смыслѣ), Джемсъ впадаетъ также и въ другую односторонность, не стоящую, правда, въ тѣсной связи съ только что указаннымъ недостаткомъ. Мы разумѣемъ его взглядъ на изученіе дѣтской души, въ которомъ замѣтно нѣсколько недовѣрчивое и даже пессимистическое отношеніе къ роли такъ называемыхъ педологическихъ изслѣдованій. Правда, замѣчанія Джемса, быть можетъ, и довольно справедливы по отношенію къ его родинѣ, гдѣ изученіе природы ребенка получило слишкомъ экстенсивный характеръ и привело къ нежелательному диллетантизму, скопивъ массу иногда слишкомъ сырого и мало обработаннаго матеріала. Но все это совсѣмъ не подрываетъ громаднаго значенія вполне научныхъ изслѣдованій психики дитяти, которыя только и могутъ дать прочный базисъ для раціональной педагогики; и если послѣдняя, какъ нормативная

наука, всегда будетъ предполагать для цѣлесообразнаго примѣненія своихъ нормъ искусство воспитанія, то это искусство въ своемъ успѣхѣ будетъ значительно зависѣть и отъ науки воспитанія. Въ частности, что касается русской школы, то по отношенію къ ней именно нужно пожелать примѣненія научно-обставленныхъ педологическихъ изслѣдованій, которыя могли бы послужить твердою опорой при выработкѣ педагогическихъ и дидактическихъ нормъ. Такимъ образомъ Джемсъ едва ли правъ въ своей оцѣнкѣ педологическаго движенія, тѣмъ болѣе, что послѣднее далеко не ограничивается тѣми формами, которыя онъ имѣлъ передъ своими глазами. Едва ли, далѣе, можно согласиться и со всѣми безъ исключенія его взглядами въ области собственно педагогической психологіи, и въ нѣкоторыхъ своихъ частныхъ педагогическихъ воззрѣніяхъ Джемсъ, несомнѣнно, не чуждъ крайностей. Такъ, трудно быть солидарнымъ съ нимъ въ очень высокой оцѣнкѣ соревнованія, какъ положительнаго стимула въ процессѣ воспитанія и обученія. Наконецъ, не всѣ, конечно, будутъ согласны со взглядами Джемса и въ области теоретической психологіи, гдѣ давно извѣстна не только оригинальность, но и парадоксальность это́го крупнѣйшаго изъ современныхъ психологовъ. Такъ, не всегда можно стать, при изслѣдованіи душевныхъ процессовъ, на точку зрѣнія автора, который, рассматривая всю обширную область психической жизни, какъ «потокъ сознанія», вводитъ въ психологію не совсѣмъ опредѣленный терминъ, иногда даже тормозящій болѣе глубокой и тонкой анализъ.

Но всѣ эти недостатки значительно покрываются положительными качествами книжки, о которыхъ намъ уже отчасти приходилось говорить при изложеніи содержанія. Здѣсь, прежде всего, нужно упомянуть о полной научности сочиненія, вышедшаго изъ-подъ пера одного изъ самыхъ видныхъ представителей современной психологіи. Несмотря на парадоксальность нѣкоторыхъ изъ своихъ взглядовъ, Джемсъ всюду обнаруживаетъ близкое знакомство съ твердо-установленными результатами въ области трактуемой науки, и въ этомъ отношеніи его сочиненіе особенно цѣнно среди часто очень диллетантскихъ работъ въ сферѣ педологіи. Далѣе, хотя Джемсъ не захватилъ въ своемъ анализѣ *всѣхъ* душевныхъ процессовъ во всей ихъ полнотѣ, онъ тѣмъ не менѣе выдвинулъ самые существенные пункты педаго-

гической психологiи и, несмотря на не совсѣмъ систематическое расположенiе, далъ нѣчто цѣльное и оригинальное въ своемъ краткомъ курсѣ чтенiй. Особенно цѣнно здѣсь то, что Джемсъ подчеркиваетъ важность активнаго элемента въ процессѣ воспитанiя (развитiе привычки къ труду путемъ постепеннаго усиленiя, значенiе идейнаго элемента при воспитанiи воли и т. п.): это производитъ бодрящее и тонизирующее впечатлѣнiе особенно на юнаго читателя, который можетъ видѣть, что въ его же собственныхъ рукахъ воспитанiе можетъ превратиться въ самовоспитанiе. Этимъ самымъ Джемсъ какъ бы становится въ оппозицію съ тѣми теоретиками воспитанiя, которые выдвигаютъ на первый планъ пассивный элементъ въ воспитательномъ воздѣйствiи, почти отождествляя послѣднее съ внушенiемъ (напр., Гюйо). — Намъ нѣтъ необходимости распространяться о томъ, что наряду съ указанными общими и болѣе крупными достоинствами книжка Джемса изобилуетъ множествомъ отдѣльныхъ очень любопытныхъ и поучительныхъ замѣчанiй. Наконецъ, мы не можемъ не упомянуть и о въ высшей степени картинномъ и рельефномъ изложенiи сочиненiя, исполненномъ самыхъ яркихъ и типичныхъ иллюстрацiй, каковыя особенноти, присущiя и другимъ, болѣе специальнымъ и ученымъ трудамъ Джемса, уже давно отмѣчены критикой. Если же мы присоединимъ сюда и полную доступность въ трактованiи часто довольно специальныхъ вопросовъ, то этимъ укажемъ еще на одно достоинство книжки, которое можетъ сдѣлать ее пригодною для самыхъ широкихъ круговъ.

Безупречный переводъ г. Ивановскаго предваряется краткимъ, но очень содержательнымъ введенiемъ, гдѣ выясняется задача сочиненiя и дается характеристика философско-психологическихъ воззрѣнiй Джемса, съ указанiемъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ этого выдающагося психолога-мыслителя.

Н. Виноградовъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакцiи.

L'année biologique. Cinquième année. 1899—1900. Paris, 1901. P. LXXVI+676.

M. B. Bourdon. La perception visuelle de l'espace. P. 460. Ц. 12 fr. Paris, 1902.

Guido Villa. Einleitung in die Psychologie der Gegenwart. Перев. съ итальянскаго Chr. D. Pfau. Лейпцигъ, 1902. Ц. 10 Мг. Ст. IV+471.

Георгій Дорощевъ. Характеристика творчества Н. В. Гоголя. Тифлисъ, 1902. Стр. 89. Ц. 60 к.

Томасъ Карлейль. Sartor Resartus. Жизнь и мысли Герръ Тейфельсдрека въ трехъ книгахъ. Переводъ съ англ. Н. Горбова. Москва, 1902. Стр. XV+341. Ц. 2 р. 50 к.

А. Нонанъ Дойль. Война въ Южной Африкѣ, ея причины и способъ ея веденія. Перед. съ англ. подъ редакціей В. В. Язева. Ц. 25 к. Одесса, 1902. Стр. 147.

Отчетъ библиотеки Общества взаимнаго вспомошествованія приказчиковъ - евреевъ г. Одессы (съ 1-го января 1901 г. — по 1-ое января 1902 г.). Одесса, 1902. Стр. 19.

В. И. Разумовскій. Медицина и хирургія XIX столѣтія. Москва, 1902. Стр. 24.

Г. Россолимо. Памяти Корсакова.

Herman Siebeck. Goethe als Denker. Stuttgart, 1902. P. 244.

Frommanns Klassiker der Philosophie. XV.

Петръ Струве. На разныя темы. (1893—1901 гг.) Сборникъ статей. Спб., 1902. Стр. II+555. Ц. 3 руб.

Томасъ Карлейль. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда ректора Эдинбургскаго университета 2 апр. 1866 г. Переводъ съ англійскаго Н. Горбова. Москва, 1902. Стр. 52. Ц. 25 коп.

А. Шостьина. Зачѣмъ блуждать? Сергіева Лавра, 1902. Стр. 20. Ц. 25 коп.

Обзоръ журнановъ.

Revue philosophique 1901 годъ. V. Brochard. «La morale ancienne et la morale moderne». № 1.

Глубокая разница лежитъ во взглядахъ древняго и новаго времени на вопросы морали: основныя идеи нравственности новаго времени—идеи долга, обязанности, повелѣнія, добра, совѣсти, грѣха, нравственной отвѣтственности, безсмертія души, будущей жизни—отсутствовали у древнихъ; мораль ихъ носила нравоучительный характеръ, конечная цѣль стремленій заключалась въ реализаціи счастья здѣсь, на землѣ, поэтому добро понималось ими только какъ удовольствіе или польза, и высшее благо неотдѣлимо было отъ счастья. Принимая во вниманіе эту разницу, мы можемъ или считать мораль древнихъ стоящей на низшей ступени развитія, не заслуживающей даже названія морали, или же подвергнуть критикѣ современное опредѣленіе морали, какъ ученіе о долгѣ, и отдѣлить въ немъ религіозный элементъ отъ философскаго. Уже Декартъ, Мальбраншъ и особенно Спиноза указывали разницу между моралью послушанія и философской моралью; XVIII вѣкъ почти весь училъ не обязанностямъ, а добродѣтели въ древнемъ значеніи слова, и только Кантъ съ французскими и шотландскими послѣдователями замѣнили рациональный взглядъ на мораль религіозной точкой зрѣнія. Чтобы сдѣлать моральное ученіе научнымъ, надо вычеркнуть изъ него идеи долга, обязанности, отнести ихъ къ области религіи и приблизиться, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ къ пониманію древнихъ.

Sokolov. «L'individuation colorée». № 1.

Эта статья посвящена изслѣдованію интереснаго, но мало из-

вѣстнаго вопроса объ окрашиваніи индивидуальностей, т.-е. символизациі въ краскахъ духовнаго облика человѣка, а также индивидуальнаго характера литературныхъ произведеній и музыкальныхъ пьесъ.

Приведа рядъ примѣровъ подобнаго явленія, авторъ подыскиваетъ ему психологическое объясненіе и обоснованіе. Происхожденіе окрашиванія индивидуальностей объясняется, по его мнѣнію, или ассоціаціями по смежности, когда цвѣтъ платья индивидуума переносится на его духовный обликъ, цвѣтъ переплета—на литературное произведеніе и т. п., или же, чаще всего,—ассоціаціями по сходству, когда два представленія ассоціируются при помощи идеи, къ которой оба они одинаково относятся, или черезъ посредство эмоціи, съ которой оба они связаны.

Въ качествѣ же основанія, въ силу котораго окрашиваніе индивидуальностей неизмѣнно сохраняется въ теченіе всей жизни подверженнаго ему субъекта, г. Соколовъ принимаетъ полезность символическаго изображенія, дающаго возможность посредствомъ одного лишь конкретнаго знака выразить все многообразіе отвлеченной духовной индивидуальности.

Свою психологическую теорію авторъ примѣняетъ далѣе къ объясненію окрашиванія звуковъ, рассматривая это явленіе какъ частный случай окрашиванія индивидуальностей, т.-е. принимая за индивидуальность всю совокупность разнообразныхъ элементовъ (ощущеній, смутныхъ чувствованій и идей), составляющихъ звуковую перцепцію. (См. статью автора «Факты и теорія цвѣтнаго слуха» въ №№ 37 и 39 «Вопросы философіи и психологіи»).

Mauixion. «La vraie mémoire affective». № 2.

По мнѣнію автора,—аффективной памятью ошибочно считаютъ возникновеніе совершенно новаго чувствованія—въ зависимости отъ воспроизведеннаго ощущенія, упуская изъ виду тотъ фактъ, что новая эмоція часто превосходитъ первичную своей интенсивностью (Рибо) и, слѣдовательно, не можетъ быть отнесена къ явленіямъ памяти.

Но на ряду съ ложной аффективной памятью существуетъ и настоящая, или воспроизведеніе пережитой эмоціи въ силу установившейся съ воспроизведеннымъ представленіемъ ассоціаціи. Въ мнимой аффективной памяти новая эмоція главнымъ

образомъ обусловлена живостью воспроизведеннаго представленія, въ истинной же—воспроизведенное чувство обусловлено известнымъ приобретеннымъ расположеніемъ организма.

Иногда одно и то же явленіе бываетъ результатомъ совмѣстнаго дѣйствія обоихъ видовъ памяти.

F. Pillon. «La mémoire affective: son importance théorique et pratique». № 2.

Разбирая мнѣнія психологовъ по интересующему его вопросу, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ противоположность Джемсу, отрицающему наличность въ насъ аффективной памяти, остальные психологи—Спенсеръ, Бэнъ, Гейдингъ, Рибо—признаютъ ея существованіе и болѣе или менѣе сходятся въ ея истолкованіи; Руссо въ своей «Новой Элоизѣ» (часть IV, письмо 17) показываетъ тонкое и глубокое пониманіе этого явленія. Причина долгаго пренебреженія къ этому виду памяти со стороны психологовъ кроется въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя приходится преодолевать произвольнымъ аффективнымъ воспоминаніямъ при ихъ возникновеніи сравнительно съ произвольными же воспоминаніями ощущеній и идей: они появляются лишь черезъ посредство зрительныхъ и слуховыхъ образовъ, съ которыми были первоначально ассоцірованы. Что же касается рѣдко наблюдаемаго произвольнаго воспроизведенія чувствованій подъ вліяніемъ дѣйствія ассоціацій, то оно по своей живости и яркости нисколько не уступаетъ воспроизведенію ощущеній.

Воздѣйствуя на врожденныя расположенія къ чувствованіямъ черезъ посредство результатовъ накопившагося единоличнаго и наслѣдственнаго опыта, аффективная память есть одинъ изъ существующихъ факторовъ эволюціи чувствованій, если только признавать таковую.

Вліяніемъ аффективной памяти объясняется цѣлый рядъ психологическихъ фактовъ, какъ-то: моногамическое влеченіе женщины, интенсивность родительской и особенно материнской любви и страшный консерватизмъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, замѣчаемый въ цѣлыхъ народахъ совершенно такъ же, какъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ.

F. Le Dantec. «La définition de l'individu». №№ 1 и 2.

Авторъ задается цѣлью опредѣлить понятіе индивидуальности

въ биологiи въ примѣненiи ко всѣмъ безъ исключенiя животнымъ и растительнымъ формамъ, принимая въ качествѣ исходнаго пункта человѣческую индивидуальность. Признакъ недѣлимости, присущій организму человѣка, отсутствуетъ въ одноклѣточныхъ организмахъ и, слѣдовательно, не можетъ войти въ опредѣленiе понятiя индивидуальности.

По той же причинѣ приходится отвергнуть и признакъ общности происхожденiя всѣхъ частей организма, такъ какъ яйцо нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ производитъ изъ себя организмъ, состоящiй изъ массы развѣтвленiй, изъ которыхъ каждое напоминаетъ собой индивидуумъ и, будучи оторвано отъ цѣлаго, продолжаетъ существовать самостоятельно. Но всѣмъ безъ исключенiя организмамъ присуща одна общая черта: взаимное влiянiе различныхъ частей живого цѣлаго, имѣющее въ виду сохранить въ индивидуумѣ опредѣленный обусловленный наслѣдственностью морфологическiй строй. Это наслѣдственное морфологическое единство и составляетъ понятiе индивидуальности какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ животныхъ организацияхъ. Къ этому остается только добавить, что наслѣдственный морфологическiй строй каждой индивидуальности можетъ нѣсколько видоизмѣняться подъ влiянiемъ приспособленiя къ окружающей средѣ.

Изъ опредѣленiя понятiя индивидуальности выясняется, что вопросъ о полизоизмѣ высшихъ животныхъ организмовъ, т.-е. о томъ—не состоятъ ли они изъ простѣйшихъ индивидуумовъ,—можетъ быть поставленъ только въ примѣненiи къ происхожденiю организмовъ, да и то лишь въ качествѣ гипотезы.

D-r Grasset. «Le vertige: etude physiopathologique de la fonction d'orientation et d'équilibre» №№ 3 и 4.

Согласно изслѣдованiю автора, головокруженiе есть состоянiе сознанiя, складывающееся изъ двухъ ощущенiй: ложнаго ощущенiя перемѣщенiя и ощущенiя потери равновѣсiя. Оно обусловлено опредѣленнымъ анатомо-физиологическимъ строенiемъ и извѣстными патологическими состоянiями нервнаго аппарата, исполняющаго роль органа для чувства перемѣщенiя въ пространствѣ (orientation) и равновѣсiя, при чемъ разстройство этого аппарата вызываетъ кромѣ головокруженiя еще цѣлый рядъ другихъ болѣзненныхъ симптомовъ.

D-r Pierre Janet. «La maladie du scrupule ou l'aboulie délirante». №№ 4 и 5.

Докторъ Janet соединяетъ въ одну группу всѣхъ больныхъ, у которыхъ проявляется въ навязчивыхъ идеяхъ общая отличительная черта—безпокойство. Но, сообразно съ различіемъ этихъ идей по содержанию, онъ ихъ классифицируетъ слѣдующимъ образомъ: 1) святотатственные и 2) преступныя навязчивыя идеи, 3) стыдъ за свою психическую и 4) стыдъ за свою физическую личность, 5) ипохондрическія навязчивыя идеи. Классификація эта сдѣлана на основаніи наблюденій надъ 85-ю больными (62 женщины и 23 мужчины). Наиболѣе характерныя наблюденія изъ всего собраннаго матеріала приводятся въ настоящей статьѣ. Сопоставляя собранныя наблюденія, докторъ Janet отыскиваетъ черты, общія всѣмъ пяти классамъ навязчивыхъ идей и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) объектомъ идей всегда служитъ не внѣшній міръ, а какое-либо дѣйствіе самого субъекта; 2) если это дѣйствіе не дурно само по себѣ, оно по крайней мѣрѣ въ глазахъ больного всегда является таковымъ, и 3) причисляется имъ къ категоріи необыкновенныхъ, чрезвычайныхъ дѣйствій. 4) Четвертое заключеніе касается происхожденія идей и ставится авторомъ гипотетически: въ противоположность всякимъ другимъ навязчивымъ идеямъ, въ изслѣдуемой группѣ содержаніе идеи не внушается извнѣ, а находится въ тѣсной связи съ индивидуальнымъ характеромъ больного и вырабатывается по своимъ особеннымъ законамъ чисто субъективнымъ образомъ.

A. Espinas. «Etre ou ne pas être ou du postulat de la sociologie». № 5.

Перечисливъ тѣ причины, по которымъ социологія, несмотря на переживаемый въ наше время кажущійся успѣхъ, встрѣчаетъ въ своемъ развитіи оппозицію, авторъ переходитъ къ изложенію соображеній, имѣющихъ цѣлью показать, что социологія обладаетъ своимъ собственнымъ объектомъ—сферой социальныхъ явленій независимо отъ біологическихъ и психологическихъ фактовъ, благодаря чему ей должно принадлежать самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ изучающихъ природу наукъ.

D-r E. Claparède. «Les animaux, sont-ils conscients?» № 5.

Ни физиологія, ни психологія при объясненіи дѣйствій животныхъ не должны задаваться вопросомъ объ ихъ сознательности.

Dugas. «L'entêtement: étude psychologique». № 6.

Нравственная оцѣнка упрямства не должна вліять на психологическій анализъ этого явленія.

Упрямство проявляется въ двоякой формѣ: положительной, въ видѣ приказанія, въ большинствѣ же случаевъ — отрицательной, въ видѣ запрещенія.

Съ точки зрѣнія интеллектуальной, упрямство есть настаиваніе на принципѣ еще не вполне установленномъ; съ аффективной — ложное самолюбіе, ложный стыдъ. Въ высшей степени оригинальное состояніе духа, называемое упрямствомъ, можетъ гипотетически быть истолковано, какъ бы парадоксально ни показалось подобное объясненіе, какъ состояніе нерѣшительности, слабости воли. Такъ, въ отрицательной своей формѣ, упрямство характеризуется медлительностью воли, уничтожающей свое veto лишь по зрѣломъ обсужденіи; въ положительной же оно отличается стремительностью воли, которая, за недостаткомъ опять таки зрѣлаго размышленія, застигнутая врасплохъ, принимаетъ безъ обсужденія первое попавшееся часто въ высшей степени нелѣпное рѣшеніе. Практическое слѣдствіе отсюда: дать упрямцу время одуматься, и онъ по размышленіи самъ придетъ къ правильному рѣшенію воли.

Противоположность упрямству составляетъ покладистый характеръ: какъ въ состояніи упрямства воля субъекта всецѣло поглощена его внутреннимъ состояніемъ, такъ здѣсь, наоборотъ, она вся направлена на само дѣйствіе, на умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ, между тѣмъ какъ воля въ истинномъ значеніи этого слова заключается въ синтезѣ того и другого: въ подчиненіи обстоятельствамъ на ряду съ личной инициативой. Отраженіе покладистаго характера мы видимъ въ утилитаризмѣ, отраженіе упрямства — въ формализмѣ; истина въ соединеніи того и другого.

D-r Bernard Leroy et J. Tobolowska. «Sur le mécanisme intellectuel du rêve». № 6.

Со стороны своего интеллектуальнаго механизма, настоящее полное сновидѣніе заключается въ цѣломъ рядѣ картинъ, смѣняющихся одна другую безъ логической связи, но поясняемыхъ, по мѣрѣ своего возникновенія, самимъ субъектомъ посредствомъ цѣлаго ряда соответствующихъ имъ мыслей, что можно видѣть

изъ приведенныхъ въ статьѣ примѣровъ. Иногда въ сновидѣніи замѣчается обратный процессъ: возникающія во время хода сновидѣнія мысли сами воплощаются въ конкретные образы.

Можно провести параллель между состояніемъ сновидѣнія и бодрствованія: матеріаль сновидѣнія какъ и внѣшняго воспріятія состоитъ преимущественно изъ независимыхъ образовъ, а не идей; и въ томъ и въ другомъ состояніи на долю ума выпадаетъ роль логическаго связыванія, приведенія въ систему, но въ этомъ пунктѣ слѣдуетъ отмѣтить и разницу, состоящую въ томъ, что въ состояніи бодрствованія интерпретація и координація образовъ совершается на основаніи данныхъ не только настоящаго, но и предыдущаго бодрствованія, въ состояніи же сновидѣнія—на основаніи данныхъ бодрствованія и настоящаго сновидѣнія, но не предшествующихъ сновидѣній, откуда возможность многихъ сновидѣній и одного только бодрствованія. Но самая значительная разница между этими двумя состояніями заключается въ распадѣніи идей на первичные несвязанные между собой образы, что можно подмѣтить лишь въ явленіяхъ сновидѣнія.

Dunan. «Les principes de la morale». №№ 3, 4 и 6.

Занявшись выясненіемъ основныхъ понятій морали при помощи сопоставленія своей точки зрѣнія со взглядами древнихъ и новыхъ философовъ, Дунап приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: мораль, какъ руководительница жизни, должна быть обоснована не трансцендентными данными, а самимъ естественнымъ порядкомъ природы; высшее благо заключается въ единеніи съ универсальной природой; нравственное сознаніе есть не что иное, какъ высшая ступень развитія инстинкта жизни; нравственный законъ, отличный отъ Кантовскаго долга, составляетъ неотъемлемую принадлежность этой натуралистической и, одновременно съ этимъ, рационалистической морали.

D-r E. de Cyon. «Les bases naturelles de la géométrie d'Euclide». № 7.

По мнѣнію автора пространство воспринимается нами съ помощью шестого чувства, органомъ котораго являются 3 полукруглыхъ канала лабиринта, расположенные въ 3-хъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ.

Ощущенія, получаемыя при помощи этого чувства, даютъ намъ

понятіе о 3-хъ направленіяхъ или о трехмѣрномъ пространствѣ. Надъ этимъ-то пространствомъ и оперируетъ геометрія Эвклида, аксіомы и опредѣленія которой суть не что иное, какъ выраженіе геометрическихъ понятій, доставленныхъ намъ при помощи указанного 6-го чувства—чувства пространства. Естественной основой для геометріи Эвклида являются, такимъ образомъ, фізіологическія данныя, что составляетъ ея преимущество передъ геометріей Лобачевского и Риманна-Гельмгольца, имѣющей дѣло не съ воспринимаемымъ, а съ воображаемымъ пространствомъ, т.-е. основанной исключительно на умозрѣніи.

F. Le Dantek. «La méthode deductive en biologie». №№ 7 и 8.

Задача статьи—показать нагляднымъ образомъ, что біологія въ своихъ изслѣдованіяхъ можетъ съ успѣхомъ примѣнять дедуктивный методъ: такъ, исходя изъ твердо установленныхъ фактовъ въ области жизненныхъ процессовъ высшихъ животныхъ организмовъ и принимая во вниманіе добытыя элементарныя познанія о жизни одноклѣточныхъ организмовъ, біологія этимъ путемъ предвосхищаетъ, напримѣръ, открытія химіи, касающіяся состава протоплазмы.

Goblot. «La musique descriptive». № 7.

Считая экспрессію существеннымъ условіемъ красоты въ искусствѣ вообще и въ музыкѣ въ частности, авторъ—въ виду важности опредѣленія законовъ экспрессіи и ея механизма,—посвящаетъ свою статью разсмотрѣнію тѣхъ средствъ, которыми обладаетъ для достиженія экспрессіи описательная музыка.

Bouglé. «Le procès de la sociologie biologique». № 8.

Данный очеркъ представляетъ собой критику двухъ возраженій, сдѣланныхъ автору на страницахъ этого же журнала (за 1900 г.) по поводу его статьи о бесплодности біологической социологіи, гдѣ онъ указываетъ на неспособность естественныхъ наукъ выработать нормы, пригодныя для социологіи. Цѣль критики—показать, что оба апологета біологической социологіи—индивидуалистъ Новиковъ и націоналистъ Эпинасъ, на самомъ дѣлѣ лишь подтверждаютъ то, что и слѣдовало ожидать на основаніи разнородности ихъ доктринъ, защищающихъ одно и то же положеніе, а именно—подтверждаетъ туманность и эластичность концептовъ, которые біологія можетъ предложить социологіи.

Récéjac. «La philosophie de la grâce». №№ 8 и 9.

Въ этой статьѣ, посвященной философіи религіи и въ частности благодати, авторъ выводитъ на сцену то состояніе сознанія, въ которомъ падаетъ преграда, отдѣляющая конечное существо отъ безграничнаго Абсолюта, и гдѣ человѣкъ, если не умомъ, то чувствомъ постигаетъ само Божество, какъ бы сливаясь съ Нимъ. Имѣя въ виду схоластику, рѣзко разграничившую явленія естественныя и сверхъестественныя дѣйствія благодати, авторъ разсматриваетъ въ своей статьѣ вопросъ о взаимоотношеніяхъ благодати съ одной стороны, природы, затѣмъ свободы воли—съ другой.

D-r Gustave Le Bon. «Les projets de réforme de l'enseignement». № 9.

Всякое рѣшительно обученіе, включая сюда и мораль, состоитъ въ томъ, чтобы область сознательнаго обратить въ область безсознательнаго путемъ ассоціацій, превращающихся съ теченіемъ времени въ рефлексы, а такой результатъ достигается отнюдь не при помощи навязыванія ученической памяти сухихъ мертвыхъ книжныхъ познаній, а черезъ посредство опыта, живой практики, наблюденія, что давно понято англичанами и нѣмцами, но далеко еще не проникло въ сознаніе французовъ.

F. Paulhan. «La suggestibilité d'après M. A. Binet». № 9.

Авторъ знакомитъ насъ съ интереснымъ экспериментальнымъ изслѣдованіемъ Бинэ, который въ своей работѣ, на основаніи экспериментальныхъ данныхъ, разрѣшаетъ въ утвердительной формѣ вопросъ о возможности внушенія помимо гипнотизма и указываетъ затѣмъ тотъ путь, которымъ нужно слѣдовать для того, чтобы эксперименты, производимые для опредѣленія степени внушимости у отдѣльныхъ субъектовъ, приобрѣли дѣйствительное значеніе. Изложивъ сущность цѣлаго ряда произведенныхъ Бинэ опытовъ, авторъ, наряду съ признаніемъ ихъ несомнѣнныхъ достоинствъ, отмѣчаетъ найденные имъ недостатки, сводящіеся главнымъ образомъ къ неточности выводовъ, полученныхъ экспериментаторомъ.

L. Bruy. «Le beau dans la nature». № 10.

Желая опредѣлить смыслъ красоты въ природѣ при помощи научныхъ данныхъ, авторъ индуктивнымъ путемъ, разсматривая послѣдовательно красоту въ растительномъ, затѣмъ въ живот-

номъ царствѣ, дѣлаетъ заключеніе о полезности красоты въ природѣ для обладающихъ ею индивидуумовъ и свой выводъ резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: въ чемъ бы красота ни выражалась: въ краскахъ ли, въ формѣ, въ звукахъ или движеніяхъ—она всегда является для индивидуума средствомъ выдѣлиться, обратить на себя вниманіе; стремленіе выдѣлиться тѣсно связано съ функціей воспроизведенія потомства и сохраненія вида, и половой подборъ у высшихъ животныхъ есть не что иное, какъ высшая форма этого стремленія.

I. I. Van Biervliet. «L'homme droit et l'hommegauche. Les ombidextres». № 10.

Эта статья знакомитъ насъ съ экспериментальнымъ изслѣдованіемъ нервной системы (ея чувствующихъ нервовъ) въ трехъ человѣческихъ типахъ, къ каковымъ относятся: 1) субъекты, лучше владѣющіе правой, чѣмъ лѣвой рукой, 2) лѣвши и 3) одинаково владѣющіе обѣими руками.

Эксперименты показали, что лица, принадлежащія къ первой категоріи, обладаютъ болѣе развитой чувствительностью нервовъ правой стороны; что касается лицъ 3-й категоріи, то они, совершенно такъ же, какъ и лѣвши, отличаются повышенной чувствительностью зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и мускульныхъ нервовъ лѣвой стороны.

H. Höffding. «La base psychologique des jugements logiques». №№ 10 и 11.

Производя психологическій анализъ процесса сужденія, Геддингъ начинаетъ съ разсмотрѣнія его психологической основы—интуиціи и ассоціаціи, затѣмъ переходитъ къ процессу образованія самаго сужденія, отъ него—къ формѣ сужденія и наконецъ—матеріалу сужденія, подлежащему и сказуемому, выясняя въ послѣдовательномъ порядкѣ отношеніе логики къ грамматикѣ, психологіи и метафизикѣ.

G. Tarde. «La réalite sociale». № 11.

Психологія, изучая взаимоотношенія входящихъ въ общество индивидуумовъ, разсматриваетъ эти отношенія исключительно какъ факты сознанія; социологія же не ограничивается одними психическими данными, а присоединяетъ къ нимъ физическія взаимоотношенія и взаимодействіе индивидуумовъ съ окружающей средой.

Соціальный прогрессъ заключается въ томъ, чтобы психическія данныя во взаимоотношеніяхъ индивидуумовъ брали перевѣсъ надъ физическими. Такимъ образомъ общество, какъ существующая реальность, есть прежде всего, но не исключительно соціальное сознание.

M. Bernès. «Individu et société». № 11.

Существующія соціологическія теории всѣ отличаются односторонностью: однѣ изъ нихъ подставляютъ подъ общество индивидуумъ, другія же обратно, весь центръ тяжести переносятъ съ индивидуума на соціальныя отношенія, при чемъ и тѣ и другія въ своихъ воззрѣніяхъ на общество и индивидуумъ приближаются или къ идеализму, или къ реализму. Между тѣмъ основнымъ фактомъ нашего сознанія является постоянный синтезъ идеальнаго и реальнаго, соціальныхъ и индивидуальныхъ отношеній и потому истинно философская соціологическая теорія должна считаться съ обоими концептами—индивидуума и общества, а съ другой стороны—съ тѣмъ, что есть, и съ тѣмъ, что должно быть.

A. Fouillée. «Les jugements de Nietzsche sur Guyau, d'après des documents inédits». № 12.

Предметомъ статьи служатъ два философа, одинаково обосновывающіе свою философію нравовъ анализомъ понятія жизни, но идущіе затѣмъ въ развитіи своихъ системъ различными путями. Фуллье отмѣчаетъ пункты ихъ сходства и разногласія, пользуясь черновыми набросками и отмѣтками, сдѣланными рукой Ницше на поляхъ сочиненія Гюйо «l'Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction».

Palante. «Les dogmatismes sociaux et la libération de l'individu». № 12.

Подвергая критикѣ различныя апріорныя и апостеріорныя соціальныя ученія, отрицающія всякое самостоятельное значеніе индивидуума и полагающія центръ тяжести въ обществѣ, — авторъ самъ высказывается за противоположную доктрину—своеобразнаго индивидуализма.

F. Paulhan. «La simulation dans le caractère». № 12.

Притворство, т.-е. преднамѣренное проявленіе въ своемъ характерѣ такихъ чертъ, которыя діаметрально противоположны

въ дѣйствительности присущимъ ему свойствамъ, представляетъ собою весьма частое психическое явленіе. Частнымъ случаемъ и характернымъ примѣромъ его можетъ служить мнимое безстрастіе, стремящееся замѣнить сильно развитую чувствительность.

Подвергая проявленіе безстрастія психологическому анализу, авторъ выясняетъ условія его возникновенія, главнѣйшіе составные элементы и разнообразныя формы, въ которыхъ воплощается данный психологическій типъ.

А. Волковичъ и З. Столица.

Извѣстія и замѣтки.

Харьковское Медицинское Общество объявляетъ тему на соисканіе преміи имени своего почетнаго члена Рудольфа Вирхова:

„Патологическая анатомія processus vermicularis“.

Условія: сочиненія представляются только одними русскими учеными, срокъ подачи сочиненій—1-е февраля 1903 года; премированное сочиненіе, по желанію автора, можетъ быть напечатано въ «Трудахъ» Общества, и авторъ получаетъ 25 оттисковъ; сочиненія присылаются на имя Предсѣдателя Медицинскаго Общества подъ девизомъ.

Размѣръ преміи—200 руб.

Предсѣдатель профессоръ А. Кузнецовъ.

Московское Психологическое Общество.

СИС. Протоколъ годичнаго распорядительнаго засѣданія 1 февраля 1902 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 час. вечера въ залѣ Правленія Университета подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балталона, А. Н. Бернштейна, Д. В. Викторова, Н. Д. Виноградова, Н. В. Давыдова, Н. П. Корелиной, гр. И. А. Мамуна, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, Э. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, А. Н. Скрыбина, кн. С. Н. Трубецкого и С. Н. Эверлингга.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Предсѣдатель сообщилъ о смерти почетнаго члена Общества А. Я. Кожевникова, послѣдовавшей 10-го января текущаго года и о смерти дѣйствительнаго члена И. О. Ярковскаго, послѣдовавшей 9-го января нынѣшняго года.

По предложенію предсѣдателя присутствующіе почтили память усопшихъ вставаніемъ.

2) Секретарь Общества прочелъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

3) Секретарь доложилъ о дѣятельности Обществъ въ 1901 г.

4) Казначей Н. А. Абрикосовъ доложилъ отчетъ о состояніи денежныхъ суммъ.

5) Кн. С. Н. Трубецкой доложилъ отчетъ по изданію журнала «Вопросы Философіи и Психологіи».

6) Произведены выборы въ кандидаты товарища предсѣдателя вмѣсто скончавшагося А. А. Токарскаго.

Избраннымъ оказался В. П. Сербскій 17-ю противъ 1-го.

7) А. С. Бѣлкинъ прочелъ предложеніе о выборѣ въ почетные члены Общества профессора Казанскаго университета Аполлона

Ивановича Смирнова, подписанное Л. М. Лопатинымъ; Ц. П. Балталономъ и А. С. Бѣлкинымъ.

Произведена баллотировка этого предложенія, при чемъ А. И. Смирновъ оказался избраннымъ 14-ю голосами противъ 3-хъ.

8) Кн. С. Н. Трубецкой предложилъ избрать профессора В. О. Ключевского въ почетные члены Общества по случаю исполнившагося 30-тилѣтїя его ученой дѣятельности. Къ этому предложенію присоединились Л. М. Лопатинъ, Н. В. Давыдовъ, В. П. Сербскій и Г. А. Рачинскій.

Произведенной баллотировкой В. О. Ключевскій былъ избранъ въ почетные члены единогласно.

9) Предложены въ дѣйствительные члены В. Э. Саводникъ, Л. М. Лопатинымъ, Ю. И. Айхенвальдомъ и Д. В. Викторовымъ, профессоръ Московской духовной академіи Анатолій Алексѣевичъ Спасскій—Л. М. Лопатинымъ, П. В. Тихомировымъ и В. О. Ключевскимъ, профессоръ Лазаревского Института Павелъ Дмитриевичъ Первовъ—Л. М. Лопатинымъ и В. Э. Миллеромъ и въ члены-соревнователи Екатерина Дмитриевна Мошкина—Л. М. Лопатинымъ, Н. В. Давыдовымъ и Г. А. Рачинскимъ.

10) Обсужденъ составъ слѣдующей книжки журнала «Вопр. Фил. и Псих.» и распределены присланныя статьи между членами редакціоннаго комитета.

11) Л. М. Лопатинъ заявилъ, что С. П. Булгаковъ желаетъ прочесть рефератъ «Основные проблемы теоріи прогресса».

Кн. С. Н. Трубецкой сообщилъ, что проф. Моск. дух. акад. А. А. Спасскій желаетъ прочесть рефератъ «О дарѣ языковъ по коптскимъ источникамъ».

Н. В. Давыдовъ выразилъ желаніе прочесть рефератъ «О внутреннемъ значеніи наказанія».

Кн. С. Н. Трубецкой выразилъ желаніе прочесть рефератъ «О безсмертіи души».

Кромѣ того, Л. М. Лопатинъ обѣщалъ прочесть рефератъ, не обозначая куда его заглавія.

Засѣданіе закрыто въ 10 ч. 30 м. вечера.

С. С. Протоколъ очередного (закрытаго съ гостями) засѣданія 20 февраля 1902 года.

Засѣданіе открыто въ Библиотечной залѣ Университета въ 8³/₄ ч. вечера подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина при

товарищъ секретаря Н. Д. Виноградовъ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Н. В. Бугаева, С. Н. Булгакова, К. М. Быковского, Р. Ю. Виппера, В. Е. Гиацинтова, В. А. Гольцева, Н. П. Корелиной, П. И. Новгородцева, Н. П. Постовскаго, В. П. Сербскаго, А. Н. Скрябина и посторонней публики.

Въ засѣданіи, между прочимъ, происходило слѣдующее:

1) Дѣйств. чл. Общества С. Н. Булгаковъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ «Основные проблемы теоріи прогресса» (чтеніе прерывалось антрактомъ въ 10 минутъ).

2) По окончаніи чтенія послѣ 10-минутнаго перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго, въ которыхъ принимали участіе, кромѣ референта, В. А. Гольцевъ и Н. В. Бугаевъ.

3) По окончаніи преній предсѣдатель Л. М. Лопатинъ выразилъ отъ лица Общества благодарность референту за интересный докладъ.

4) Предсѣдатель доложилъ собранію, что дѣйств. чл. Общества З. С. Горская передала Обществу портретъ Н. Я. Грота писанный г. Горскимъ.

Засѣданіе закрыто въ 12 час. иочн.

Отчетъ казначея Психологическаго Общества за 1901 годъ ¹⁾.

Поступило:

Остатокъ отъ п./г. . . . . 153 р. 33 к.

Членскіе взносы . . . . . 70 " — "

Пособіе отъ университета . . . 400 " — "

За продажу изданій Общества . 1539 " 41 "

На приобрѣтеніе библіотеки В. П.

Преображенскаго: изъ конто-

ры Полякова, собранные въ

прошломu году 804 р. и отъ

разн. лицъ въ наст. 216 р. . 1020 " — "

% по тек. сч. Юнкеръ и К^о . . . 4 " 28 "

% по вкладнымъ билетамъ Моск.

Уч. Б. . . . . 53 " 98 "

3241 р. — к.

¹⁾ Отчетъ секретаря будетъ напечатанъ въ ближайшемъ № журнала.

Выдано:

На засѣданія, панихиды и вѣнки	183 р. 30 к.	
Почтов. телегр. и разѣзды . .	24 " 22 "	
Канцелярск. типогр. и наградн.	26 " 65 "	
За книги и журналы для библ.	41 " 90 "	
За 2 шкафа для библіотеки .	55 " — "	
За объявленія въ газеты . . .	49 " 60 "	
Въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» на расходъ по изданію журнала .	1425 " — "	
Въ уплату гонорара за переводъ соч. Куно-Фишера «А. Шопенгауэръ»	25 " — "	
Передано душеприказчикамъ В. П. Преображенскаго за библіотеку	1039 " — "	
Внесено % на тек. сч. Юнкеръ и К ⁰	4 " 28 "	
Присоединено % къ вкладному билету М. У. Б.	<u>53 " 98 "</u>	2927 р. 93 к.
Остатокъ на 1902 г.	313 " 07 "	

Состояніе капиталовъ Психологическаго Общества.*Къ 1 января 1902 года.*

Въ приходе-расходной кассѣ	13 р. 07 к.	
Въ конторѣ журнала «Вопросы Фило- софіи и Психологіи»	300 " — "	
На тек. счету Юнкеръ и К ⁰	115 " 77 "	
На вкладахъ въ Моск. Учетн. Банкѣ: Билетъ за № 39535 капиталъ преміи Д. А. Столыпина	1000 " — "	
Билетъ за № 12516, накопившіеся % на этотъ капиталъ	<u>448 " 04 "</u>	1876 р. 88 к.

Казначей Общества **Н. А. Абрикосовъ.**

**Списокъ членовъ Психологическаго Общества, состоящаго при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, по 11-ое мая
1902 года.**

Почетные члены:

1. **Герье**, Владиміръ Ивановичъ.
2. **Звѣревъ**, Николай Андреевичъ (членъ-учредитель).
3. **Каринскій**, Михаилъ Ивановичъ.
4. **Ключевскій**, Василій Осиповичъ.
5. **Кони**, Анатолій Ѳеодоровичъ.
6. **Мержеевскій**, Иванъ Павловичъ.
7. **Струве**, Генрихъ Егоровичъ.
8. **Сѣченовъ**, Иванъ Михайловичъ.
9. **Толстой**, гр., Левъ Николаевичъ.
10. **Чичеринъ**, Борисъ Николаевичъ.
11. **Бэнъ**, Александръ (Англія).
12. **Вундтъ**, Вильгельмъ (Германія).
13. **Гартманъ**, Эдуардъ (Германія).
14. **Гефдингъ**, Гаральдъ (Данія).
15. **Джэмсъ**, Уильямъ (С. Америка).
16. **Зигвартъ**, Христофъ (Германія).
17. **Паульсенъ**, Фридрихъ (Германія).
18. **Рибо**, Томась (Франція).
19. **Рише**, Шарль (Франція).
20. **Спенсеръ**, Гербертъ (Англія).
21. **Фишеръ**, Куно (Германія).
22. **Фулье**, Альфредъ (Франція).
23. **Целлеръ**, Эдуардъ (Германія).

Члены-учредители:

24. **Анучинъ**, Дмитрій Николаевичъ, } профессора Московскаго
 25. **Бугаевъ**, Николай Васильевичъ, } университета.
 26. **Ковалевскій**, Максимъ Максимовичъ, членъ-корреспондентъ
 Академіи Наукъ.
 27. **Колоколовъ**, Георгій Евграфовичъ, } профессора Московск.
 28. **Миллеръ**, Всеволодъ Ѳедоровичъ, } университета.
 29. **Муромцевъ**, Сергій Андреевичъ, профессоръ Императорскаго
 лица.
 30. **Стороженко**, Николай Ильичъ, }
 31. **Фортунаговъ**, Филиппъ Ѳедоровичъ, } проф. Московскаго
 32. **Чупровъ**, Александръ Ивановичъ, } университета.

Дѣйствительные члены:

33. **Абрикосовъ**, Алексѣй Алексѣевичъ.
 34. **Абрикосовъ**, Николай Алексѣевичъ.
 35. **Адольфъ**, Андрей Викентьевичъ, директоръ гимназіи.
 36. **Айхенвальдъ**, Юлій Исаевичъ.
 37. **Андреевъ**, Константинъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
 38. **Анри**, Викторъ, лаборантъ въ Laboratoire de psychologie physiologique въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ.
 39. **Аппельротъ**, Германъ Германовичъ, адъюнктъ - профессоръ сельскохозяйственнаго института.
 40. **Баженовъ**, Николай Николаевичъ, докторъ медицины.
 41. **Балталонъ**, Цезарь Павловичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
 42. **Бартеневъ**, Юрій Петровичъ.
 43. **Басистовъ**, Алексѣй Павловичъ, магистрантъ философіи.
 44. **Безобразова**, Марья Владиміровна, д-ръ философіи Бернскаго университета.
 45. **Безобразовъ**, Павелъ Владиміровичъ.
 46. **Бернштейнъ**, Александръ Николаевичъ, психіатръ.
 47. **Боборыкинъ**, Петръ Дмитріевичъ, писатель.
 48. **Бобровъ**, Евгений Александровичъ, профессоръ Казанскаго университета.
 49. **Ботнинъ**, Яковъ Алексѣевичъ, психіатръ.
 50. **Брунъ**, Михаилъ Исаіевичъ, присяжн. повѣрен.
 51. **Брюхатовъ**, Левъ Дмитріевичъ, преподав. средн. уч. завед.

52. **Булгановъ**, Сергѣй Николаевичъ, профессоръ Кіевскаго политехническаго института.
53. **Буцце**, Викторъ Романовичъ, психіатръ.
54. **Быковскій**, Константинъ Михайловичъ, академикъ-архитект.
55. **Бѣлинъ**, Алексѣй Сергѣевичъ, прив.-доц. Москов. унив.
56. **Вагнеръ**, Владиміръ Александровичъ, магистръ зоологіи.
57. **Васильевъ**, Александръ Васильевичъ, проф. Казанск. унив.
58. **Введенскій**, Александръ Ивановичъ, проф. Спб. унив.
59. **Введенскій**, Алексѣй Ивановичъ, проф. Московск. духовн. академіи.
60. **Вентцель**, Константинъ Николаевичъ.
61. **Веселовскій**, Алексѣй Николаевичъ, проф. Моск. унив.
62. **Вернадскій**, Владиміръ Ивановичъ, проф. Моск. унив.
63. **Вешняковъ**, Ѳедоръ Владиміровичъ.
64. **Викторовъ**, Давидъ Викторовичъ.
65. **Випперъ**, Робертъ Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
66. **Воробьевъ**, Викторъ Владиміровичъ, психіатръ.
67. **Викторскій**, Сергѣй Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
68. **Виноградовъ**, Николай Дмитріевичъ, препод. средн. учебн. заведеній.
69. **Виноградовъ**, Павелъ Гавриловичъ, проф. Моск. унив.
70. **Вульфертъ**, Антонъ Карловичъ.
71. **Вырубовъ**, Григорій Николаевичъ, писатель.
72. **Гамбаровъ**, Юрій Степановичъ.
73. **Герасимовъ**, Осипъ Петровичъ, директоръ дворянскаго пансіона-пріюта.
74. **Гіацинтовъ**, Владиміръ Егоровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
75. **Гиляровъ**, Алексѣй Никитичъ, проф. Кіевск. унив.
76. **Голицынъ**, кн., Борисъ Борисовичъ, академикъ Имп. Акад. Наукъ.
77. **Гольцевъ**, Викторъ Александровичъ, писатель.
78. **Горбовъ**, Николай Михайловичъ.
79. **Гротъ**, Константинъ Яковлевичъ, проф. Петерб. унив.
80. **Горская**, Зинаида Степановна.
81. **Гуторъ**, Василій Петровичъ.
82. **Давыдовъ**, Николай Васильевичъ, предсѣдатель Московскаго окр. суда.
83. **Данилевскій**, Василій Яковлевичъ, проф. Харьк. унив.
84. **Де-Роберти**, Евгенийъ Валентиновичъ, писатель.

85. **Дерюжинскій**, Владиміръ Ѳедоровичъ, докторъ полицейскаго права, редакторъ журнала Министерства Юстиціи.
86. **Дехтеревъ**, Владиміръ Гавриловичъ, психіатръ
87. **Джонстонъ**, Вѣра Владиміровна.
88. **Дриль**, Дмитрій Андреевичъ, докторъ уголовного права.
89. **Дурдуфи**, Георгій Николаевичъ, докторъ медицины.
90. **Духовской**, Михаилъ Васильевичъ, проф. Моск. унив.
91. **Елеонскій**, Николай Александровичъ, священ., профессоръ Москов. университета.
92. **Ефименко**, Александра Яковлевна, писательница.
93. **Жуковскій**, Николай Егоровичъ, проф. Моск. унив.
94. **Занцевичъ**, Константинъ Петровичъ, присяжн. повѣрен.
95. **Зеленогорскій**, Ѳедоръ Александровичъ, проф. Харьковскаго университета.
96. **Зерновъ**, Дмитрій Николаевичъ, проф. Моск. унив.
97. **Зографъ**, Николай Юрьевичъ, проф. Моск. унив.
98. **Зыновъ**, Владиміръ Павловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
99. **Ивановскій**, Владиміръ Николаевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
100. **Иванцовъ**, Николай Александровичъ.
101. **Иванюковъ**, Иванъ Ивановичъ, д-ръ политической экономіи.
102. **Казанскій**, Александръ Павловичъ, проф. Новорос. унив.
103. **Камаровскій**, гр., Леонидъ Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
104. **Капнистъ**, гр., Павелъ Алексѣевичъ, сенаторъ.
105. **Карѣевъ**, Николай Ивановичъ, д-ръ всеобщей исторіи.
106. **Кирпичниковъ**, Александръ Ивановичъ, проф. Моск. унив.
107. **Колубовскій**, Яковъ Николаевичъ, преподаватель педагогич. курс. въ Петербургѣ.
108. **Конисси**, Даніилъ Павловичъ.
109. **Корелина**, Надежда Петровна, секретарь редакціи „Вопросовъ Фил. и Псих.“.
110. **Корниловъ**, Александръ Александровичъ, прив.-доц. Моск. университета.
111. **Коробкинъ**, Ѳедоръ Семеновичъ, препод. средн. учебн. зав.
112. **Коршъ**, Ѳедоръ Евгеньевичъ, проф. Моск. унив., академикъ Имп. Академ. Наукъ.
113. **Котляревскій**, Сергѣй Андреевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
114. **Ланге**, Николай Николаевичъ, проф. Новорос. унив.
115. **Ланнъ**, Фердинандъ, лекторъ Моск. унив.
116. **Лапшинъ**, Иванъ Ивановичъ, прив.-доц. Спб. унив.

117. Лесевичъ, Владиміръ Викторовичъ, писатель.
118. Лопатинъ, Левъ Михайловичъ, проф. Моск. унив.
119. Лютославскій, Викентій Францевичъ.
120. Мальшинъ, Александръ Ивановичъ, психіатръ.
121. Мамуна, гр., Иванъ Андреевичъ, врачъ.
122. Масарикъ, Тома Осиповичъ, проф. Чешскаго универс. въ Прагѣ.
123. Мензбиръ, Михаилъ Александровичъ, проф. Моск. унив.
124. Милоковъ, Павелъ Николаевичъ, магистръ русск. исторіи.
125. Минцловъ, Рудольфъ Рудольфовичъ.
126. Михайловскій, Викторъ Михайловичъ, прив.-доц. Моск. унив.
127. Млодзѣевскій, Болеславъ Корнеліевичъ, профес. Московск. университета.
128. Моніевскій, Павелъ Васильевичъ, докт. мед.
129. Мороховецъ, Левъ Захаровичъ, проф. Моск. унив.
130. Некрасовъ, Павелъ Алексѣевичъ, попеч. Моск. Учебн. Округа.
131. Немировичъ-Данченко, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
132. Новгородцевъ, Павелъ Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
133. Оболенскій, Леонидъ Егоровичъ, писатель.
134. Огневъ, Иванъ Флоровичъ, проф. Моск. унив.
135. Охоровичъ, Юліанъ, д-ръ медицины.
136. Петровскій, Александръ Григорьевичъ, врачъ.
137. Плевако, Ѳедоръ Никифоровичъ, присяжн. повѣрен.
138. Поповъ, Иванъ Васильевичъ, доц. Моск. духовн. акад.
139. Постовскій, Николай Павловичъ, психіатръ.
140. Преображенскій, Петръ Васильевичъ, прив.-доц. Моск. унив.
141. Пржевальскій, Владиміръ Владиміровичъ.
142. Радловъ, Эрнестъ Львовичъ, профессоръ философіи въ училищѣ Правовѣдѣнія.
143. Рачинскій, Григорій Алексѣевичъ.
144. Ржондковскій, Николай Ивановичъ.
145. Россолимо, Григорій Ивановичъ, прив.-доц. Моск. унив.
146. Ротъ, Владиміръ Карловичъ, проф. Моск. унив.
147. Рузскій, Николай Виттовичъ, прив.-доц. Моск. унив.
148. Рутковскій, Л. В., прив.-доц. Спб. унив.
149. Рыбаковъ, Ѳедоръ Егоровичъ, д-ръ медицины.
150. Савей-Могилевичъ, Ѳедоръ Андреевичъ, психіатръ.
151. Савинъ, Александръ Николаевичъ, магистрантъ всеобщей исторіи.

152. **Саводникъ**, Владиміръ Ѳедоровичъ, препод. средн. учебн. заведеній.
153. **Сербскій**, Владиміръ Петровичъ, прив.-доц. Моск. унив.
154. **Серджи**, Джованни, проф. антропологии въ Римск. унив.
155. **Синорскій**, Иванъ Алексѣевичъ, проф. Кіевск. унив.
156. **Скрябинъ**, Александръ Николаевичъ, профес. Моск. консерв.
157. **Смирновъ**, Ѳедоръ Александровичъ.
158. **Соболевскій**, Василій Михайловичъ.
159. **Сооловскій**, Павелъ Эмилиевичъ, проф. Моск. унив.
160. **Сооловъ**, Павелъ Петровичъ, доц. Моск. духовн. акад.
161. **Соловьевъ**, Михаилъ Сергѣевичъ.
162. **Софроновъ**, Ѳедоръ Васильевичъ, земскій врачъ.
163. **Старынкевичъ**, Сократъ Ивановичъ.
164. **Стрѣльцовъ**, Павелъ Павловичъ. психіатръ.
165. **Сухановъ**, Сергѣй Алексѣевичъ, д-ръ медицины.
166. **Танѣвъ**, Владиміръ Ивановичъ, присяжн. повѣр.
167. **Тимирязевъ**, Клементій Аркадьевичъ, проф. Моск. унив.
168. **Тимковскій**, Николай Ивановичъ, писатель.
169. **Тихомировъ**, Павелъ Васильевичъ, доц. Моск. дух. акад.
170. **Трубецкой**, кн., Евгений Николаевичъ, проф. Кіевск. унив.
171. **Трубецкой**, кн., Сергѣй Николаевичъ, прив.-доц. Московск. университета.
172. **Уляницкій**, Владиміръ Антоновичъ, прив.-доц. Харьковскаго университета.
173. **Успенскій**, Сергѣй Николаевичъ, психіатръ.
174. **Умовъ**, Николай Алексѣевичъ, проф. Моск. унив.
175. **Фаворскій**, Андрей Евграфовичъ, присяжн. повѣрен.
176. **Филипповъ**, Александръ Никитичъ, проф. Юрьевск. унив.
177. **Фонъ-Штейнъ**, Станиславъ Ѳедоровичъ, прив.-доц. Москов. университета.
178. **Цвѣтаевъ**, Иванъ Владиміровичъ, проф. Москов. унив.
179. **Цертелевъ**, кн., Дмитрій Николаевичъ.
180. **Цингеръ**, Василій Яковлевичъ, проф. Моск. унив.
181. **Челпановъ**, Георгій Ивановичъ, проф. Кіевск. унив.
182. **Чижъ**, Владиміръ Ѳедоровичъ, проф. Юрьевск. унив.
183. **Шварцъ**, Александръ Николаевичъ, попечитель Варшавскаго учебнаго округа.
184. **Шервинскій**, Василій Дмитріевичъ, проф. Моск. унив.

185. **Шишкинъ**, Николай Ивановичъ, преподаватель средн. учебн. заведеній.
186. **Шмидтъ**, Евгений Александровичъ.
187. **Штейнъ**, Владиміръ Ивановичъ, писатель.
188. **Зверлингъ**, Сергѣй Николаевичъ.
189. **Эртель**, Александръ Ивановичъ, писатель.
190. **Якоби**, Павелъ Ивановичъ, психіатръ.
191. **Яковенко**, Владиміръ Ивановичъ, психіатръ.

Члены сореvнователи:

192. **Абрикосова**, Марья Филипповна.
193. **Абрикосова**, Глафира Алексѣевна.
194. **Абрикосовъ**, Александръ Алексѣевичъ.
195. **Алябьевъ**, Александръ Александровичъ.
196. **Андреева**, Александра Алексѣевна.
197. **Глики**, Юлія Ивановна.
198. **Гончарова**, Анна Сергѣевна.
199. **Каринская**, Марія Александровна.
200. **Любенкова**, Юлія Львовна.
201. **Львовъ**, кн. Дмитрій Петровичъ.
202. **Мазаровичъ**, Николай Ивановичъ.
203. **Мошнна**, Екатерина Дмитріевна.
204. **Мальковская**, Софья Александровна.
205. **Мамонтовъ**, Михаилъ Анатоліевичъ.
206. **Мамонтовъ**, Анатолій Ивановичъ.
207. **Павловъ**, Александръ Владиміровичъ.
208. **Петрункевичъ**, Анастасія Сергѣевна.
209. **Ремезовъ**, Иванъ Дмитріевичъ.
210. **Селивачовъ**, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
211. **Шахъ-Назаровъ**, Семень Григорьевичъ.
212. **Ясаковъ**, Тимоѳей Архиповичъ.

Члены корреспонденты:

213. **Гелеръ фонъ-Равенсбургъ**, президентъ Берлинскаго Психологическаго Общества.
214. **Мансъ Дессуаръ**, секретарь того же Общества.
215. **А. Байерсдерферъ**, предсѣд. Мюнхенскаго Психологическаго Общества.

216. Шренкъ фонъ-Нотцингъ, секретарь того же Общества.
 217. Левицій, И. Н.
 218. Демновъ, М. И.
 219. Гартвигъ, Андрей Ѳеодоровичъ.

Примѣчаніе. Членскіе взносы принимаются въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», а во время засѣданій—въ залѣ засѣданія. Иногороднихъ членовъ просятъ адресовать свои взносы въ контору журнала «Вопросы Философіи и Психологіи». Взносъ для дѣйствительныхъ членовъ 5 руб., для членовъ-соревнователей 10 р. въ годъ. Совѣтъ Общества обращаетъ вниманіе гг. членовъ Общества на § 9 Устава.

Условія для соисканія преміи, учрежденной при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ покойнымъ Д. А. Столыпнымъ за сочиненіе на тему по философіи наукъ.

Московское Психологическое Общество вновь назначаетъ премію въ 1.000 рублей за лучшее сочиненіе на прежнюю тему:

„Критическое разсмотрѣніе положенія Огюста Конта о естественномъ совпаденіи (coïncidence spontanée) первообразныхъ законовъ неорганической природы съ основными законами органической жизни и о стремленіи всѣхъ реальныхъ знаній человѣка къ логическому и научному единству (unité logique et scientifique)“. См. Cours de philosophie positive, leçons 58-me et 59-me, особенно стр. 681 тома VI-го, изданія Литтре.

Для полнаго разрѣшенія задачи желательно особое разсмотрѣніе философій физики, химіи и біологіи въ ихъ главныхъ методахъ и основныхъ законахъ, какъ онѣ изложены во II и III т. «Курса» (ср. брошюры жертвователя Д. А. Столыпина: Двѣ философіи. Единство науки. Ученіе Ог. Конта. Начала соціологіи.—Очерки философіи и науки.—Мировой законъ равновѣсія и гармоніи въ природѣ и общественныхъ явленіяхъ. Москва, 1888—92).

Срокъ подачи сочиненій—1-е января 1903 года. Присужденіе преміи особою комиссіей при Психологическомъ Обществѣ произойдетъ въ апрѣлѣ 1903 года. По усмотрѣнію комиссіи, согласно волѣ жертвователя, премія можетъ быть раздѣлена между

соискателями, а въ случаѣ неудовлетворительности представленныхъ сочиненій присужденіе преміи или значительной части ея можетъ быть отнесено на новый срокъ.

Сочиненія должны быть написаны на русскомъ языкѣ и доставлены въ Московскій университетъ на имя предсѣдателя Психологическаго Общества. Фамиліи и адреса соискателей должны быть присланы въ запечатанныхъ конвертахъ съ обозначеніемъ на нихъ девизовъ или эпиграфовъ представленныхъ сочиненій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества

Вышла майская книжка педагогическаго журнала

ХІІІ г. ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ. ХІІІ г.

Содержаніе.

I. ОРИГИНАЛЬНЫЯ И ПЕРЕВОДНЫЯ СТАТЬИ. Н. В. Гоголь (продолженіе). Проф. Д. Овсяннико-Кулиновскаго. — Отчуждно- и обществовѣднѣе въ среднихъ школахъ на Западѣ. Евгенія Лозинскаго. — Взглядъ В. А. Жуковскаго на поэзію. П. Самулина. — Принципы школьной организаціи въ Соединенныхъ Штатахъ, Англіи, Германіи и Франціи. — О преподаваніи исторіи въ I и II классахъ средней школы. Н. Родзевича. — Новый типъ школы въ Россіи. — Неестественность „естественнаго“ метода въ дѣлѣ обученія языкамъ. Л. Г. Боцадзе. — О преподаваніи языковъ въ школахъ. М. Фота. — Практическая попытка къ приватію „международнаго вспомогательнаго языка“. Приватъ-доц. Вл. Ивановскаго. — Къ вопросу о современномъ положеніи народныхъ библіотекъ. В. Ивановича.

II. КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ. Карѣвъ, Учебная книга древней исторіи. Н. Никольскаго. — Путеводитель по Великой Сибирской ж. д., подъ ред. А. И. Дмитріева-Мамонова; П. Головачевъ; Сибирь. Л. С. — Европа, иллюстр. географ. сборникъ, сост. А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чифрановымъ. Его же. — Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ, Шведы и Норвежцы, Е. Н. Водовозовой. Его же. — Животный міръ, его бытъ и среда, соч. д-ра В. Гааке, пер. подъ ред. проф. Н. А. Холодковскаго. Его же. — М. И. Покровская (женщина-врачъ), Вопросы воспитанія: О развитіи душевной энергіи у дѣтей, О воспитаніи пѣломудрія у мальчиковъ. — А. В. Ивановскій, Худая болѣзнь; С. В. Вишавскій, О приличивыхъ и заразныхъ болѣзняхъ. — Изъ давнихъ лѣтъ, историческіе рассказы Е. Опочинина; Въ деревнѣ и на охотѣ, рассказы, его же. — Изъ пѣсенъ о трудѣ, стих. И. Бѣлосова; Въ родныхъ поляхъ, его же. — Зайкины страхи и друг. рассказы п сказки для дѣтей, Л. Черскаго. — Любимцы каторги, разск. Л. Меньшина; Бѣдные люди, Жаба, по В. Гюго изложила В. Микulich; Лихой годъ, разск., изд. „Посредника“. — Красавецъ Джой, исторія собаки, рассказанная ею самой, соч. Маршалъ Саундерсъ. — Книги и брошюры, поступившія въ редакцію.

III. РЕФЕРАТЫ И МЕЛКІЯ СООБЩЕНІЯ. Языкознаніе, какъ социальная наука. — Конгрессы „союза для изученія дѣтей“. — Новый проектъ школьной организаціи. Г. П. — Выстія женскія школы въ Америкѣ. — Изъ жизни одной народной библіотеки. Л. Хавкиной. — „Дѣтскіе очаги“.

IV. ХРОНИКА. Школа, литература и жизнь. Народное образованіе на минувшихъ сессіяхъ земскихъ собраній. В. Ивановича. — Памяти Габба Ивановича Успенскаго. — Викторъ Петровичъ Острогорскій (некрологъ). — Дмитрій Дмитріевичъ Семеновъ (некрологъ).

Продолжается подписка на 1902 г.

Съ 1901 года, кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣднѣю, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Съ 1901 года журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книгѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 рубль.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Коношенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ *Н. Ф. Михайловъ.*

„МИРНЫЙ ТРУДЪ“

повременное литературно-научное изданіе

выходить 5 разъ въ годъ (1-го марта, мая, сентября, ноября и января), въ объемѣ 10—12 печатныхъ листовъ по слѣдующей программѣ: 1) романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія, какъ оригинальные, такъ и переводные. 2) Беллетристическія новости. 3) Литературная критика. 4) Искусство, театр и музыка. 5) Вопросы воспитанія и обученія. 6) Статьи по разнымъ отраслямъ науки. 7) Обзорніе научныхъ журналовъ. 8) Дѣятельность ученыхъ обществъ. 9) Научныя мелочи. 10) Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій. 11) Библіографія и 12) Объявленія.

Въ журналѣ общались сотрудничать: проф. В. П. Бузескуль, проф. П. Н. Будиный, А. В. Ветуховъ, проф. А. С. Вязигинъ, проф. Н. А. Гредескуль, проф. Н. К. Грунскій, проф. Я. А. Денисовъ, проф. М. С. Дриновъ, проф. Л. Н. Загурскій, проф. Ф. А. Зеленогорскій, проф. А. П. Кадлубовскій, П. В. Каменскій, Ф. Г. Кашменскій, проф. А. Д. Киселевъ, проф. А. С. Лебедевъ, проф. П. Э. Лейфельдъ, проф. Н. А. Максимейко, проф. М. А. Масловъ, проф. И. В. Нетушилъ, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, А. Р. Пельцеръ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. А. В. Репревъ, проф. Е. К. Рѣдинъ, проф. В. И. Савва, М. П. Савяновъ, проф. С. В. Соловьевъ, проф. Н. Ф. Сулцовъ, В. В. Умановъ-Капуновскій, проф. А. Н. Фатѣевъ, проф. И. П. Филевичъ, проф. М. Е. Халанскій, В. И. Харціевъ, проф. Р. И. Шерцъ, проф. Г. Ф. Шульцъ, проф. В. А. Ястржембскій и др.

Привлакая „мирный трудъ единственной вѣдущей силой, выдержавшей вѣковыя испытанія“, редакция ставитъ своею задачею сильное содѣйствіе пробужденію чуждаго вселкой нетерпимости національнаго самосознанія, усилению культурнаго общенія со славянствомъ и росту общественной самостоятельности, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ какихъ бы то ни было партійныхъ соображеній.

Подписная цѣна: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ съ доставкой 5 руб. въ годъ, для иногороднихъ съ пересылкой 6 рублей. Отдѣльные книжки по 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала (Харьковъ, Мордвиновскій, № 25, д. А. В. Ветухова). Контора открыта отъ 4 до 6 часовъ, кромѣ праздниковъ. За комиссію и пересылку денегъ книжные магазины удерживаютъ по 30 коп. съ cadaго годового экземпляра.

Издатель А. Ветуховъ.

Редакторъ проф. А. Вязигинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 г. Годъ VII.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ГЕОГРАФІЯ“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня—іюля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкою 4 р. 50 к., безъ доставки 4 р.; на полгода съ пересылкою и доставкой 2 р. 50 к.; за границу—7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 к. каждая. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и перес. денегъ только 20 к. съ cadaго годового полнаго экземпляра.

Контора редакціи: Москва, Б. Полянка, д. Учительскаго Института, кв. 2.

Редакторъ-издатель М. П. Варава.

О ПОДПИСКѢ НА 1902 ГОДЪ НА ВѢСТНИКЪ ПРАВА,

Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества,
издаваемый подъ редакціей Г. Б. Слюзберга.

Условія подписки:	На годъ:	По полугодіямъ.	
		Январь.	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р.
„ „ съ доставкою	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „
Въ другихъ город. съ доставкою	9 „ — „	5 „ — „	4 „
За границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „
Отдѣльныя книги журнала	1 „		

Подписка принимается: въ конторѣ „Вѣстника Права“, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Сергіевская, 62.

Открыта подписка на 1902 г. на ежемѣсячный литературный журналъ

НОВОЕ ДѢЛО.

Съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ еженедѣльной общественно-политической ГАЗЕТЫ.

Журналъ **Новое Дѣло** издается, какъ **продолженіе** 34-лѣтняго изданія **Недѣли и Книжекъ Недѣли**, при томъ же составѣ редакціи.

Направленіе и характеръ „Новаго Дѣла“ остается тождественнымъ съ „Недѣлей“. Развитие общественной самодѣятельности, горячее вниманіе къ народнымъ нуждамъ, участіе къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ сословій, усовершенствованіе нашихъ юридическихъ и экономическихъ отношеній, развитіе жизненности страны путемъ не узкопеменной, но общерусской самостоятельной культуры—вотъ основныя черты этого направленія.

Ежемѣсячное изданіе „Новаго Дѣла“, служащее продолженіемъ „Книжекъ Недѣли“, предназначается для строгаго и тщательнаго подбора произведеній художественной литературы, статей философскихъ, культурныхъ, біографій, путешествій, литературной критики и т. п., а также для того отдѣла обзора движенія мысли и литературы, который за границей составляетъ такъ называемые „Журналы журналовъ“.

Еженедѣльное изданіе „Новаго Дѣла“, служащее продолженіемъ газеты „Недѣля“, представляетъ собою разработанную и освѣщенную лѣтопись текущей политической, общественной, экономической и научной жизни.

Подписная цѣна: на ежемѣсячный журналъ: на годъ—7 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к. съ пересылкой. Тоже, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты, на годъ—10 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—2 р. 50 к., на 1 м.—85 к. съ пересылкой. За границу на 3 р. дороже. Книгопродавцамъ уступка. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, въ С.-Петербургѣ), гдѣ также принимаются и объявленія.

Подписчики „Недѣли“ платятъ за годовое изданіе **журнала и газеты** вмѣсто 10 руб. 7 руб.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Гончарная, 10.

Подписка принимается, кромѣ конторы редакціи, также въ отдѣленіяхъ конторы „Новаго Дѣла“: при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н. Я. Оглоблина и въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Рукописи для редакціи могутъ быть адресованы **В. П. Гайдебурову**, С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 37.

Редакторъ-издательница **А. Н. Пѣшкова-Толитѣрова**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ
(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАНИЕ РУССКАГО БИБЛИОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области исторіи русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библиографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго Библиологическаго Общества, объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

А. В. Андреевъ, Н. Н. Бахтинъ, А. К. Бороздинъ, В. Ф. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, А. И. Браудо, Н. М. Буда-Жемчужниковъ, А. М. Бѣловъ, С. А. Венгеровъ, Э. А. Витбергъ, Э. А. Вольтеръ, Н. А. Гастфрейндъ, Б. М. Городецкій, П. А. Дилакторскій, Г. А. Ильинскій, І. И. Югансонъ, В. В. Каллашъ, В. Н. Кораблевъ, Н. И. Коробка, А. О. Круглый, И. А. Кубасовъ, Г. З. Кунцевичъ, А. Л. Липовскій, А. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, Х. М. Лопаревъ, Е. А. Ляцкій, А. І. Лященко, М. Н. Мазаевъ, В. В. Майковъ, А. І. Маленинъ, А. Э. Мальмгренъ, В. Л. Молдазевскій, В. Н. Перетцъ, П. В. Петровъ, Е. В. Пѣтуховъ, В. И. Саитовъ, А. В. Селивановъ, П. К. Симони, В. В. Сиповскій, А. В. Смирновъ, А. И. Соболевскій, В. И. Срезневскій, А. М. Филипповъ, В. А. Францевъ, К. І. Храневичъ, П. Н. Шефферъ, С. Н. Шубинскій, П. Е. Щеголевъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ «Литературный Вѣстникъ» за 1901 годъ одобренъ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1901, ноябрь, стр. 34).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ: съ доставкой и пересылкою въ Россіи 5 р., за границу 6 р.

На полгода въ Россіи 3 р., за границу 3 р. 50 к.

Цѣна за отдѣльную книжку 1 руб. (выписывающіе отдѣльныя книжки изъ редакціи за пересылку не прибавляютъ).

О всѣхъ новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензіи.

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, 2) для иногороднихъ—въ редакціи „Литературный Вѣстникъ“, С.-Петербургъ, Подольская ул., д. 11, кв. 12, 3) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.

Редакторы: А. І. Лященко,
М. Н. Мазаевъ.

ВЪ СКЛАДАХЪ ИЗДАНИИ А. Ю. Маноцковой

Москва, 1) тип. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**; 2) маг. „**Книжное Дѣло**“, Моховая; 3) Спб., книж. складъ **Звогарева**, Б. Московская, 12 и 4) Спб., типографія Мин. Путей Сообщенія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К^о**,

находятся слѣдующія новыя книги собственнаго изданія:

П. Лафаргъ. „Умственный трудъ и машина“. Переводъ съ франц. Ц. 45 к.

Л. Штейнъ. „Къ аграрному вопросу“. Вып. I (самостоятельное дѣло). Исторія землевладѣнія и поземельнаго права до половины XIX в. Цѣна 75 к.

Эр. Махъ. „Научно-популярныя очерки“. Вып. I (представляющей самостоятельное дѣло). „Этюды по теоріи познанія“. Переводъ А. Мейера, подъ редакціей П. К. Энгельмейера, съ предисловіемъ къ русск. изд. Э. Маха.

Эр. Махъ. „Научно-популярныя очерки“. Вып. II (самостоятельное дѣло).

„Этюды по естествознанію“. Пер. А. А. Мейера, подъ редакціей П. К. Энгельмейера, съ портретомъ Эр. Маха. Цѣна 1 р. 20 к.

Фр. Юдль. „Давидъ Юмъ, его жизнь и философія“. Переводъ А. А. Мейера. Цѣна 1 р. 20 к. (трудъ этотъ премированъ Мюнхенскимъ университет.).

Эр. Лависсъ. „Всеобщая Исторія“ для дѣтей старшаго возраста. Приложенія и 13 картъ. Перев. съ 14 франц. изд. Цѣна 1 р. 20 к.

В. И. М. „Чехія и Чехи“. Очеркъ съ рис. и картой. Цѣна 40 к.

„Научно-популярная бібліотека А. Маноцковой“ для юношества и самоучекъ, первая серія:

№ 1. К. Петерсъ. „Популярная минералогія“. 58 рисунк. Цѣна 80 к.

№ 2. Проф. І. Нусбаумъ. „Основы биологіи“. 40 рисунк. Цѣна 80 к.

№ 3. З. Герингъ. „Основы политической экономіи“. (Экономич. бесѣды). Цѣна 75 к.

№ 4. Д-ръ Штерлингъ. „Наука о здоровьи“. (Основы гігіены). 13 рисунк. Цѣна 80 коп.

№ 5. Л. Жерарденъ и Томъ. „Общая ботаника“. 68 рисунковъ. Цѣна 1 р.

№ 6. Ф. Піотровскій. „Наука о погодѣ“. (Основы метеорологіи). 52 рис. Цѣна 70 к.

№ 7. Проф. Нолль. „Антропологія“. Съ 110 рисунк. Цѣна 85 к.

№ 8. Натансонъ. „Популярная физика“. Съ 140 рисунками. Цѣна 85 коп.

Выписывающіе изъ главнаго склада всю серію дѣликомъ получаютъ ее за 6 р. съ пересылкой. Съ требованіями обращаться въ **Москву, магазинъ „Книжное Дѣло“** (отдѣленіе книгоиздательства и главный складъ изданій А. Ю. Маноцковой), а равно и въ другіе склады.

Принимается подписка на 2-ю и 3-ю серіи

„Научно-популярной бібліотеки А. Ю. Маноцковой“ для юношества и самоучекъ.

ВТОРАЯ СЕРІЯ.

№ 1. Фраасъ. „Геологія“, съ мног. рис.

№ 2. Гюнтеръ. „Физическая географія“, съ мног. рис.

№ 3. Бернштейнъ. „Популярная химія“, съ политипаж.

№ 4. Гейльпернъ. „Астрономія“, съ мног. рис.

№ 5. Эльзенгансъ. „Популярная Психологія и Логика“.

№ 6. Захаріасъ. „Дарвинизмъ“.

№ 7. Томъ. „Описательн. ботаника“ (системат. и морфологія), съ мног. рис.

№ 8. Габерлянь. „Популярн. этнографія“, съ мног. рис.

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ.

№ 1. І. Вальтеръ. „Общая океанографія“.

№ 2. А. Бишофъ. „Основа финансово-вой науки“.

№ 3. Ф. Кирхнеръ. „Этика“.

№ 4. Морзелли. „Общая социологія“.

№ 5. Заборовскій (съ дополн. по Неймайеру и Гетчянсону) — „Палеонтологія“, съ мног. рис.

№ 6. Брефельдъ. „Популярн. бактериологія“, съ рис.

№ 7. Э. Д. „Исторія мірозданія“, съ рисунк.

№ 8. Т. Филта. „Всеобщая исторія“.

По соображеніямъ редакціоннымъ и цензурнымъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ авторовъ могутъ быть замѣнены другими. Подписная цѣна на каждую серію порознь 5 руб., на обѣ серіи вмѣстѣ 9 руб.

— По выходѣ изъ печати цѣна будетъ значительно повышена. —

Обѣ серіи выйдутъ въ теченіе 1901—2 года и будутъ заключать въ себѣ до 100 листовъ каждая, т.-е. по 10 — 15 листовъ въ каждой книгѣ.

Допускается разсрочка: а) при подпискѣ на одну серію 3 руб. и при полученіи 4-го №—остальные 2 руб. (наложеннымъ платежомъ); б) при подпискѣ на обѣ серіи 5 руб. и при полученіи 8-го № — остальные 4 руб. (наложеннымъ платежомъ).

Для земствъ, различныхъ казенныхъ и общественныхъ учреждений допускается болѣе льготныя условія подписки, а именно:

1)	При подп. на 10 и болѣе экз. каждой серіи дѣлается уст. съ подп. цѣны—10 ⁰ / ₀
2)	" " " 25 " " " " " " " " —15 ⁰ / ₀
3)	" " " 50 " " " " " " " " —20 ⁰ / ₀
4)	" " " 100 " " " " " " " " —25 ⁰ / ₀

Съ требованіями и подпиской слѣдуетъ обращаться въ главный складъ и отдѣленіе книгоиздател. А. Ю. Маноцковой: Москва, магазинъ „КНИЖНОЕ ДѢЛО“, Моховая, 26.

Проспекты по первому требованію высылаются бесплатно.